

ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ

ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ

*Рассказы, миниатюры,
зарисовки*

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1986

Каждое поколение неизменно обращается к старой теме — жизни лесов и полей, рек и озер, радости проникновения в их тайны. Об этом и наша книга. В ней собраны небольшие рассказы и миниатюры наших современников — писателей, хорошо известных, и людей, для которых литературный труд не стал основным занятием, но труд на земле и забота о ней побудили их к литературному творчеству. Среди них — колхозник, сельский учитель, ученый-орнитолог, лесничий, охотник... Наши авторы живут в Ростове-на-Дону и в Подмоскowie, в Вологде и Рязани, Пскове, Воронеже, Костроме, в Прионежье и в таежных лесничествах. И объединяет их хорошее знание своего края, любовь к нему и поэтическое видение окружающего нас мира.

Герои этой небольшой книжки — деревья и травы, звери и птицы, домашние животные... и человек. Человек, берегущий тепло земли.

*Составитель Т. Мальцева
Художник А. Матрешин*

Т $\frac{4803010102-176}{078(02)-86}$ 198—86

© Состав, оформление и произведения, отмеченные * в содержании. Издательство «Молодая гвардия», 1936 г.

*Я очень люблю лошадей, могу запрячь их в повозку.
Летом часто бываю на конюшне, катаюсь на лошадях
верхом. Я знаю клички лошадей, и лошадки знают меня.*

*Я сижу дома, учу уроки и смотрю в окно. А на ветке
яблони сидят приятные птички снегири. Я думаю — пусть
они не улетают.*

Из детских тетрадок

Г. Колесов

ЖУРКИ

При закатном солнышке по тугой подсыхающей тропке шел, помахивая новеньким пустым чемоданом, семнадцатилетний Володька Летнев. Затяжная и трудная весна наконец взяла

свое: от оставшихся редких мокрин поднимался заметный парок, воробьи горланили, поклевывая набухающие тополиные почки, ветерок доносил с недалекого поля гул тракторов, расчертивших его квадрат первыми проходами бороновальных агрегатов.

Мысленно Володька был уже далеко... Звал его школьный товарищ в город на курсы телемастеров. Писал, что рядом с училищем кинотеатр громаднейший и институт недалеко, куда Ленка Богатова осенью поступила.

Ленку вспомнил, и забылась сразу пустота вчерашняя после прощальных слов бригадира дяди Леши — отцовского друга давнего: «Земля проснулась, завтра бороться начнем... Батя твой без сменщика остался, придется Ваську Пугача посадить, хоть и тракторист он никудышный. Да езжай уж, раз на своем стоишь...»

Дома мать ужин готовила, братишка за забор прятался, в «войну» с ребятами играл.

Почти затемно пришел отец, долго мылся — покрывал под бренчащим умывальником, матери рассказывал:

— Отошла земляца, на бороны липнет, сегодня и дал-то всего тридцать гектаров. Завтра зорькой массо-

во пойдем, так что обедать не жди, да и сумку собери, задержаться могу в поле...

Мать вспомнила:

— Коля, письмо тебе пришло какое-то со штампом на конверте, не беда ли? — И тут же ругнула малого! — Садись ешь, да спать, а то завтра школу пропустишь!

Отец сел за стол, вскрыл конверт.

— Вот, сынок, вызывают на завтра в военкомат с учета сымасть воинского.

Доел молча и пошел с фонарем в гараж мотоцикл ладить.

Володька к яблоне прислонился — подышать вышел. От гаража потянуло бензином, скрипнула дверь, подошел отец, остановился рядом:

— Слышь, Вова, может, выйдешь завтра в мою смену? Жаль машину Пугачу доверить в настоящую работу, а я к ночи обернусь. Вставать только рано надо, да и мать заругает — последний день дома-то... — И замолк неуверенно.

— Чего там, встану, схожу отработаю, а послезавтра на второй автобус пойду, попрощаться успею...

Поутру, зорькою, привычно собрался Володька. Позевывая, вышел на улицу. Перед воротами остановил отец:

— Трактор я заправил вчера, подготовил. Если что — инструмент под сиденьем. Да что это я рассказываю тебе! — Повернулся и пошел к гаражу.

Солнце только поднялось над тонким покрывалом тумана, бороны часто залипали, нагребали кучи земли, приходилось ворочать их тяжелые звенья, и лишь часам к десяти наладилось, пошло чисто и споро.

Обед привез сам бригадир. Прошелся по пашне, присел на брус сцепки:

— Неплохо шпаришь. Движок как, ничего?

— Хорошо тянет, с батей сами делали,— ответил Володька.— Ты, дядя Леша, Пугача не привози, отец обещал успеть во вторую.

...Незаметно летело время. Широкая полоса оставалась от каждого прохода агрегата, важные грачи расхаживали по мягкой земле. Перед закатом Володя на ходу попил притеплившегося молока из бутылки, пожевал круглый поджаристый пирог. Ровно гудел мотор, медленно темнело небо, свет фар неясно высвечивал поле.

Неожиданно трактор, захлебываясь, сделал несколько рывков, и сразу стало тихо. «Все, солярка кончилась, а заправщик не успевает за всеми»,— подумал Володя и выбрался из кабины. Потянуло теплом от двигателя. Погудев, замолкла центрифуга. Володя, чуть пошатываясь, шагнул раз-другой по полю, остановился, пораженный богатством запахов возделанной почвы, звенящей тишиной засыпающей степи.

Вдруг какие-то легкие звуки, постепенно усиливаясь, донесли до обостренного слуха — по серому небу летели невидимые птицы, несли свою мелодию далекой северной родине.

— Журки... Журавли... домой добираются,— прошептал Володя и повторил: — Журки...

Затихала, удаляясь, стая, а он все стоял и слушал их волнующую песню, знакомую, казалось, как свет, как тепло, без чего нельзя прожить на свете.

Не заметил, как подъехал отец с заправщиком. Рассеянно слушал его слова, и только последнее: «Ну что, Володя, прощаться давай, завтра до вечера, пожалуй, в поле буду» — дошло до сознания. Он поднял глаза на отца и, не выпуская его руки из своей, вдруг сказал:

— Знаешь, батя, я остаюсь, жди меня завтра на смену.

Л. Семаго
СЛУЧАИ ИЗ ПТИЧЬЕЙ
ЖИЗНИ
НА ВОЗДУШНЫХ ДОРОГАХ
ВЕСНЫ

Может быть, первым прилетит к пустому, холодному жилью скворец и под аккомпанемент мартовской капли засвистит, защелкает, заквакает по-лягушечьи смелый певец. Может быть, жаворонок первым рассыплет на поля и дороги весенние трели, но главной новостью всех весен было и будет: «Грачи прилетели!»

С первым весенним теплом докатывается до наших мест волна пернатых переселенцев, и первыми в ней летят грачиные колонны. Шумливые черные птицы возвращаются в родные грачевья после четырехмесячного отсутствия, всего в несколько дней преодолев обратный путь. Глубокой осенью покидали они оголенные холодными ветрами рощи, черные поля намокшей зяби. Той же чернотой да остатками снега по лесам да оврагам встречает их земля. Почти ничего не изменилось ни в пути, ни дома, разве гнезд осталось меньше, чем было. Все знакомо, да к тому же многие птицы прилетают назад уже не первый год. Они-то эту дорогу знают как свои четыре пальца. Да и летят только днем, без боязни, без страха перед любой случайностью.

А многих пернатых путешественников, которых судьба забрасывает за экватор и которые только успевают перелететь на зимовках — и снова назад, на тысячах километров воздушных трасс, на многих станциях отдыха ждут и неприятные, и опасные встречи, и каверзы стихии. Те, которым только через месяц после возвращения исполняется год, впервые увидят разливы, цве-

тушие сады и молодую зелень полей. Но у них нет выбора лететь или не лететь, и остановить их не может ничто. Все равно долетит до своей черемухи соловей, все равно защебечет на коньке крыши в погожий апрельский денек ласточка; на сыром лугу за речкой затрубят журавли, в сумеречном небе будет кругами носиться бекас, а дрозды никак не поспеют за ним.

Птичьи перелеты. Птичьи дороги. Они таинственны и загадочны до сих пор. Весенний и осенний перелеты не одно и то же, не всегда это одна и та же дорога. Но если для молодых птиц осенний путь — первый в жизни, то возвращаются птицы, уже имеющие какой-то опыт перелета. Это уже проще.

Но самым дальним путешественникам мало верно найти дорогу на родину, надо прилететь в свои сроки, учтя всевозможные капризы весенней погоды: и раннюю жару, и поздние снегопады, и затяжные дожди, и сухие, горячие ветры. Белые трясогузки должны прилететь к началу разлива рек, а желтые — к окончанию, иволга — к зеленению раннего дуба, чечевица — к созреванию семян вяза, горихвостка — к цветению садов. Но эти события происходят в природе то раньше, то с опозданием, то опережая прилет, то следуя за ним. Все выравнивает потом лето.

Способность птиц находить место, где зимуют родичи, а весной — дом, удивляет и поражает. Навигаторы только и мечтают о простеньком и надежном приборе, который безотказно поможет проложить курс корабля так же точно, как большие и малые птицы, пролетев полсвета, возвращаются к родному гнезду. Но человек, все более совершенствуя навигационные приборы, вместе с тем все более теряет способность к ориентации, дарованную ему природой. Поэтому такими непостижимыми кажутся ему перелетные трассы.

Путешественников всех времен поражала такая же способность туземных проводников. Много лет назад на Северном Устьюрте наш небольшой отряд оказался в

затруднительном положении. Над ровной-ровной степью низко нависли пришедшие с Каспия сплошные тучи. Ни бугорка, ни старого мавзолея, ни караванной тропы — ничего до самого горизонта. Нет дороги. Один из рабочих, всегда жизнерадостный старик казах, уверенно махнул рукой: «Там Минжилки саксаул». Через два часа езды на полуторке забелели в степи между редкими кустиками саксаула конские скелеты. В переводе урочище так и называлось «Саксаул тысячи жеребцов». Когда-то здесь во время джута погибли большие байские табуны.

Я спросил Беркута, часто ли он бывает в этих местах. «Один раз проезжал, может, сорок лет прошло». Он и потом не раз удивлял нас: как бы далеко мы ни уезжали от его аула, он всегда точно показывал, где дом. А ведь он ни разу не видел свою степь с большей высоты, чем высота коня.

Птицы же на перелетах очень редко летят низко над землей. Большинство их, особенно те, кто чаще подвергается опасности нападения, летят ночами и летят высоко, поднимаясь на километр и выше. Не для того, конечно, чтобы лучше видеть звезды и по ним прокладывать свой курс, а для того, чтобы лучше видеть поверхность своей планеты, чтобы видеть сразу целые ландшафты: большие леса, горы, реки, города. Ведь и в безлунные ночи земля достаточно освещена, чтобы различать местность.

Есть места, где каждый год, как через невидимые ворота, летит стая за стаей, не отклоняясь в сторону, следуя каким-то приметам на местности. Между различными видами птиц нет пространственной изоляции, и во время перелетов на одной дороге могут находиться несколько видов, родственно близких и далеких. Многие воспринимают чужие звуковые сигналы и правильно понимают их значение, хотя и не могут воспроизводить их сами. И слышат птицы, может быть, еще лучше, чем видят. По крайней мере, опытный птицелов знает, как на-

чинает волноваться манная птица в клетке задолго до того, как он сам увидит и услышит летящую стаю. Птичьи голоса — это тоже маяки на путях перелета.

Возвращение на родину — правило для большинства птиц. Сколько раз находил я гнезда горлицы, серой мухоловки, мельничка, зеленушки в одном и том же месте два-три года подряд, хотя за зиму от прежних и намек не оставалось! Сколько раз по песне узнавал соловья, певчего дрозда, пересмешку, вернувшихся на прежнее место! Но есть птицы, для которых правилом стало невозвращение. Белокрылые крачки, розовые скворцы что ни год меняют места своих колоний — настолько они опустошают всю округу, выкармливая птенцов, что дают время восстановиться кормам. Но колонии грачей, серых цапель, береговушек могут служить примером постоянства, птичьей привязанности к месту, где родились.

Одни летят молча, молчаливее самых молчаливых, другие на всем перелетном пути поют, словно у гнезда. В перелетных весенних стайках самцов пеночек-весничек каждый на отдыхе поет, каждый токует, хотя поблизости нет ни одной самки. Токуют на пролете на донских, воронежских лугах красавцы турухтаны, хотя самок в их огромных стаях не видно. Кукушка, не долетев до места, наверное, ни звука не издает, если только где-нибудь на отдыхе не изведут обнаружившие ее дрозды, зяблики, синицы. Тогда желтоглазая птица с досады скажет негромко «у-а-а-ку-ку» и улетит, петляя между стволами.

Летят к нам птицы выращивать новое поколение. Ведь самим-то и двенадцатичасового дня достаточно, чтобы прожить, но, чтобы накормить весь выводок, этого времени мало. Да и тесновато там, где они зимовали, чтобы иметь собственный участок. И летят птицы в большой день, на свободную землю.

Два цвета господствуют на майском лугу — зеленый и желтый. Желтый — это высокие лютики, гусиная лапка, доцветающая свое, но еще пышная калужница. Белого мало: белый пух на кустах ивняков, белые шарики одуванчиков. У весеннего луга нет ароматов. Здесь свежесть и ветер. Гонит он по желто-зеленому ковру легкую волну, летит с ним ивовый пух. Желтые не только цветы. Бегают по лугу тонконогая, изящная птица с ярко-желтой грудкой. Она непуглива, но беспокойна и только перепархивает с травинки на травинку, качая длинным хвостиком. Желтая сестра белой трясогузки. Сколько будешь идти вдоль берега, столько будут провожать желтые трясогузки, передавая друг другу, чтобы посматривали за такими.

Вылетела на луговой простор, радуясь свежему ветру, пара сизоворонок. Одинаково красивые, одинаково ловкие синекрылые птицы в упоении полетом взмывают в высоту и опрокидываются крыло в крыло в плавный штопор, сверкая оперением и негромко подкаркивая друг другу.

Темным пятном, таким куренем-развалюхой посреди луга торчит куст. В разлив оказался он на струе, и полководье какого только хлама на него не навешало. Возле этой груды речного мусора как заведенный коростель дергает. Подходишь — смолкает, повернешься спиной — снова задергал. Коростель — плоский, как две ладони сжать, — между травинками пробежит и не качнет ни одну. Но сейчас трава низка, не убежать незаметно. А он и не убегает: нырнет под этот навес, постоит там молча, а потом, выскочив с другой стороны, снова заскрипит.

Два сытых ужа грелись на сухой сплавине, не слыша криков коростеля. Грелись глухие, но не дремали и, увидев меня, проворно скользнули в щели, не забыв утащить за собой и хвосты.

На лугу меньше песен, чем в лесу и даже в поле. Ни писк трясогузок, ни журчание береговушек песнями не назовешь, но тут есть неплохие исполнители. На кончике сухого прутика сидит светлобрый луговой чекан, забавляясь больше не своей песней, а чужими голосами. То кузнечиком, то с такой натуральностью затрещит и зачирикает воробьем, что ни отнять, ни добавить больше нечего. Так и кажется, что сейчас вылетит из травы рассерженный воробей. После всех прилетела чечевица: птица почти тропической красоты. Прилетела совсем с другой стороны, чем все другие птицы, с востока, и теперь спрашивает беспрестанно, кто что видел, с зари до зари высвистывая безответную песенку-вопрос.

От жилья, с лесных опушек спешат сюда день-деньской скворцы. Из низкой травы видны только спинки и головы птиц. Как шустрые, озорные монашки, бегут табунком скворцы, молясь, и отбивая поклоны, и успевая повздорить друг с другом на бегу. Поклон направо, поклон налево — и, обгоняя соседей, дальше. Семья у каждого своя, а даже за кормом для нее летят вместе.

Переполох и тревога в колонии чибисов. Взвизгивая, реют черно-белые птицы, бросаясь вниз: какой-то бродячий пес рыщет по лугу, а на земле лежат ничем не прикрытые яйца, бестолковые еще птенцы-пуховички. Тогда двое самых смелых взялись отвести беду от общины. Упав в траву, они применили самый испытанный прием всех куликов: заковыляли, падая и волоча бессильно повисшие крылья. Враг даже не поверил сразу, что перед ним легкая добыча. Бросился к одному, но того, словно лист бумаги, ветром отбросило в сторону. Он к другому, и тот, наверное, на одном крыле увернулся от собачьей пасти. Псу задуматься бы, а он вперед, вправо, влево, щелкая впустую зубами. Потом решил поймать одного, второй все равно никуда не денется.

Но не такой размазне ловить чибиса, этот ас легко

от выстрела успевает увернуться. Постепенно погоня превратилась в наказание. Измученная собака уже поняла, на какую попалась удочку, и хотела бежать куда угодно. А перед ней, перепархивая, садились и взлетали две крикливые птицы, не давая уже дороги. Наконец они оставили ее в покое. Отбежав с вываленным языком, она очумело оглянулась на тех, кого только что считала своей добычей. А смельчаки (они все-таки рисковали) стояли, удивленно подняв хохолки, как будто недоумевая, почему же этот зверь отказался от такой увлекательной игры, и полетели к своим. А там тоже не дремали, дав отпор целой шайке холостых ворон. Таких как магнитом тянет в птичьи городки, где иногда в суматохе удается стащить яйцо из чужого гнезда.

На вечерней заре безмятежная, чистая гладь реки будто вскипает от всплесков больших и малых рыб. Скворцы летят сюда и кого-то схватывают в воздухе. Какая-то темная живая дымка встает от воды и, редая, растекается над лугом: летит поденка.

К ночи опускается на луг прохлада. Ночью в неизмеримой глубине бездонной реки зажигаются далекие звезды. Черные берега, черные ивняки, черная вода. И над всей этой неподвижностью тысячи озерных лягушек орут свои дикие песни.

Орут в лунные и темные, в ясные и туманные, в теплые и прохладные ночи, орут в дождь и перед дождем. И мечется над лугом ночное эхо, наполняя этим громом и дальний лес, и глубокий овраг.

Каркнет в кустах волчок, выпь застонет, без передышки будет надсаживаться дергач, бормотать варакушка, но их голоса тонут в лягушачьем раскатистом крике. Только соловьиный свист не заглушить этим кваканьем. Как сольные партии звучат над бесшабашным оркестром колена его песни. Каждое поется чисто, размерно, с великим чувством. Но бывает среди ночи какой-то час, когда смолкают и соловьи, а лягушачий оркестр и не запиет.

ОРЕЛ-КАРЛИК И ПЕВЧИЙ ДРОЗД

У небольшой лесной поляны жили по соседству певчий дрозд и семья орлов-карликов. Призывный клич у маленького орла — красивый и чистый свист, довольно мягкий и звучный. Принося добычу насиживающей орлице, он всегда звал ее к «обеденному» дереву именно этим свистом, не повторяя его дважды. Ела она один раз в день, обычно после полудня, и до этого времени лежала в гнезде спокойно, то подремывая, то без особого любопытства разглядывая скакавшего над ней удалца поползня. Но были дни, когда солнце катилось к закату, тени накрывали поляну, а кормильца все не было, не ладилось у него с охотой. Голодная орлица не могла оставить гнездо, чтобы самой поймать кого-нибудь. И как раз перед вечерней зарей, когда смолкали остальные певцы, начинал концерт певчий дрозд.

Это был большой мастер, и ему явно не хватало своих импровизаций. В обычные дроздовые колена он вставлял «бой» перепела, трель щурки и кое-что еще. Но особенно нравился ему голос соседа-карлика, и он повторял орлиный призыв чуть ли не ежеминутно. Был дрозд отличным певцом, но пересмешником оказался так себе, потому что даже не очень музыкальный слух улавливал фальшь, когда он свистел по-орлиному.

Сытая орлица даже голову не поворачивала в ту сторону, где пел дрозд. Но чем дольше задерживался орел, тем сильнее поддавалась она обману и даже приподнималась на гнезде, слыша за деревьями не очень похожее на настоящее «пи-пи-пит».

Тише становилось в лесу, звучнее разносились по нему рулады дрозда, сильнее волновалась орлица, и казалось, что вот-вот она полетит туда, откуда доносился свист, чтобы убедиться, что там нет ее орла, а может быть, для того, чтобы оторвать голову обманщику. Но до

этого никогда не доходило, потому что ни разу орел не оставлял орлицу голодной на ночь. И когда гасла заря, когда, распалясь, всю пел дрозд, она, не поворачивая голову в его сторону, засыпала, не дожидаясь полной темноты.

КАК СТРИЖ СОРОКУ НАКАЗАЛ

Никто в птичьем мире лучше кукушки и сороки не умеет отыскивать гнезда мелких птиц. Кукушка — для того, чтобы оставить там свое яйцо, сорока — наоборот, стащить все яйца или птенцов. Сорокопут, иволга, скворец еще дают пестрой грабительнице достойный отпор, а те, кто поменьше ростом, только писком пытаются помешать. Но сорока сама стрекочет с таким возмущением, словно прилетела требовать старый долг за неуплату какой-то дани. За это даже те птицы, что ни разу не пострадали от сороки, не любят ее и боятся в гнездовую пору, но отомстить или насолить ей самой, конечно, не могут. И все-таки однажды она получила такой урок, что запомнит надолго.

Приметив под кровлей старой, ветхой церквушки щель, откуда вылетали стрижи, сорока решила поживиться за их счет. Но едва она прицепилась к карнизу, так тут же с испуганным криком бросилась обратно и, круто снижаясь, почти упала в один из ближних садов. В тот же миг заверещали обеспокоенные скворцы, а из травы под яблонями раздался высокий и резкий писк неизвестной птицы. По голосам выходило, что на какую-то пичугу напала сорока и, не убив ее сразу, приканчивает на земле.

Но стрекотание и визг не прекратились, когда сорока увидела вблизи человека. Она поскакала к забору, словно бы раненая, волоча одно крыло и стараясь клюнуть себя же в спину. На сороке, вцепившись в крестец, сидел, развернув крылья и визжа, стриж, не сразу различимый на черном сорочьем оперении. Сидел он за-

дом наперед, подставляя сороке жесткий хвост. Нанести сильный удар седоку она не могла, но дергала его за перья хвоста. Стриж взвизгивал, но больнее становилось самой же сороке, потому что острые и круто загнутые стрижиные когти еще сильнее впивались в нее.

Может быть, сорока и смогла бы поднять в воздух еще четверть дополнительного веса, но стриж вряд ли бы оставил ее и на лету, коль не хотел отцепляться на земле. И тогда смекалистая птица нашла способ избавиться от мстительного наездника. Она доскакала до кучи хвороста и, нырнув в нее, содрала стрижа со спины. Освободившись, взлетела на густой вяз и сидела там чуть ли не полчаса, не обращая внимания на верещание скворцов и забыв о собственной семье. Было похоже, что сорока переживает не только боль, но и позор, что есть у нее какое-то чувство стыда, а скворцы вроде бы злодествовали по поводу случившегося.

А стриж? Он по веткам выполз на ворох и без всякого труда взлетел с него, в несколько секунд затерявшись в небе среди своих. Победителем-то остался он!

ЛЕТНЕЕ ПОЛЕ

На летнюю ниву, на ее завораживающий простор можно смотреть долго, не уставая, не отводя взгляда, как на пламя костра. Степь всегда будоражила воображение не своим многоцветием, а куда-то бегущим волнением майских ковылей. А рожь? Будто это живые волны чистого отмытого песка, а не рожь и в ней васильки. Спящая пшеница отливает цветом каленой бронзы, по которой ветер беспрестанно рисует муаровый узор. Порыжели прямые усы ячменя, сизой дымкой подернуто поле овса. словно густая изморозь легла на сочную зелень гречихи, и, как в весеннем саду, гудит над гречи-

хой пчела. А по соседству уже зажелтели яркие венцы солнечного цветка.

Поля, поля, поля... В них пока тишина, и беззвучно плывут по ним тени облаков, меняя оттенки, сгущая цвета. Серые тучи, пролившись дождями, отскреба молниями, уходят, обессилев, опираясь на радугу. А после них без шелеста и ропота распрямляются полегшие стебли. Ветер шепчется с колосьями, разглаживая и расчесывая на все стороны неподатливые гривы. В безветрие, в зной неподвижность заметна только вблизи, а дальше она исчезает в горячем и струйчатом мареве, отрывающемся от земли зеленые и желтые острова.

Тишина — это так. Льется из-под облачной выси песня полевого жаворонка, с которой он встречает и провожает солнце, с которой прилетел весной. Может быть, она даже стала богаче напевом, ведь жаворонок не зяблик, что заучил на всю жизнь пусть красивую, но однуединственную трель. Доведя скорость полета до скорости ветра, будто в невесомости парит птица над полем и вдруг, не меняя ни громкости песни, ни темпа, лихо заложив крылья, камнем падает вниз и, едва не коснувшись колосьев, мгновенно смолкает.

Последние песни поет жаворонок: вот-вот загрохочет поле машинами и, отдав урожай, снова превратится в пашню. Поет не для себя: подрастают вторые птенцы. Они должны запомнить песню отца и с ней возвертаться весной.

Не прозевал того дня, когда начало наливаться хлебное зерно, зловредный жук с веселым названием «кузька». Вылез из земли, взобрался на колос, цепко обхватив его шестью крюкастыми лапками (так цепко, что никакому ветру не оторвать, не стряхнуть), и начал жевать молочно-белую мякоть. Сильнее соседних клонятся колосья, где сидят вместе два, а то и три рыжеватых жука и каждый грызет. Сам он, этот корявый кузька, по вкусу не всем, но все-таки и на него находятся любители.

Реет над полем, чуть касаясь острым крылом пшеничной волны, кобчик, снимая когтистой лапой жука за жуком. Узнали об этом болотные крачки и всей стаей летают сюда с ближайшей поймы. Крепко держится кузька, раскачивает свежий ветер колосья, то пригибая, то выпрямляя их. Попробуй схвати с лета. Схватывают, как бабочки, порхая над полем. Одни черные, крылья — белые, другие все черные. Да и велик жук числом, никаких птиц не хватит, чтобы избавить от этого нахлебника. Он и после жатвы, ненасытный, будет шарить по стерне. Но тогда на него не будут смотреть и вороны.

Порой, сливаясь с сизоватым отливом овса, легко скользит в неторопливом полете лунь. Весь светло-серый, лишь на вираже мелькнет черная перевязь под крылом. Этот не за кузькой прилетел. В гнезде лежат пятеро крючконосых лунят, с ними мать. Не по жучку же им носить в каждой лапе. Ищет лунь покрупнее добычу.

Пулей метнулся через дорогу суслик. И остановиться страшно, и в густую рожь нельзя, ничего не видно вокруг. Вот и нырнул с разгона в норку на обочине. А замешкался бы малость — быть ему в когтях у луня. Да и делать в такую жару наверху зверьку нечего. Вот у кого нет на свете друзей: ему и солнце враг. Оно может убить, если некуда будет спрятаться.

Рядом с суслиной норой другая, аккуратно, как ружейный ствол, высверленная в земле. В ней живет мизгирь, чернобрюхий паук-волк. Он ждет, когда начнет смеркаться и можно будет выходить на охоту. Здоровенный паучина уже положил передние ноги на край норы. Весь долгий день просидел в прохладе, но есть-пить хочется до того, что готов засветло выскочить: будь что будет.

Краснеет белое солнце, склоняясь к закату. На него уже можно смотреть: на красном диске огромного светила пляшут черные точки, — растянувшись на версту,

вереницей, молча тянет грачиная стая к дальнему ночлегу. Улегся ветер, успокоились вихри, ушли облака. Застыли залитые красным чуть полегшие вихри ячменя, потемнела пшеница, не колышется рожь. Лиловатые тени полезли на склоны из балок. Картина иная, чем днем, иная жизнь в ночном поле.

Под луной оно еще величественнее. Где его край, есть ли у него граница? Но в ночной тишине чего-то не хватает этому величию. Не должно быть такого безмолвия. И когда услышишь далекое «подь-полоть», а покажется «спать пора», обаяние русского поля с его простором, с перепелиным боем, с запахом пыли и свежести и чистым небом над ним станет еще сильнее. Трижды кряду ударил перепел, и снова ни звука, а потом совсем рядом другой отозвался, попиликал немножко сверчок, посвистела сова, петухи заорали в деревне. Значит, полночь, недалеко до рассвета.

СИНИЦА В ГОСТЯХ У ЯСТРЕБА

В глухом и мрачноватом лесном урочище в гнезде тетеревятника росли два птенца. Первые дни своей жизни они провели под крыльями ястреба-матери, которая и грела их, и кормила. Потом она прикрывала детей своим телом только в дождь и холодную погоду. А с тех пор как в белом пуху ястребят показались темные пеньки будущих перьев, оба уже жили под открытым небом как взрослые птицы, а мать только присматривала за гнездом со стороны и по-прежнему делила между ними добычу, которую приносил с охоты ястреб-отец.

А ловил и носил он больше, чем могли съесть и самка и малыши. Нередко после второй утренней кормежки в гнезде оставались птичьи косточки с кусочками мяса на них, а то и целая ошипанная тушка сорочонка или дрозда. Когда пригревало солнце, в гнезде появлялись

блестящие мясные мухи. Чем больше оставалось несъеденного, тем больше слеталось мух. С земли было видно, как вились они возле ястребят.

Единственными уцелевшими соседями тетеревятников была семья больших синиц, у которых в крепком пеньке с дуплом росли одиннадцать птенцов. Все открытые гнезда хищники разорили. Синицы не только уцелели, но одна из них несколько раз за день взлетала в ястребиное гнездо и ловила там жирных мух. Она перескакивала через ястребят, вспархивала на ветку и снова спрыгивала на помост. Проснувшиеся птенцы только глазами водили за шустрой гостьей, а сверху на нее вроде как снисходительно поглядывала ястреб-мать.

Но когда из пеньков на крыльях ястребят развернулись коричневатые кисточки полетных перьев, когда они сами стали рвать добычу, которую приносил отец, синица вроде бы поняла, что дальше рисковать не стоит, но все-таки ежедневно по утрам прилетала к гнезду хищников. Тетеревятники не раз приносили детям синиц, но смелую соседку почему-то не тронули, хотя была она не исключительной и не самой отчаянной. И ее соплеменницы в других местах наведывались в гнезда тетеревятников с одной целью: поживиться мухами, когда добычу искать или ловить было трудновато.

БЕЛАЯ ТРЯСОГУЗКА

Чернеют по берегам ряды пустых норок, да и самих береговушек давно след простыл. Зимородки улетели. Однако осень еще не всех птиц прогнала с реки. В заводях, за камышиками, сытая утьва потихоньку покрякивает, лысухи текут. Чайки, едва взмахивая длинными с изломом крыльями, внимательно присматриваются к воде. Два куличка задумались на отмели. Над водой, над лугом стая касаток в бреющем полете сверкает вороненым пером. А по краю обрывчика взад и вперед трясо-

гузка бегают по утоптанной травке, покачивая длинным хвостиком.

Бегают и словно сама с собой разговаривают. Сама себе вопросы задает, сама себе отвечает. Вопросы короткие и одинаковые. Ответы подлиннее и разные. И все это между делом: то за мухой подпрыгнет, то с травинки склунет, то на земле кого-то догонит. Потом остановится и, перестав щебетать, запоем весеннюю песню. Не очень она у нее складная, не очень певучая, не очень громкая, но самая настоящая песня. Поет и присматривается ко всем пролетающим мимо. Вот какая-то касатка оказалась слишком близко, нарушив невидимую границу. И мгновенно длиннохвостый певец уже с криком возмущения гонится за ласточкой. Не помогают ни скорость, ни увертки: чуть не на хвосте висит рассерженная трясогузка. А отогнав нарушителя, снова возвращается к обрывчику.

Похоже, что ласточка и не обиделась и приняла это за игру, или подразнить захотелось, потому что через минуту она опять пролетает рядом, и погоня повторяется.

И за овсянкой камышовой припустилась так, что та больше и не показывалась. Подремала немного, перестав качать хвостиком, и снова взад-вперед забегала, снова защебетала.

Очень все это похоже на весеннее поведение, но не могла же спутать птица сезоны и принять холодный, ненастный сентябрь за апрель.

Нет, скорее всего осенью самцы белых трясогузок приглядывают себе и занимают удобные участки для будущего года. Они и весной раньше самок прилетают, чаще всего в половодье, когда залит еще облюбованный бережок. А всех посторонних и конкурентов от этого места отваживают с осени.

Правда, не только по берегам и не только у воды устраивает гнезда трясогузка. Под крышей, как воробей, в дупле, как синица, под корнями, как зарянка, за на-

личником, как мухоловка, в любом другом укрытии с комфортом устраивается птица. Живет она и на глухом лесном кордоне, и среди современных кварталов больших городов. Встречал я знакомую птаху и в самом центре безводной пустыни Устюрт.

У взрослых платье трехцветное: примерно поровну черного, серого и белого. Птенцам не полагается ни черного, ни белого. При такой невзыскательности природа проявила очень тонкий вкус, одев птицу в необыкновенно элегантный и немного щегольской наряд, одинаковый у самцов и самок. Поэтому отличить птиц в паре друг от друга можно только по поведению, по песне, по отношению к гнезду: насиживает яйца с первого до последнего дня только самка. А далее все обязанности поровну — своих ли кормить или кукушонка воспитывать.

Особое изящество птице придают ножки и, конечно же, хвост. Длинный, он вроде балансира. Бегаёт трясогузка быстро, не видно мелькания ножек, а мгновенно остановившись, покачает хвостом вверх-вниз. Еще пробежит и еще покачает. В покое хвост только у дремлющей или сидящей в гнезде. И птенцы ее, еще не умея даже перепархивать, уже бегают точно так же, сохраняя равновесие коротеньким, в полмизинца, хвостиком. Имея такой хвост, трясогузка может мгновенно менять направление полета, может взлететь вертикально и опуститься в ту же точку. По весне самец, ухаживая за избранницей, разворачивает хвост роскошным шлейфом — широким, черным, с белой каймой по краям. И когда купается, веером кладет его на воду, брызгаясь только крыльями.

Юрка и проворна трясогузка в воздухе и на земле, и нет от нее спасения ни летающим, ни бегающим насекомым. Поэтому и обходится она малой территорией, не отлетая далеко от гнезда за кормом. Гнездо строит дважды в лето, дважды выводит птенцов, если, конечно, кукушка не вмешается. Самая это удобная птица для ку-

кушки, самая лучшая кормилица и воспитательница — белая трясогузка. Никогда и нигде не было кукушке отказа, всегда, как родного, выкормят, защитят, как своего.

Полгода трясогузка дома, полгода — в отлете. Заблестит на лугу серебристая осенняя паутина, ляжет на воду желтый лист прибрежного клена, соберутся со всей реки трясогузки в одно место. Посидят молча на коряжках и пеньках, на кочках, на черных комьях зяби или убранного огорода и, не сговариваясь долго, возьмут курс точно на юг. А пока бегают задиристая птица по обрывчику и сама с собой разговаривает. Вопрос понятен: «Почему?», а ответ торопливый — ничего не разоб-
раться.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАЙКИ

Всего месяц остался до полуночи года. Уже по-зимнему коротки дни; солнце в полдень так же низко, как и в конце января. Оно само не в силах справиться с первым снегом, и он тает от тепла земли, ветра, дождя. Это время, когда все готово к приходу зимы, а сама она может явиться в любой момент.

Ночами замерзают лужи, а вода уходит в землю, и под узорным льдом белая пустота. Застывают в камень последние грибы, в хрустящий покров смерзается волглый лист. И от хруста собственных шагов нервничают олени: пробежав десяток метров, изваяниями замирают, напряженно вслушиваясь.

Снова перебежка, и опять застыли пугливые звери. К полудню отмякнет лесная подстилка, и неслышными тенями метнется потревоженный табунок, только зачиркают по веткам рога.

Все чаще хмурится небо, все ниже спускаются тучи. Черные облака без ветра несутся под серыми тучами. Крылья вороньих стай цепляют сырую пелену, но не развеять ее и миллионами крыльев. Серые рассветы, серые

дни, серые сумерки, серые дожди. Но в ясную погоду не остается и следа этой серости. Удивительно, что даже для такого унылого времени природа оставила столько красок. Вдоль двухцветной стены сосен красные копны верб и четкое белостволие берез. Оранжевые кроны ракит над жухлыми тростниками. Свежей зеленью на густой черноте пашни выкрашены склоны степных балок и нетканые километровые ковры озими. Голубые ленты рек в берегах из отмытого песка. В поздней отаве ярким блеском горит одуванчик, а на курчавых кустиках аистника розоватые цветки и десятки бутонов. В лесном овраге мужской папоротник положил на темный осиновый лист свои ярко-зеленые перья.

На темных пятнах кабаньего рытвя корневища ландыша и клубеньки хохлаток с белыми ростками, луковички подснежников с желтоватыми шильцами туго свернутых листьев. Внутри, как спеленатые, совсем готовые, еще без голубинки, бутоны.

Божьи коровки в скользящих лучах низкого солнца алеют лаком спинки. Но они не последние из насекомых. Еще вьются в свете ночных фонарей рыжеватые совки. Не смущаясь даже снегом, в лесу летают нежнокрылые комарики, копошатся под листьями снежные черви. В такие дни не вызывают удивления последние сизые чайки, реющие над полями или донской поймой, но поражает смелость скворцов, летящих навстречу зимним кочевникам-чечеткам и рогатым жаворонкам. Нет-нет да и выглядывают в последний раз из родникового омутка пучеглазые лягвы. На светлом мелководье не видно рыбьей мелочи: ушла на глубину.

Звуков мало, но зато все они хорошо знакомы: шелест зимних дубов, перестук дятлов, звонкие голоса гапок, колокольчики свиристелей, автоматные очереди сорок, свист крыльев последнего каравана гусей, свист ветра в оголенных ветвях. Предзимье как предзимье.

ЗИМНИЕ ЖАВОРОНКИ

Медленно растекается по улицам и дорогам поздний январский рассвет. Скрип снега под каблуками да шорох вороньих крыльев в густом морозном воздухе — первые звуки утра. И то ли на самом деле, то ли показалось в сумеречной стуже: чистый минорный пересвист жаворонка, а издалека другой. Не показалось. Проснулся, почистил и отряхнул перо и бегаёт по дороге хохлатый жаворонок.

Сверху он своим тускло-палевым обычным жаворончатым окрасом напоминает городского воробья, но такого симпатичного хохолка нет больше ни у кого. Роскошный убор удода, щегольской хохол чибиса, артистический зачес свиристеля придают импозантность их обладателям. У крохали из-за хохла вид прямо-таки пиратский, а чернеть даже сумела предвосхитить современную моду. Острый хохолок жаворонка если и украшение, то очень скромное, но его положение очень четко выражает настроение птицы. При ухаживании он нависает над клювом как маленький острый рожок из перышек; затаиваясь или сердясь, жаворонок прижимает его к затылку. Любопытство, радость, растерянность, испуг — все на кончике хохолка.

Выходец из Северной Африки живет ныне по песчаным безлесным левобережьям речных долин. В полях его не увидишь; на пустырях да разбитых выгонах живет хохлатый жаворонок с весны до снега.

Он знает, что будет зима, и все-таки остается на родине. С первыми снегопадами появляются жаворонки на деревенских улицах, слетаются на окраины большого города. У птиц исчезает боязливость: отбежит чуть в сторонку и, пропустив тебя, вернется на место с таким достоинством, будто, уступив дорогу, он нисколько не испугался, а только проявил врожденную вежливость. Но жаворонок все время начеку: стоит только оста-

новиться неподалеку и посмотреть на него, сразу улетит.

От колес несущихся автомобилей убегает очень проворно. Ведь жаворонок не гусь, перед ним не сбавляют скорость, не тормозят. Зимние дороги всегда были его спасением: и когда тянулись по ним санные обозы, и когда покрылись они асфальтом и бетоном. Всегда удастся подобрать что-то сметенное ветром в колею или на обочину и сытым быть, а потом даже подремать немного. Зимняя пища — семена, и весь день жаворонки в поиске. Иногда посчастливится найти замерзшую крошку хлеба или подсолнечное семечко. Ухватив такую находку кончиками тонкого клюва, птица бьет ее об асфальт, о камень или просто о землю, пока не расколется, и подберет потом самые крошечные крупинки. И даже если нет снега зимой, не забывает жаворонок дорогу, не отлетает от нее далеко.

Летает он как-то нехотя, больше ходит. Шаг широкий: длиннее самой птицы. Походка тоже особая — когда ходит, чуть кивает при каждом шаге. На бегу похож на коротконогую куличку и не качнет головкой. Легко на ногу и бежит быстро: не видно мелькания ножек. Но в жестокую стужу неуклюже ковыляет на одной ноге, спрятав в перья другую и подпираясь полураспущенным крылом, чтобы не потерять равновесия. Обжигает мороз тонкие птичьи пальцы. Ночью ему даже теплее, потому что лежит в небольшой ямке, поджав обе лапки и спрятав клюв в густое перо.

В конце зимы, еще до прилета заморских певцов, когда и синицы не распойются как следует, начинает петь этот жаворонок. Он не взлетает с песней в белесую дымку предвесеннего неба, как полевой. Ему и на земле места достаточно. И чистый напев без начала, без конца, без четкой повторности колен, то замирая, то звеня на пределе, звучит как прощальная песня грачам, с которыми зимовали вместе. На солнечном, но еще без проталин косогорчике сотни степенных грачей в мол-

чании и строгой неподвижности слушают маленького певца, который расхаживает на обтаявшей кочке и поет, поворачиваясь то к одним, то к другим. Торжественность этой необычной сцены не могут нарушить даже галки, всегда обсуждающие вслух и свои и чужие дела.

Только в разгар весны с такой же песней иногда поднимается хохлатый жаворонок в небо. Но там его мастерство блекнет в сравнении с несмолкаемыми переливами полевых жаворонков. Наш знакомец — одна из немногих певчих птиц, которая поет по-весеннему и в погожие, солнечные дни теплого бабьего лета, осенью.

Когда у меня бывает свободное время, я еду на городскую окраину и на трамвайных и автобусных остановках кормлю озябших жаворонков. Они всегда на своих местах, у каждой парочки и зимой своя территория, на которую не претендуют другие. Не потому, что будут встречены враждебно, а просто так больше шансов быть сытыми. Одни, как цыплята, сразу бегут к корму, а с самыми осторожными приходится хитрить, чтобы накормить каждого. Мимо таких надо идти, глядя в сторону, и, уронив щепотку крошек, пройти еще шагов двадцать, не оборачиваясь. Да еще надо сделать это так, чтоб не заметили ни голуби, ни воробьи.

Жаворонки вообще-то птицы довольно миролюбивые и к воробьям относятся дружелюбно, но иногда и у них прорывается возмущение, когда на щепотку крошек налетает десятка полтора настырных нахалов. Попробует жаворонок потащить одного-другого за вихор, но те, даже не пискнув, торопливо клюют крошки. А через минуту обиженному и расстроенному жаворонку и подобрать нечего. С голубями еще хуже: тем не выразишь протест даже в такой форме. Вот и приходится иногда отгонять с бойкого места самого жаворонка, чтобы накормить его в сторонке. Очень хочется, чтобы дожили до весны эти смелые, жизнерадостные птицы.

~~~~~

Однажды мы жаворонка в поле встретили. Обычно он в небе висит, а тут низко так летал. Отлетит и на нас оглянется, будто к себе подманивает. Мы в сторону шагнули — гнездо! От гнезда уводила нас птица. Сначала хотели взять яйца, а потом оглянулись на жаворонка и не тронули.

Мы живем теперь в маленьком селе. Наш дом стоит в лесу, среди сосен. Каждый день к нам в сенцы стала приходить белочка. Я притаюсь у окна и смотрю: вот она по забору скачет, с одного штакетника на другой — по кругу. Доберется по старой черемухе и по ветке — к окну. В сенцах у мамы всегда хранятся кое-какие продукты. Белочке больше всего пришлись по вкусу горох и пшено. Как-то утром белка прискакала не одна. Со своим другом. Наверно, как-то сумела по-беличьи позвать его к нам в гости.

Все испортил Маркиз, наш кот. Когда я была в школе, мамапустила его погулять. В это самое время беличьья семья завтракала на своем столе. Всегда такой ленивый, Маркиз тут проявил необыкновенную прыть: одним прыжком взлетел на стол. Белочки, конечно, проворнее, они спаслись бегством. Но кот испугнул их раз и навсегда. Сколько я ни жду их, сколько ни ставлю лакомств, они не приходят. И не придут, наверно. Боятся Маркиза.

Из детских тетрадок

~~~~~

А. Шпиякин

ДЕТИ НАБЛЮДАЮТ

В нашу школу ходят дети из десятка деревень. От дома до избы — кому километр, кому семь, и все лесом. По дороге увидишь не только зайца, лося, лисицу...

— Мы с дедушкой видели, когда шли из Матвеевского в Холмы: мех рыжий, блестящий... Медведь. Стал на задние лапы за полем, посмотрел на нас и побежал, а мех так и переливается, — говорит третьеклассник Витя.

— Не боялся? — спрашиваю.

— А чего бояться? Это молодой, без медвежат, не тронет.

— А мы видели трех медведей, они переходили через дорогу, из леса в лес и даже нас не напугались. Один сел посреди, посмотрел и пошел, оглянулся еще, — добавляет Витя.

Кто что видел — лосей, тетерок, снегирей по дороге — все говорят дети учителю.

— Я волка видел утром сегодня, бежал по деревне, собак искал. Отца позвал, говорю: «Кто бежит?» Он: «Волк». Мой батя охотился, стрелял их, знает, — докладывает Леша.

— У меня кошка притащила зайчонка, я отбил и пустил его! — выкрикивает маленький Коля.

— А что это за птица? Хохолок у нее, сама коричневая, сидит на калине и свистит тоненько: «свирь-рьрь».

— Свиристель.

Возле самой школы, метрах в семидесяти, овсяное поле, все измято медведями — овес жуют ночами. И никто их не боится. Даже по свежим медвежьим следам бегали весной, когда, тренируясь перед туристским слетом, по карте искали в траве флажки. И медведи нас не боятся. Так и живем в мире с самыми сильными хищниками леса.

БАРАН, МАЛЬЧИК И ЩЕНОК

У ручья, где живут в заводи лягушки, пасется баран Борька, ходит по веревке вокруг колышка, как грифель вокруг оси циркуля, и ест траву. Подходит мальчик, за веревочку щенка держит, смотрит на барана. Щенок — крапчатый, черно-белый веселый спаниель, ушки до земли, прыгнул на баранью морду и давай лизать, обнимать ее лапками мохнатыми, хватать по-дружески за нос. Баран долго терпел, потом наклонил рогатую голову — и хлоп! Мимо. Мальчик уже отдернул щенка за веревку и засмеялся, показывая Борьке кулак. Веревка барана натянута, дальше не ступишь. Стоит ждет.

Снова отпустил хозяин собачонку, та опять играть с рогатым зверем, как с живой игрушкой: лижет, кусает, треплет. Снова баран-философ наклонил голову: хлоп! Но мальчик успел оттянуть щенка. Им весело, а барану унижение. А щенок и не подозревает, какие удары каменным лбом ему грозят.

Что же думает сейчас каждый из троих? Баран, наверное, размышляет: «Какой глупый мальчишка!» Мальчик: «Вот глупый баран». Щенок же думает так: «Какие все хорошие и как весело».

Пора заступиться за барана, но, пока я собираюсь, мальчик уводит щенка, откусывая виноградины с кисти и бросая их спаниелю, тот глотает: как хорошо, вкусно, как чудесно жить!

А баран принимается за траву.

СЕМЬ ЛАСТОЧЕК

На проволоке сидели семь ласточек, три по две на одном проводе и одна — выше. Как семь нот, собрались они вместе исполнить мелодию. Но молчали. А я услышал эту мелодию осени в осеннем небе, поле, лесу и набросал ее прозой.

БУРЯ ИЗ ТУЧ И ГОЛУБЕЙ

Осень, начало ноября. В окно бьют семена клена, ветер рвет их с дерева и несет вверх. А в промежутках между тучами — синее небо, и в этом синем белым вихрем крутятся пятнадцать белых голубей. Мы смотрим на эту живую бурю: какая она весенняя, радостная.

ПЧЕЛА НА СНЕГУ

В марте, когда снег в полях подтаял, стали видны на нем шарики из сена — гнезда, где зимовали полевки. Иду на лыжах и вижу пчелу, лежит не шевелится, снег под ней протаял маленькой лункой. Откуда пчела в снежном поле? Я положил пчелу на ладонь. Длинные глаза ее блестели, как темные стеклышки, четыре крылышка сложены на спине, лапки согнуты. А вон еще пчела, и третья на белом ложе. Может быть, неосторожный пасечник открыл случайно пробку летка, когда вынимал перезимовавшие ульи из подпола, и принявшие первое тепло за летнее несколько пчел вылетели? Но весенний снег так же холоден, как зимний.

Грустно было видеть пчел среди тающих снегов. А ведь им, первым, так и положено — лететь в весеннюю разведку, не думая о холоде, смерти.

Я собрал пчел и пошел в деревню. Возле изб ходили по лужам куры, с сосулек падали капли, пробивая у

завалинки в снегу глубокие ямки. Сложил пчел на завалинке на солнцепеке, и одна зашевелила лапками. Живые!

Полетят еще мои пчелы на свой первый цветок.

Д. Житенев ВЕСНА НА ПЕЧОРЕ

В начале апреля каждое утро посматриваешь в окно — не появились ли гости у скворечника — и обязательно просмотришь. Делаешь что-нибудь во дворе, и вдруг негромкий протяжный свист. Это скворец тебе, словно старому знакомому, знак подает: «Здесь мы!»

С каждым днем все шире полоса земли по краю обрыва, все дальше отступает снег в лес. Муравейники обтаили под солнцем и словно грибы повыврастали из сугробов. Муравьи вылезли из своих подземных этажей и прильнули друг к дружке. Толстый слой их будто обклеил макушку муравейника. Муравьи еле шевелятся, греются на первом солнышке и кажутся еще не совсем ожившими. Но попробуй тронь только прутиком хоть одного. Сразу вспухает рыже-коричневая масса, над ней взлетает как бы облачко, завеса, бьет в нос резкий запах. Каждый муравей, подогнув под себя брюшко, выпрыскивает обидчику струйку муравьиной кислоты. Так они защищают свой дом. Лизнешь палочку — она кисленькая, вкусная!

И наконец первая вода на реке. Еще робкая, в забрегах около солнечного берега, но ведь вода! Тут уж следи внимательно — вот-вот утки должны появиться. И они тут как тут. Всегда первыми прилетают кряквы и

гоголи. Глядишь, с заберега от обнажившейся гальки поднялась парочка кряковых, селезень сверкнул на солнце зеленой головкой. В небе слышны упругие гоголиные крылья. Гоголя не надо даже видеть, чтобы знать, что он уже здесь — звон крыльев его примета.

Тут и кулик-черныш, первый из куликов, уселся на коряжке и выговаривает: «Ви-ти-тя! Ви-ти-тя!» Потом взлетит повыше и начнет пикировать. То вверх, то вниз беспрерывно мечется и все время — ви-ти-тя! ви-ти-тя! — токует.

Звенит овсянка на крыше конюшни. По-над берегом бегают белые трясогузки и, подпрыгивая, ловят первых отогревшихся мух.

Что ни день, то новое событие в природе, но главное — первая весенняя подвижка льда — впереди. До нее еще далеко, но по многим приметам можно сказать, когда это будет. Появилась белая трясогузка, плишка-ледоломка, как ее называют здесь, на Печоре, говорят: «Ну, плишка прилетела, считай, через пару недель река пойдет». Почти день в день сбывается этот народный прогноз.

Вода в Печоре понемногу прибывает и выходит на лед. Снег постепенно темнеет, оседает. Зато тропинки, натопанные за зиму между обоими берегами, белеют и словно приподнимаются, вырастают. Через Печору строят, чтобы люди под лед не проваливались, переправу из бревен. Их кладут прямо на лед, накрывают досками, и получается длинная, почти в полторы сотни метров, и узенькая, меньше метра, деревянная дорожка. Ее закрепляют на нашем берегу длиннющим и толстым тросом, чтобы не унесло, когда начнется ледоход. Еще и на будущий год послужит.

Освобождается от снега лед, набухает нутряной влагой, словно губка. Утренние морозы промораживают его насквозь. Над рекой тогда от берега до берега стоит туманная синь, и пахнет она весной. Это дышит, наверное, река, которая невидно пока и неслышно ворочается подо

льдом. Полуденное солнце и теплеющий воздух распаривают лед, и он словно нагревается — над ним дрожит марево. То тут, то там, то близко, то далеко сверкают лужицы на льду, темнеют забереги, а в них отражается освобождающийся от снега берег.

В один из дней темный, пропитанный водой лед вдруг становится совершенно белым и пористым, словно быстрорастворимый сахар. Это прибывшая вода наконец-то освободила лед, и он поднялся, всплыл. Недалеко теперь и до ледохода.

И вот однажды, как правило, в середине или во второй половине дня, когда теплый ветер дует вдоль течения реки, а солнце распаривает лед, наступает этот долгожданный момент. Ветер поверху, течение реки понизу тянут одряхлевший лед, и он сдвигается. Трогается, простояв полгода, а то и больше на одном месте.

Не одну весну выходил я на берег Печоры, чтобы своими глазами увидеть подвижку льда. Удалось мне это только один раз. Я стоял под шумящим кедром и вдруг увидел, как разорвалась ниточка намокшей старой тропинки, услышал, как где-то закричали: «Лед пошел!», и еще увидел, как по переходу побежал, спотыкаясь, какой-то мальчишка с велосипедом, а за ним наша почтальонша Софья Михеевна, которая несла с той стороны почту. Оба побежали на наш берег, потому что переход был закреплен на нашей стороне, а на той сразу образовалась полынья, такая большая, что и лось бы не перескочил.

...И лед пошел. Через несколько минут он остановился, освободив метров сто чистой воды. На нее откуда ни возьмись тут же уселась кучка чирков-свистунков, а к ним пять длинношеих шилохвостей.

Когда двинет лед на реке, старожилы спешат к воде и умываются. Говорят, что эта вода убирает морщины с лица, возвращает молодость.

Сам ледоход начинается иногда в тот же день, иногда через несколько суток. И пока плывут льдины, упи-

раясь в берег, выпахивая в мокром песке борозды, громясь одна на другую, стоят, я уверен, в каждом селении люди по берегам и смотрят, как идет по Печоре лед. Трудно оторваться от этого зрелища. Если даже очень занят, все равно выкроишь какое-то время, чтобы увидеть, как оживает река.

Если замедляется, казалось бы, неудержимый ход льдин, значит, где-то ниже по течению образовался затор. Вода начинает заметно прибывать. В некоторых местах, на особенно крутых поворотах реки, заторы бывают почти ежегодно. Реку забивает льдом иной раз на несколько километров.

Когда река все-таки прорвет затор, на берегах остаются груды льдин, перемешанных и переломанных. Утренние морозы скрепляют их как цементом, а днем льдины с краев рассыпаются длинными прозрачными палочками. Местами лед после затора лежит стеной высотой до двух-трех метров, а то и больше.

Как-то мне пришлось ночевать в таком месте. Называется оно Лешкаты. Здесь Печора круто поворачивает и разливается плесом. На чистой воде, прямо перед ледяной стеной от недавнего затора, табунилась в тот год масса пролетной утки. Я решил на ночь приткнуться с лодкой прямо к этой ледяной стене. Потом передумал, отъехал подальше, соорудил в тихом месте на берегу шалашик, развел костер. В шалашике и ночевал. И хорошо сделал, потому что ночью пошел сильный дождь, и вся эта ледяная масса стала рушиться. Отлично было слышно, как скользят и ухают почти с четырехметровой высоты огромные льдины — грохот, плеск волн, гомон и шум крыльев поднимающихся уток. Их там были сотни. Полетают, полетают кругами и садятся на воду. А тут снова — ух! бах! — грохочут и падают в воду льдины. Птицы опять в воздух! Я почти не спал, но радовался, что не остался возле льда — там бы меня раздавило вместе с лодкой.

Однажды весной сотрудник Печоро-Илычского запо-

ведника Юрий Иванович Лызлов плыл на лодке вниз по течению. Мотор он выключил и просто сплавлялся, как говорят на Печоре. Солнце только что встало, немного морозило. Лодку небыстро несло вдоль ледовой стены, оставшейся после затора. И тут на этой стене появился крупный медведь. Он встал, опираясь передними лапами на край льдины, возвышаясь как оратор на трибуне. Юрий Иванович моментально завел мотор. Кто его знает, этого медведя, что у него в голове. Возьмет и бросится к лодке. Не успеешь завести мотор, как сгребет. Лучше подальше от такого. Не зря он там сидит, на этой льдине. Медведь не испугался мотора и стоял на своей «трибуне», только носом шевелил. Он был похож на оратора, который переживает шум в зале, чтобы продолжить речь. Потом выяснилось, что на льду лежал утонувший лось и медведь пировал. Около своей добычи медведи бывают очень агрессивны.

В некоторые весны, когда вода прибывает несильно, лед тает постепенно, и мимо поселка плывут маленькие льдинки да ледяная каша — вот и весь ледоход.

Но какое удовольствие смотреть на настоящий ледоход! Только не так часто его теперь можно увидеть. Разве что на северных да сибирских реках, ниже плотин электростанций. В Центральной России ребятишки уже и не знают, что такое ледоход.

Льдины идут по реке вереницей. Большие и маленькие, грязные и чистые, исцарапанные наклонившимся деревом и перечеркнутые старой лыжной. Вон кусок санной дороги проплыл. Видно, что сено по ней возили. А вон та льдина из леспромхозовского поселка Речной — вся в тракторных следах, мазуте да солярке, в сосновой коре да еловых ветках. Там готовят плоты под сплав.

Вот из-за поворота появляется огромнейшая льдина. Целое футбольное поле! Кажется, что ее края задевают сразу за оба берега. Если упрется в них — быть затору. По льдине бегают какой-то зверек. В бинокль видно — лисица! Мокрая, хвост волочится по льду. Не доплыла

она до поселка и, когда льдина уперлась одним краем в противоположный берег и стала поворачиваться, прыгнула в кусты и, проваливаясь в снегу, исчезла в лесу. А льдина пропахала берег, вывернула пихту и раскололась надвое, а потом еще и еще...

По всем этим льдинкам, льдинам, льдиницам бегают, перепархивают трясогузки, что-то ищут, склеивают. Их много, идет массовый пролет.

Зоркий глаз издали заметит сидящих на льдинах уток. «Вот, глянь-ка,— скажет кто-нибудь,— плавщики появились, плавщичат». Это значит, что утки плывут, отдыхают на льдинках, по-печорски — плавщи́чат. А уток самих называют плавщиками. Но утки не доплывают до поселка. Есть какая-то невидимая черта, у которой они поднимаются и улетают вверх по реке. Там они снова садятся на льдины и плывут к поселку. И повторяется все снова.

Почему-то не помнится мне ледохода без солнышка, хотя, знаю точно, было такое. Остались же в памяти только темная, почти черная вода, вечернее солнце вдоль реки и сверкающие сахарными краями льдины, выплывающие из-за поворота. Они плывут и плывут, и кажется, что конца им не будет.

Вместе с ледоходом и теплым южным ветром вываливает на Печору с юга вал за валом пролетная птица. На реке тут и там утки: кряквы перелетают, трюкают чирки-свистунки, жалобно пересвистываются свиязи, словно выговаривают свое название: «С-сви-и-у! С-сви-и-у!» По берегам и льдинкам гоняются друг за другом кулички: зуйки, перевозчики, улиты. Где-то далеко над лесом в стороне Гусиного болота слышен заунывный, переворачивающий душу крик-свист большого кроншнепа: «Ку-у-р-ли-и!» На дорожках в поселке и на проталинах в полях мельтешит птичья мелкота: овсянки, жаворонки, скворцы.

В елях — зяблики и вьюрки наперебой поют, словно стараются друг друга перекричать. В прошлогодней лист-

ве под деревьями копошится дрозд-деряба и вдруг выскакивает на грязный, засыпанный еловой хвоей сугроб, тревожно чокает и качает хвостом. К закату он взлетит на свою любимую березу и будет давать ежевечерний концерт вместе с белобровиками и певчими.

А вода в реке неудержимо поднимается вверх и вверх, заливают лесные ручьи, подмывает обрывистый берег, валит в реку ели, гнет черемушник и ивняк, развешивает по их веткам весенний мусор, стаскивает последние льдины, которые ледоход выпихнул далеко на берег. И вот уже вместо льда плывет по реке всякий хлам, подмытые и рухнувшие в воду ели и пихты, старые пни и коряги. На иной сидит ондатра и намывает мордочку и бока.

Пройдут один за другим огромные теплоходы-буксиры вверх по реке за плотами леса, и долго еще из-за печорских излучин будет слышно тяжелое глухое рокотанье их мощных дизелей. Буксиры спугнут утиные стаи с реки, и те пойдут дальше на север и будут отдыхать на других реках, которые еще не вскрылись, а только ждут своего срока.

Прощай, ледоход, до новой весны!

В. Барков

В ЛЕС ЗА РАДОСТЬЮ

Осенью глухарь вылетает на обочину дороги заpastись мелкими камушками, чтобы перетирать грубую пищу. А я на исходе апреля отправляюсь в лес заpastись свежестью и бодростью, чтобы потом легче было справиться с любимыми невзгодами.

В эту пору в оврагах еще лежит снег, пригорки не

успели зазеленеть, все вокруг в лилово-коричневых тонах. Я хожу без дороги, дышу запахом талой земли и всему радуюсь, будто вернулся в свое детство и снова открываю мир.

Березки загустели, уже нет в них зимней прозрачности. А елки? До чего хороши! Какие-то особенно свежие и яркие...

На опушке дрозд поет, просвистит звонкую фразу — и молчок. Подальше другой, будто у них идет веселый разговор.

Зарянка щебечет на верхнем сучке небольшого деревца. Сама птица кажется просто черной точкой, даже не разглядишь оранжевой грудки, а ласковая песенка далеко раздается.

Вот к подножию старой березы порхнул зяблик. Весной все птицы нарядны, но зяблик, пожалуй, всех перещеголял: сам лиловый, на крыльях широкие белые полосы. В голом апрельском лесу такого франта издали заметишь.

Но главная моя мечта — услышать и увидеть вальдшнепа.

Вот уже побледнела на закате ясная полоска, и над головой засверкала одинокая звездочка. Голоса птиц стихают. Где-то чуфыкнул тетерев. И в это время раздался посвист и неторопливое хорканье вальдшнепа. В сумерках трудно разглядеть птицу. Но вот она появилась в отсветах закатного неба. Хорошо видны голова, длинный клюв, широкие крылья, которыми вальдшнеп взмахивает нечасто и бесшумно. Скрылся, а хорканье все раздается...

Теперь можно и уходить. Только надо постараться не нарушить тишину наступающей ночи. Шум здесь мешает, как мешает слушать музыку всякий чужой звук. А ведь тишина ночного леса — это тоже музыка.

Я стал охотником, когда учился еще в пятом классе. Правда, ружья у меня не было, я ходил в лес просто так: посмотреть, послушать. Если идти осторожно, чтобы под ногой не хрустнула ни одна ветка, увидишь и услышишь много интересного. Рябчик, приподняв хохолок, бегают по лесной прогалине, белка держит еловую шишку и сверху поглядывает на тебя, птенцы в гнезде дожидаются родителей с кормом...

Один раз, проходя краем лесного оврага, я услышал странный звук. Кто-то тьякал тоненьким голосом. На склоне оврага виднелся свежий песок, чернели отверстия нор. У одной из них стоял маленький лисенок, смотрел на меня и тьякал. Я присел, прислонившись спиной к дереву, и стал наблюдать. Вскоре в норе появились еще три лисьи мордочки, одна над другой. Это были уморительные детеныши — большеголовые, с торчащими ушами и тоненькими хвостиками. Они выскочили из норы и принялись гоняться друг за другом. Потом появилась старая лисица с белкой в зубах. Какая тут началась свалка!

Я сидел у нор до вечера. На другой день снова пришел, но лисят и след простыл. Видно, мамаша, почуяв опасность, увела их в другое место. Зато я увидел нового зверя. Когда стали сгущаться вечерние сумерки, в одной норе я увидел белое пятно, потом показалась остроносая голова с белыми щеками — барсук! Перед тем как выйти из норы, он долго принюхивался, прислушивался — нет ли опасности?..

Хозяевами нор были не лисицы, а барсуки. Только они умеют рыть такие глубокие норы. Лисица у них вроде квартирантки. И совсем неверно, что она выгоняет барсука из норы. Звери уживаются вместе. Должно быть, лисица занимает свободную часть норы.

Барсук устраивает себе жилище только в сухих местах, прикрытых водонепроницаемым слоем почвы. Это

сложное сооружение. Длина его с отнорками и тупиками бывает от тридцати пяти до восьмидесяти метров. Неподалеку от входа звери устраивают гнездовую камеру. Осенью они натаскивают туда опавшую листву для подстилки, входы изнутри заваливают сухой листвой и травой.

...С тех пор прошло много лет. Я вспомнил о барсуках, уже будучи лесничим, когда в нашем хозяйстве случилась беда — появилось множество личинок майского жука. Четыре года живет в земле этот враг молодых лесов. Нежные корешки маленьких деревцев для него лучшее лакомство.

За годы войны наши леса сильно пострадали. Образовались пустыри, редины. А расстроенный, изреженный лес — самая подходящая среда для майских жуков. На одном квадратном метре здесь находили по тридцать-пятьдесят личинок. И чего только мы не делали! Перед посадкой опрыскивали и опудривали корешки саженцев различными химикатами. Зная, что личинка не любит черного пара, старались почаше рыхлить междурядья, выпалывали сорняки. Применяли и биологические способы: старались поселить в лесу скворцов, галок, всячески оберегали соседние грачиные колонии, гнездовья речных чаек. Конечно, это помогало. Но птицы подбирали лишь то, что находили на поверхности земли, а ведь личинка майского жука совершает свои опустошительные набеги в земле.

Вот когда бы пригодился барсук! По наблюдениям зоологов, в Татарии в молодых сосновых лесах эти звери уничтожили до 75 процентов личинок майского жука. Такой же успешной была охота барсуков и в Бузулукском бору. Барсук не любит разнообразить свое меню. Когда личинок майского жука много, он питается главным образом ими. В желудке барсука находили до пяти-сот этих насекомых.

Я поручил лесникам проверить все существующие и заброшенные барсучьи колонии. Сведения поступали са-

мые неутешительные. Почти все норы разрушены охотниками с норными собаками.

Барсук в наших лесах стал редким зверем. Его старые жилища пустуют или заняты где лисицей, где енотовидной собакой. И хотя охота на барсука почти повсеместно запрещена, его становится все меньше и меньше. Дело здесь вот в чем. На лисиц и енотовидных собак охотиться можно. Но ведь эти звери часто живут вместе с барсуком или в покинутых им убежищах. Охотник пускает в нору фокстерьера и ждет, когда собака выгонит зверя. Хорошо, если в норе лисица или енотовидная собака. С ними опытный фокстерьер легко справится. А если там барсук, дело принимает иной оборот. Выгнать барсука трудно. Засев в одном из отнорков, он стоит насмерть, может и поранить собаку. У фокстерьера характер тоже упорный — нипочем не отстанет от зверя. Охотнику ничего не остается, как раскопать нору, чтобы выручить своего помощника. Разрушенное жилище барсук обычно покидает.

Мы решили: надо вернуть в лес барсуков. Вскоре посчастливилось получить через Зооцентр (есть такая организация по отлову диких животных для зоопарков и цирков) самочку и самца.

Сразу выпустить зверей в лес побоялись. Уже кончалось лето, и мы забеспокоились — запасутся ли они всем необходимым для зимней спячки? Не подержать ли их зиму в неволе? Так и сделали. Барсуки всю зиму бодрствовали. Кормили их вареным картофелем, разными кашами. Очень охотно они ели мелкую рыбешку, которую приносили наши рыболовы-подледники.

Выпустили новоселов там, где раньше была их колония. Ведь когда-то звери установили, что это место отвечает их требованиям. Скоро в отверстиях нор исчезла паутина, у входов появился свежий песок, наметились тропинки. Барсуки вернулись в наш лес.

И вот какой «конфуз» случился через некоторое время. Из одного научно-исследовательского института

приехал к нам ученый-энтомолог, информированный о высокой численности личинки майского жука в нашем лесничестве. «Решили поставить здесь опыты по борьбе с этим вредителем», — сказал он.

Стали мы закладывать в разных местах пробные площадки, а личинок-то и нет. Мне даже оправдываться пришлось за «ложную» информацию: это, мол, скворцы, галки, грачи, чайки, а еще пуще барсуки, это они расправились с личинкой. А было майских жуков видимо-невидимо.

ЛЕСНИЧИЙ

Много у нас важных и интересных профессий, но думается мне, что самая увлекательная — это профессия лесничего, который живет и работает в лесу. Знаю, кое-кто усмехнется и скажет: наверно, сам лесничий, вот он, как кулик, и хвалит свое болото.

Ну и что же, молодец тот кулик, который любит и хвалит болото, где он свил гнездо! Любить свою профессию для человека так же естественно и необходимо, как любить и уважать своих родителей, свою Родину. Тот, кто не способен на это, несчастен.

Лесничему необходимы самые разные знания. Ему приходится не только растить и охранять леса, защищая их от всяких бедствий, лечить деревья, умело проводить рубки ухода за лесом и санитарные рубки, но и охранять полезных диких зверей, птиц, рыб, насекомых, бороться с вредителями. Лесничий строит в лесу дома для рабочих и лесной охраны, дороги, мосты, осушает болота. Он должен быть и землемером — ведь ему постоянно приходится делать съемки местности, чертить планы. Лесничий немного архитектор и художник — ему положено составлять проекты новых лесов, которые должны быть не только производительными, но и красивыми, особенно те, которые расположены близко к городу: ведь теперь вокруг каждого города создаются и

лесопарки и парки. Вот как разнообразна деятельность лесничего!

Но мне кажется, что самое интересное в его работе — сажать и выращивать новые леса. Прежде чем посадить маленькие деревца, надо подумать о размещении их на площади, о сочетании древесных пород. Ведь если сделать это неумно, например посадить березу рядом с лиственницей сибирской, то растения скоро начнут мешать друг другу, потому что и береза и лиственница — быстрорастущие и светлюбивые породы, и между ними скоро наступит острая, непримиримая борьба за существование. Если посадить ту же лиственницу с липой, а березу — с елью, тогда другое дело: липа и ель теневыносливы, растут медленно, займут в лесу второй ярус и будут жить в мире со своими быстрорастущими соседями.

Но и после того, как молодой лес посажен, с ним немало хлопот: то появились сорняки и нужно подумать, какие средства лучше применить, чтобы поскорее избавиться от них; то обнаружился страшный враг лесов — личинка майского жука или другие вредные насекомые; то забрел лось и пообкусал верхушки; то явились на зимовку водяные крысы, понаделали нор и стали под землей подгрызать шейки корней молодых деревьев. Лесные посадки как дети: о них нужно постоянно заботиться, пока они не окрепли и не возмужали. Но зато как радуешься, когда деревца подрастут, сомкнутся кронами, будто друг с другом за руки возьмутся! Тогда они могут уже и сами за себя постоять.

Лесничий должен быть смелым и умелым человеком. Ведь ему приходится и в лесу заночевать, и со всякой опасностью один на один встретиться. Вот случился лесной пожар. Быстро бежит огонь по сухой траве, охватывает пламенем молодые елочки, сосенки, трещит в сухом хворосте, взвивается вверх желтыми языками. Белый едкий дым щиплет глаза. Страшен лесной пожар! До города далеко, пожарным машинам скоро не приехать,

а дорога каждая минута. Прибежали колхозники, лесники с топорами, с лопатами, да и растерялись — не знают, как подступиться к огню, с чего начать: лесной-то пожар случается нечасто. И тут лесничий — командир, он расставляет людей, орудия, машины. Пламя забрасывают землей, расчищают противопожарные полосы. Не прошло и часа — огонь остановлен по всему фронту, только дым еще стелется в лесу. Со всех сторон подходят люди — усталые, черные от копоти, пропахшие дымом, но радостные и гордые.

Лесничий для лесников — большой авторитет. У кого спросить, с кем посоветоваться о деле, как не с ним?

Лесничий должен быть культурным человеком. Ему необходимо постоянно пополнять свои знания, читать, знакомиться с новой специальной литературой, не забывать и старое. Лес — это не город, где на каждом шагу библиотеки, читальни. Представьте себе: пришел к вам издалека пожилой человек с каким-нибудь вопросом, а вы и не знаете, как ответить. Конечно, будет стыдно. Сколько раз я укорял себя за то, что во время учебы недооценивал некоторые предметы, говорил себе: «А зачем мне это нужно?» Оказывается, для работы все нужно, все пригодится. Теперь я думаю, что современному лесничему, пожалуй, одного специального образования маловато.

Как всякий советский человек, лесничий имеет достаточно времени и для отдыха. И тут-то раздолье! Задумал пойти за грибами — к твоим услугам нехоженные места, самые первые молодые грибочки. Ранней весной вальдшнепиная тяга, тетеревиные тока. Самая волнующая и таинственная из всех песен — глухариная. Чудесная охота! А зимняя рыбалка такая увлекательная, что невольно забываешь и про ледяной ветер, и про треску-чий мороз.

Если бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я бы ни на минуту не задумался, пошел бы учиться в лесной институт или техникум, чтобы стать лесничим.

А. Игнатьев

ФИЛЬКА

Привыкают птицы в тайге к лесникам. Особенно полюбил нас один поползень, прозванный Филькой. В феврале морозы лютые — градусов сорок. Изголодается Филька за длинную

холодную ночь, ждет не дождется лесников.

Когда я прихожу в зимовьюшку, он садится на окошко и стучит клювом — есть просит. Я насыпаю на ладонь сухарных крошек, выхожу и приглашаю его. Он садится мне на ладонь и клюет. С крупными крошками взлетает на ближайшее дерево, и прячет их, и тут же возвращается.

А когда я иду на рубки ухода за лесом, то он сопровождает меня и ждет, когда освобожусь. Как только я сниму рукавицы, он уже порхает вокруг меня, затем садится на плечо и ждет угощения. На этот случай у меня в кармане штормовки припасен пшеничный сухарь. Кладу его на ладонь. Филька начинает с ожесточением клевать. Клюв у него острый, длинный. Только крошки летят. Но он этого не любит. За упавшими на снег крошками тотчас же слетает, тщательно подберет, затем снова садится и клюет.

Филька каждое утро ждет меня, и я всегда жду этой радостной встречи.

ВТОРОЙ ДОМ

Серая осень. Мелкий моросящий дождь. Вдоль скользкой лесовозной дороги тянет неуютный ветерок.

Но вот вхожу по чистой тропе в знакомый лесной

квартал, и ко мне возвращается тепло домашнего уюта. «Как же это так? — ловлю себя на мысли. — Неужели в этот серый дождливый день лес мне так же дорог, как дом?» Тут же торопливо осмотрелся, пытаюсь понять себя, причину столь быстрого изменения в настроении. Густой мох и толстый слой опавшей хвои совсем не казались серыми. Плотные ряды сосен, лиственниц и берез в разноцветном наряде защищали от ветра и скрашивали серый день. Тут было теплее и светлее.

Я подивился своему открытию: лес действительно скрашивал унылый ненастный день и давал ощущение тепла и уюта — был вторым домом.

ТЕПЛО СИБИРИ

Любят люди лето за его тепло. Вот они и ищут его: едут из Сибири на Дальний Восток, с севера на юг, как перелетные птицы.

И меня было тоже потянуло в теплые края, да одумался — остался. Вначале все приглядывался. Лето в Сибири всего лишь два месяца с небольшим. Восьмого июня зацветает сирень, а двенадцатого августа уже признаки осени: утром холодно, вянут огуречные гряды, начинают опадать первые листья с берез, иногда бывают даже заморозки.

Что и говорить — коротко лето Сибири! Огорчаются люди. И меня это тревожило. Скучая и тоскуя по теплу, я всюду старался искать уходящее тепло.

В сентябре еще тепла достаточно. Придешь в полдень на реку, найдешь большой плоский камень, обращенный к солнцу, а он горячий-горячий. Ляжешь на эту плиту, нагреешься хорошенько — и бултых в воду. Хорошо! Чем не юг?

В октябре в лесу уже кое-где снег, а найдешь сухой бугорок у старого пня и приляжешь, впитывая еще теплое солнце, и будто лето еще не ушло.

Ноябрь. Везде снег, сугробы, мороз щиплет кожу. О каком же тепле тут можно говорить? И все же и тут иногда удавалось его догнать.

Как-то раз день стоял ясный, к полудню даже снег кое-где в лесу растопило и стало совсем тепло — хоть раздевайся! Я так и сделал. Куртку снял, рукавицы тоже, сложил все на сухую колодину и прилег, вспоминая лето.

Вот так и находил всюду уходящее тепло почти до самого декабря. А когда хмурый декабрь прошел, солнце стало подниматься, ярче светить и даже греть, — я в черном костюме вставал на лыжи и уходил в лес. И чувствовал, как солнце припекает черное сукно. Я радовался теперь уже возвращающемуся теплу. А ведь это лютый январь!

Наконец-то февраль! Солнце уже стало таким теплым, что я устроил во дворе солярий и загорал целых полчаса, поворачиваясь к солнцу то спиной, то грудью.

Так, догоняя уходящее и рано встречая возвращающееся тепло, я изменил свои взгляды на континентальную суровую зиму Сибири, и она стала для меня короче и теплее, а сама Сибирь — роднее и дороже.

Мой друг Виталий часто приезжает в наше село к бабушке. К его приезду я всегда придумываю что-нибудь интересное. На этот раз решил угостить его печеной картошкой. Набрали сухих веток, развели костер и сели возле него. И вдруг в кустах что-то зашуршало. Смотрим, оттуда прямо на нас уставилась желтовато-серая мордочка какого-то зверька.

Я изловчился и поймал зверька. Потом стали гадать, кто же это такой. Виталий говорит: «Крысенок!» Я говорю: «Ондатренок». Пошли к моей маме. Она сразу определила, что ондатра, и велела тотчас же отнести ее на место, туда, где поймали. А нам было так жаль отпустить зверька.

Очутившись на воле, ондатренок сразу же бросился к торфяной яме, наполненной водой. А мы вернулись к костру. Картошка уже сгорела.

Однажды утром я обнаружил в огороде ежонка, который шустро сновал в грядках. Поймал я его и посадил в ящик, где у нас раньше жили цыплята. Налил колючему молока в блюдце, положил кусочек мяса и занялся своими делами. Вечером решил навестить ежонка. Иду по тропинке, а из кустов прямо мне под ноги выкатился большой пыхтящий шар. Ежиха! Не обращая на меня внимания, она проследовала к ящичку, стала тыкаться носом то в одну стенку, то в другую, тихонько посвистывая и похрюкивая с досады: никак ей не добраться до своего сына. Пришлось мне его вытащить и возратить мамаше. Она, по-моему, очень обрадовалась, запыхтела еще сильнее и, подталкивая ежонка носом, повела к забору. Через минуту оба они скрылись в густой крапиве. Наверное, досталось потом озорнику за самовольную отлучку.

Из детских тетрадок

А. Севастьянов БЕГЛЕЦ И ДОМКА

Из кабины хорошо было видно, как в кузове идущего впереди грузовика высунулась из-под рогожи звериная морда с желтыми зубищами. Случайный попутчик, который сидел в кузове, отпрянул, хотел спрыгнуть на полном ходу, но зверь опередил его, прыгнул на дорогу и покатился в канаву.

Наш шофер затормозил, засигналил грузовику, а я побежал ловить беглеца. Это был большой черный бобр. Обороняясь, он привстал на задние лапы и выставил вперед зубы-долота. Я набросил на него плащ, прижал к земле, ухватил поудобнее и опять затолкал в клетку, не зная пока, сколько еще сюрпризов преподнесет нам за дорогу этот зверь...

Мы везли бобров на таежную сибирскую речку, чтобы выпустить там для расселения. Бобров отловили в Воронежском заповеднике, сначала везли на поезде, а потом на двух машинах и дальше — на лодке.

Каждый вечер приходилось снимать с машин тяжелые клетки, чтобы кормить и поить бобров. Кормежка напоминала скорее заготовку дров. Кроме травы и молодых веток, им надо было давать чуть ли не по охапке осиновых поленьев, иначе их постоянно растущие зубы станут похожи на клюв у клеста — перекрестятся нижние с верхними, и бобры в конце концов не смогут есть, погибнут от голода, если не отпилить им переросшие зубы ножовкой, которой пилят металл. Но дело это неприятное и для людей, и тем более для бобров.

Когда машины остановились на ночь у реки, бобры,

чуя близкую воду, забеспокоились: вставали на задние лапы, обнюхивали углы, без конца проверяли зубами и лапками прочность досок и сетки.

Ночью из клеток неся непрерывный шум. Невозможно было понять, грызут бобры осиновые палки или стенки клеток, чтобы удрать.

Бобр, который прыгал с машины, опять оторвал сетку и выбрался наружу. Но клетки мы расставили большим кольцом, бобр бегал внутри кольца и не мог перелезть через них.

На следующий вечер разбили лагерь возле маленькой деревушки, на берегу реки. Отпустили машины — дальше бобров надо было везти на большой лодке.

И эта ночь не была спокойной: свежесть близкой воды манила бобров. Туман дополз до клеток, с реки доносились всплески рыбы...

Уже под утро увидели, как от клеток побежал в туман бобр. Мы с дежурным кинулись к берегу, чтобы отрезать ему путь к воде. Но слишком густым был туман.

А удрал тот же беглец. Он не просто прогрыз дыру, а изгрыз всю заднюю стенку, и сетке не на чем стало держаться. На этот раз бобр не ошибся, не попал внутрь кольца из клеток, а выбрался с другой стороны.

Деревня проснулась, и у клеток собрались ребятишки. Девочка гнала вдоль берега корову, но увидела наш лагерь и тоже подошла к клеткам. Корова как шла мерным шагом вдоль берега, так и продолжала идти. Но вдруг она дернулась всей тушей, остановилась, вытянув морду к земле, потом хвост палкой — и с дробным топотом помчалась в деревню!

Я пошел посмотреть, чего она испугалась. В узкой яме из-под вытащенного из земли столба торчал плоский хвост беглеца! В тумане он случайно, а может быть, прячась от нас, угодил в похожую на нору яму и уже не смог выбраться.

Бобра посадили в запасную клетку. Теперь его иначе как Беглец не называли. Чтобы он опять не сбежал раньше времени, его клетку поставили на дно лодки, а с боков и сверху разместили другие клетки.

Заставленная двумя рядами клеток, большая лодка с торчащими веслами была похожа на старинную галеру. По узкой реке среди тайги можно было плыть только на веслах. Мотор не смог бы работать: в воде слишком много коряг и топляков.

Отплыли от деревни — и глубокая тишина окружила лодку. Куличок, мелодично посвистывая, перелетел с берега на берег, тихонько лопотали листья осин, брызнула серебряным дождем стайка мальков, напуганная окунем, — и опять надолго спокойная, настоящая на запахах тайги тишина. Весла опускались в воду плавно, без всплеска, затихли в клетках бобры.

Весь день приходилось грести, разбирать завалы и протаскивать между ними лодку. Люди уставали и вечером чуть не замертво валились спать. А тут еще Беглец опять преподнес сюрприз...

На ночь лодку с бобрами привязали у берега. Измученные люди спали в палатке и на еловых лапах возле костра. Мне в эту ночь выпало дежурить. Кругом темнела тайга. Река укрылась сырым туманом, в котором луч фонарика едва пробивался до кормы. Я подбрасывал дрова в костер, следил, чтобы огонь не подобрался к лапнику, на котором спали люди, присматривал за клетками и слушал ночную тайгу... Донеслось чавканье выдираемых из ила ног и шум — словно вспорхнула птица. Это лось перешел речку и отряхнулся.

На краю нашей поляны стояло сухое дерево с дуплом. В отсветах пламени из темного дупла несколько раз появлялась голова совы. Птица все не решалась вылететь... Наконец мягким комом выпала из дупла и тут же пропала за деревом.

Вдруг на моих глазах лодка с бобрами стала медленно погружаться в воду.

— Вставайте! — закричал я. — Лодка тонет! — И схватился руками за цепь, пытаюсь вытащить груженую лодку.

Только когда сбежались все, мы вытащили нос лодки на берег и стали торопливо выносить из воды клетки. Работали быстро, и все бобры остались живы.

Виновником происшествия оказался все тот же Беглец. Он прогрыз пол клетки и начал грызть дно лодки. В отверстие хлынула вода и затопила лодку. Оставалось только радоваться, что это случилось у берега, а не посреди реки.

Когда приехали в места выпуска, первым делом решили избавиться от Беглеца. Но и тут не обошлось без неприятностей.

Достать бобра из клетки не так-то просто: зубищи у него страшные. Чтобы взять бобра руками, нужно быстро прижать его ладонями ко дну клетки, перебирая по спине пальцами, передвинуть руки к передним лапам, крепко взяться за них у основания и поднимать бобра. Чтобы легче держать, прижимаешь его к боку, а он широкий, как лопата, хвостом охватывает спину, тоже держится, боится упасть. И зубами не достанет — не может далеко повернуть короткую шею. Беглец, когда я нагнулся и прижал его руками к полу, вырвался, выгнул спину, и у меня перед глазами кляцнули страшные желтые зубищи...

Не скоро я решился снова открыть клетку. Но вторая попытка оказалась удачной. Бобра посадили в мешок, мешок завязали и положили в маленькую долбленную лодку, чтобы отвезти на другой берег. Все облегченно вздохнули.

Но, оказалось, вздохнули рано. Едва долбленка отчалила от берега, мы увидели, как парень, который повез бобра, вскочил на ноги и выпрыгнул из верткой лодочки. Стенки мешка для этого бобра вовсе не были пре-

градой. Он мигом простриг мешковину зубами и полез к голым ногам парня. Тот ждать не стал... Вслед за парнем и бобр нырнул в воду.

Сколько мы ни искали глазами по поверхности, Беглец не показался. Под водой бобр может проплыть до семисот метров. А уж этот, конечно, постарался уплыть подальше.

Не так бы надо выпускать бобра на новой для него реке. Положено вырыть узкую, уходящую в воду канаву, закрыть ее сверху хворостом, засыпать землей и посадить в эту искусственную нору бобра и бобриху. Первые дни они бы прятались в этой норе от опасности, а потом сами построили себе жилище. Но Беглец все равно сразу бы сбежал из такой норы...

Другим бобрам мы делали норы. Тайга вдоль речки была густой и невысокой. Зеленоватые стволы осин чередовались с белыми березками, а иногда ивняк так плотно подступал к реке, что негде было приткнуться лодку, вылезти на берег. На полянках росла густая, высокая трава, никем не примятая и только изредка тронутая копытами или лапами крупного зверя, подходившего напиться.

Мы выпускали бобров пару за парой, все шло хорошо, как вдруг объявился бобр, вернее, бобриха, которая тоже доставила нам немало хлопот. Она не стала отсиживаться в норе, в которую ее выпустили, а сразу же выбралась из нее и поплыла за нами. То с одной стороны, то с другой пыталась она забраться в лодку. Ее легонько отталкивали веслом, но она настойчиво карабкалась, лезла через борт к клетке, которая за недели пути стала для нее почему-то желанным домом. Пришлось посадить ее в клетку. Эту бобриху так и прозвали — Домка.

Выпустили последних бобров. Все поплыли назад, в далекую теперь деревню, а я остался в тайге наблюдать, как бобры приживаются на новом месте.

Клетку с Домкой оставили на берегу. Когда лодка уплыла, я открыл дверцу и выпустил Домку.

Я поселился в старой избушке сборщиков ягод. Бобры привыкали на новом месте: одни копали норы, другие строили хатки... Все было бы ладно, но на ближайший брусничник повадился медведь. На глаза не попадался, а следы каждый день оставлял. Он знал, конечно, — в избушке человек живет, а все равно ходил близко. Слышу однажды вечером — скребется в дверь. Я сразу ружье с гвоздя снял, держу наготове. Что-то, думаю, скребется уж очень тихо? Прижался к стене, заглядываю в окошко, наискосок, и вижу: не медведь у избушки, а бобреха — Домка!

Впустил ее, дал на радостях хлеба, печенья. Поела она, походила по избушке, обнюхала все и принялась расчесывать шерсть — уходить совсем не собиралась. Пришлось насильно спровадить ее к речке. А она почти следом за мной вернулась и дверь зубами открыла. Я снова ее прогнал, а она опять пришла, прогрызла доски в двери и забралась в избушку. Схватил я хворостину и погнал бобреху к реке. Темно уже в тайге, а я бегу по тропе, гоню Домку. И споткнулся вдруг, не удержался, упал со всего маха на землю. А Домка, бедная, перепугалась, думала, что на нее кинулся. Удрала и не приходила больше в этот вечер...

А утром слышу — опять шебуршится. Что делать? Как ее отучить? Отстегаю, думаю, прутом, как козу в огороде. Пускай живет где надо. А то уеду, придет к кому-нибудь в избушку, напугает или, хуже того, на воротник попадет. Выдернул прут из веника, выхожу решительно... А у избушки медведь стоит! Шерсть на лапах от росы мокрая. Напугался я, конечно. Но медведь еще больше перетрусил, удрал и на бруснику с тех пор ходить забыл...

На другой год я опять плавал в тех местах и на розовой от утренней зари воде видел бобрят возле Домкиной хатки. Да и по всей речке, где выпускали бобров, встречались на ветках следы маленьких зубов.

Я ЕЕ НЕ ЗНАЮ — ОНА МЕНЯ НЕ ЗНАЕТ

Валентин, механизатор совхоза, сидел в кабинете участкового и давал показания.

— Патроны сам заряжал? — спросил милиционер. — Вместо пыжей, наверное, бумага?

— В этом все и дело, пыжерубку потерял с переездом. Были бы патроны хорошие, разве бы я здесь сидел?

Все началось с переезда из родной деревни в новую квартиру на центральной усадьбе.

— Хорошая квартира, с удобствами. И печку топить не надо, и воду носить — даже горячая есть. А вот топор, к примеру, положить некуда, — зло говорил Валентин о своем жилье на верхнем этаже нового пятиэтажного дома. — Вознесся над всеми дровами, сараями... А как откажешься от квартиры, когда все из деревни уехали?

В свободное время он садился в автобус, а то и пешком уходил к себе «на дачу», в осиротелый отцовский дом. Повод всегда был: протопить печку, чтобы картошка не замерзла в подполе, насыпать зерна курам. А чаще — сходить на охоту: дом у самого леса.

Однажды вышел на поле — две лисицы неподалеку. Сразу упал в снег, затаился: вдруг ближе подбегут.

Одна ярко-рыжая, как огонь, а вторая обычной окраски. Эта, вторая, мышкует. Тихонечко переставила задние лапки к передним, чуть подалась назад и прыгнула. Пролетела по дуге и носом, по самые уши, воткнулась в снег. Подняла серебристую от снежинок мордочку, подобралась вся и опять как будто прыгнула через преграду. Ушки вперед — услышит писк или шорох, прыгнет, вроде бы играя, а глядишь, поймала, жует.

Вторая — Валентин сразу прозвал ее Рыжая — сидела и наблюдала за той, которая мышковала. Иногда под-

ходила, нюхала снег — не осталось ли чего. Но что могло остаться от мыши? Разве кончик хвоста.

«Почему же сама не ловишь?» — удивлялся Валентин.

Рыжая вдруг кинулась к лисице, как только та схватила полевку. Лисица отбежала, на ходу проглотила добычу и, обиженная разбоем, ушла в лес. Рыжая тоже направилась к перелеску.

«Огненная прямо,— подумал Валентин.— Все сделаю, а тебя добуду».

Сходил в деревню за капканом, выбрал самое узкое место в перелеске, где прошла лисица, рябчика не пожалел на приманку.

А когда зашел проверить — ахнул: в капкан попала куница! Всю прошлую зиму охотился за ней, собаку брал, тропил, капканы ставил, а она как заколдованная, не видел ни разу, только следы. А тут — на тебе, в первую ночь заскочила. Это бы хорошо, да Рыжая тоже пришла. Съела рябчика и куницу изорвала — шкурку снимать не надо, никому такая не нужна.

Опять насторожил капкан. Но лисица больше близко не подходила.

В соседней деревне была чистопородная гончая, даже с медалью. Валентин стал уговаривать хозяина собаки погонять лисицу. Тот отнекивался, как чувствовал что. Но Валентин уговорил.

— Таких лисиц ты не видал: погода пасмурная, а шкура горит.

...Голос гончака гремел на весь лес. Рыжая свернулась на кочке, спала. Вдруг рядом красная пасть, клыки, готовые сомкнуться на шее. Метнулась в сторону и, прошивая ветки косыми стежками, помчалась от собаки. Оторвалась легко. Но пес упорно шел по следу.

Тогда Рыжая повела собаку в дальний отъем леса и проскочила по остаткам задранного волками лося. Гончак не захотел грызть кости, и ей опять пришлось уходить от погони.

Лисица сбила с еловой ветки снег, выскочила на дорогу, до блеска укатанную колесами машин. Побежала по ней легко, едва касаясь лапами заледевшего снега. Впереди показалась машина. Рыжая встала. Из открытой пасти свисал и быстро двигался в такт дыханию красный язычок. Не оставляя следов на обочине, она прыгнула далеко за куст. Хотела сбить гончака со следа. Вряд ли был другой умысел. Но Валентин услышал дикий визг тормозов, в котором захлебнулся лай собаки.

Слух, что лисица заманила собаку под колеса машины, быстро разнесся по округе. А потом начались разговоры и о других проделках.

— Я на нее кричу,— рассказывала старуха,— а она лезет в куриное окошечко, как и не слышит. Внимания на меня не обращает. Взяла я палку — и в сарай. Дверь отворила, а она уже с петухом навстречу. Шмыгнула под ноги — палкой махнуть не успела.

Другой случай был с охотником. Выстрелил — лисица захромала. Собака стала догонять ее. Она развернулась, схватила пса поперек морды, пасть не дала открыть. Тот взвыл от боли, затряс башкой, снег лисьим хвостом метет.

Подскочил охотник, ткнул лисицу ружьем. Она лязгнула зубами по стволам и бежать. Ружье разряжено, а напуганный пес только проводил ее обиженным лаем. На морде такие отметины, что охотник испугался: «Не стала бы собака бояться леса». На ружье тоже следы, как от резца по металлу.

Дня через три в деревне дед услышал — закудахтали куры. Вышел. Смотрит — идет по двору лисица. Прикрыл дверь, глядит в щелку, что делать будет.

Лисица подошла к клетке с кроликами, встала на задние лапы, а передними толкнулась в сетку. Нажала в одном месте, в другом. Сетка не поддавалась. Старик качал головой: «Сетка железная, а она хочет кролика поймать».

— Что ж ты, глупая, делаешь?! — крикнул он.

Лисица и ухом не повела. Случайно лапой толкнула крючок — дверка и открылась. Сунулась в клетку. Дед за-топтал по ступенькам. Лисица же схватила поперек спины кролика и не спеша вылезла с ним. Увидела старика, припустила в лес. Добычу не бросила.

Дед поставил капкан у дырки в заборе.

Днем в него попала соседская коза.

— Егор Захарыч, ты ж один в деревне с флажками охотился, — говорил старику хозяин козы, когда они бинтовали ей ногу. — Сколько лисиц добыл, волков даже стрелял. Что же с этой не справишься? Кроликов у тебя таскает.

— Какой я теперь охотник? Три зуба осталось — и то два блестящих. Я на нее кричу, а она в клетку лезет. Что-то тут не так. Уж больно спокойно ворует.

Написали городскому охотнику, из бывших мест-ных.

Приехал с фокстерьером.

То ли собака слабоватой оказалась, то ли на самом деле лисица особенная, только пришлось охотнику до-ставить из норы своего фокстерьера с красной от крови спиной.

Может, в каких-то проделках виновата была другая лисица. Но теперь все грехи приписывали Рыжей.

Как-то Валентин зашел во двор и сразу заметил — на насесте не хватает курицы.

Куры у них не белые — цветные, каких раньше держали в деревнях. Петя как из золота. Клюет, а перышки на шее вздрагивают, и в них искринки бегают.

Валентин пропилил в задней стенке бани окошечко, обил его войлоком, чтобы случайно не стукнуть ружьем, сделал дверку со стеклышком. Поставил в баню нескрипучий стул. Против оконца устроил помойку.

Около нее сразу наследили вороны. А когда появились следы лисицы, Валентин вморозил в снег кусок мяса, протопил баню, чтобы не мерзнуть, и с вечера за-сел с ружьем караулить Рыжую...

Ждал долго, задремал и до полусмерти угорел в сырой, давно не топленной бане.

После этого караулить лисицу больше не ходил, но видел ее однажды ночью. Остался как-то ночевать в деревне и вышел на крыльцо покурить.

В небе сверкала луна без кругов и туманной дымки. Ступеньки под ногами хрустели от мороза, словно под них насыпали сахар. Забор седой от инея. Видно каждую палку. Рядом с ним тень на снегу, как будто лежит второй забор, только черный. Звезды бледнее, чем искры на сугробе.

Только хотел чиркнуть спичку — увидел лисицу у ствола липы. Подался назад, в темный проем двери. Заскрипели половицы, грохнулось с гвоздя коромысло!

А лисица стоит. И тут Валентин понял: «Глухая! Это же та самая лисица...»

Как-то летом на машинном дворе он сидел на корточках у своего бульдозера и мыл в солярке железку. У стола, за которым в обед собирались трактористы, увидел лисицу — нюхала обрывки бумаги.

Пожилой слесарь тоже заметил ее. Валентин кивнул ему, давай, мол, за мной, растопырил грязные руки, с которых капала солярка, и осторожно пошел к лисице. Та в сторону, но там вплотную к забору стоял фургон. Метнулась в другую — второй человек. Лисица вскинула голову, опустила к земле, хотела и не решалась прыгнуть через высокий забор. Валентин бросился к ней. Но она, как в нору, втиснулась в железную трубу под забором. Валентин сунул руку — не достал. Засуетился, схватил лом и со всей силы жახнул им по трубе!

Лисица рыжим снарядам выскочила по ту сторону забора. Не разбирая дороги понеслась к лесу. Наткнулась на кочку, перевернулась через голову, бросилась в другую сторону, через луг от леса.

— Зачем ты, дурень, ломом ударил? Тебя бы само-

го в трубу посадить и кувалдой грохнуть,— сказал слесарь.

— Да иди ты. Сам-то чего руки топырил? Ловил? А зачем она тебе? Летом шкура какая?

— Тебя, чудака, послушал... У нее, наверное, перепонки лопнули. Чем она тебе помешала?

Валентин, злой, ушел к бульдозеру. «Конечно, зачем бить? — думал он.— Так уж получилось, в азарте».

«Неужели та самая лисица? — думал теперь Валентин.— Вот почему такая смелая — просто не слышит, когда на нее кричат. И ворует из-за того, что глухая. Я же видел — мышковать не может».

Лисица обернулась, заметила его в проеме, шоркнула снегом и пропала в обманчивом лунном свете.

Еще неделю не выпускал Валентин кур. А когда пожалел — сидят без света — и открыл окошечко, вечером оказалось — Рыжая утащила петуха.

Вот тут он и завернул ружье в тряпицу и положил в кабину бульдозера.

Ехал однажды с болота, чистил дорогу к торфу. Снег поддумянило низкое солнце. Тянулись ямочки лисьих следов, синеватые внутри, а по краям, где сдвинут снежок, розоватые. Возле фермы стояли стога. Их привезли с лугов на больших железных листах. Около сена крутилась Рыжая.

Валентин осмотрелся. Никого. Достал замотанное в тряпку ружье, быстренько собрал его, зарядил и направил бульдозер к стогам.

Лисица привыкла к технике и не боялась ее. Но когда распахнулась дверца, кинулась бежать. Блеснул огонек выстрела... Рыжая ткнулась в снег.

— А-а-а! — радостно завопил Валентин, остановил бульдозер и, набирая в валенки снег, побежал к лисице. Схватил ее за шиворот, поднял над головой и затряс в воздухе.

Казалось, в руке держал только шкурку: такой худой от голода была лиса.

Забрался в кабину, бульдозер взревел и ринулся по сугробам к деревне. Валентин запускал в лисий мех пальцы, теребил его, сияя от радости. На коленях лежала та самая Рыжая, которая прославилась на всю округу.

У лисицы задергался черный уголок рта...

Потом Валентин рассказывал милиционеру: «Подняла голову и смотрит на меня. Прямо в глаза, как психиатр какой — все понимает. Хвать за руку! Я чуть крышу головой не пробил. Она за коленку. Тут уж я выпрыгнул».

Бульдозер, рокоча мотором, бодро шел по снежному полю к деревне. Валентин стоял по колено в снегу, смотрел то на бульдозер, то на бегущую к лесу Рыжую.

— Что за ружье такое! Пшикалка какая-то! — Валентин побежал догонять свою технику. Споткнулся, упал в снег.

Бульдозер посвистывал выхлопной трубой и прямым ходом шел на деревенские огороды. Затрещала изгородь первой усадьбы. Валентин схватился за голову. Бульдозер валил целые прясла, с хрустом ломал и вминал в снег изгороди. Вздогнула и упала высокая жердь со скворечником. Толстая жердина переломилась и гулко ударила по кабине, а бульдозер рычал себе и ломился дальше.

«Во работает, гад! Не заглохнет. То чуть ткнется — и замолчал. Ну, бегемот...» — злился Валентин и бежал сзади, отпихивая колья, которые не давали забраться в кабину.

Через всё огороды пролегла просека с ровными гусеничными следами. Бульдозер вышел в поле и нацелился на черный смоленый столб высоковольтной линии. Но на этот раз повезло — «бегемот» промахнулся.

За столбом была мелиоративная канава. Бульдозер смело нырнул в нее носом, ткнулся ножом в дно и наконец замолк...

От участкового милиционера Валентин первым делом пошел в чайную. «Заборы придется ремонтировать или платить ущерб,— подводил он итоги.— Ружье отобрали, и неизвестно — отдадут ли...»

Когда вышел из чайной, в мыслях было все то же: «Обойдется мне эта лисица... Ну, Рыжая... Были бы патроны хорошие, шапка у Надьки была бы... Все квартира эта новая — пыжерубку потерял... Кончать с ней надо, пока всех кур не перетаскала».

На попутке добрался до старика Егора Захарыча, взял у него мешок красных флажков. Приехал в деревню и двумя рядами флажков окружил свой дом.

«Пускай живет. Я ее не знаю — она меня не знает».

Уже весной, в начале апреля, он слышал, как будто лаяла охрипшая собака. Оказалось — лисица, Рыжая. Брела вдоль опушки то ли недовольная чем, то ли звала лисовина.

Г. Рыженков ХВОЙНАЯ МЕТЕЛЬ

Недаром об осенней погоде говорят: «В осень — перемен восемь».

Вот и на этот раз тихие, солнечные дни бабьего лета отстояли свое и внезапно смени-

лись пасмурной погодой. Подул холодный порывистый ветер. Темная туча, заслонив небо, навалилась на лес.

Сбросил скромный наряд бересклет: стоит голый, в бородавках, но украсился семенами — яркими красными сережками с черными бусинками. Расстаются со своими нарядами осины и березы. Ярко-желтыми пятнами ложатся на землю широкие листья клена. Разбрасывают

желтые листья молодые липки. Рябина обнажила гроздь красных ягод. Редееет зеленая крона ольхи. Шумит на взгорке сосновый бор. Но и у сосен хвоя обновляется: на трехлетних побегах прячутся старые желтые хвоинки, прослужившие деревьям две зимы и три лета.

Мы вышли на вырубку и остались возле стены спелого сосняка. Каждое дуновение ветра вырывало из чащи темную тучку и рассеивало ее среди побуревшей травы и полусгнивших мелких сучьев. Ветер срывал желтые сухие сосновые иглы и приносил их сюда, на открытое место. Они опускались на землю, а к ним присоединялись листья осин и берез.

Ветер крепчал, и мы долго смотрели на хвойную метель — редкое явление природы. Хвоинки меньше листьев, ветер не может их уносить далеко, да и опадают они не так дружно. Поэтому хвойную метель можно наблюдать лишь после продолжительной сухой и тихой погоды, когда пожелтевшая хвоя готова к опаданию, чуть держится и ждет сильного ветра, чтобы навсегда расстаться с материнскими ветвями. И сосны, на одну треть убавляя хвою, легче переносят зиму с обильным снегопадом или гололедом.

В. Песков КАК ПРИХОДИТ ЗИМА

Я видел, как приходит зима. Вчера был праздник, а сегодня лес, прогулявший все до последней золотой копейки, стоит озябший, притихший.

Небо опустилось на вершушки берез. Кажется, кто-то гонится за облаками, тяжелыми и сырыми. Двух воронов облака прижали к самому лесу.

Летят беспечно осторожные птицы, уверены: лес пустой, никто не ходит в такое время. У поляны под елками увидели мой костер — отпрянули, как на стену нагнулись. Развернулись круто — слышно, как заскрипели тугие черные перья.

Еще ниже спустились тучи, и пошел снег. Осень подводи́ла к нему постепенно. Осень белит морозами траву, вставляет в лужи холодные стекла, и все-таки на первом снегу всегда стоишь удивленный: случилось что-то особенное. Снег на крышах, на шапке у почтальона, на скамейке в саду, на чучеле в огороде. Совсем иной мир. Кажется, посветлело, кажется — с этого утра жить надо иначе.

Так было с самого детства. На пятом десятке стал проверять себя: первый снег удивляет — значит, еще не старею. На этот раз встретил зиму в лесу, а это совсем не то, что в городе на асфальте.

Сижу у огня. И слышу — идет зима. Большая, белая, тихая. Поглядел вверх: тяжелая тучка, как корабль, наехала на сосну, и полетели из тучи белые перья. Над костром тают. На траве тоже сначала таяли, а потом забелелась трава. Большой муравейник с зеленой травой по краям стал похож на белую лысую голову с зелеными волосами.

Пахнет мокрой хвоей, от костра пахнет картошкой и подгорающей на прутике колбасой. Березняк совсем растворился в белой кисее тихого снегопада. Только стволы осин снизу темнеют, как обгорелые. Прямо над головой тихий шорох. Два поползня вниз головой выются по корявому стволу старого вяза. Поползни при осенних недостатках имеют привычку прятать зерна в складки коры. Теперь бегают, ищут запасы. А снег идет и идет. На шапке сугробец, на воротнике. Чуть повернулся — снег холодит щеки. Кажется — как в детстве хороший друг подкрался сзади, взял твою голову руками в белых варежках и молчит: угадай, кто? Крот роет еще не замерзшую землю. Один за другим появляются метрах в десяти

от костра бугорки рыхлой земли размером с шапку. На глазах черные бугорки белеют. На носках крадусь к последнему бугорку... Услышал крот, перестала земля пузыриться.

Шаг за шагом в глубь леса. Три лосенка стоят в осиннике. Неделю назад я их видел в той же ложине. Тогда метнулись, сейчас стоят, нюхают воздух, не убегают. Лосята первый раз видят, как падает снег. С треском сорвались с березы, нырнули вниз и пропали за белыми хлопьями две черные птицы. Шум крыльев тонет, как в вате. Кто один раз слышал шум тетеревиных крыльев, тот захочет еще раз услышать. Иду наугад. Опять слетели, исчезли в пяти шагах. Кружу по лесу. Ружья нет, снимать нельзя в снегопад. Одна награда — шум крыльев.

Ноги наконец устают. Мысль обращается к дому. Но где он? В белом молоке нет никаких примет, ни солнца, ни ветра. Снега уже по щиколотку. Неожиданно вижу следы. Вот около рябины двое стояли. Сломали ветку с морозными ягодами; на полянке владелец резиновых сапожков вывел палкой печатные буквы: «КОЛЯ».

Падает снег, и падают с берез маленькие, похожие на птиц семена. Вот тут двое, около пня, разворошили старые листья. Вот следы пошли к замерзшему бочагу. Сапожки прокатились по льду и остановились у пустого дупла дятла в осине... Да вот и люди — старик и мальчик лет семи-деяти. Старик что-то рассказывает, мальчик подставил ладонь, ловит снежинки. Так вот куда вышел! Около початой копенки сена стоит годовалый теленок со школьным звонком на шее. Теленок тоже первый раз видит, как падает снег...

— Как лучше пройти до станции?

Старик оборачивается, довольный, что есть с кем перекинуться словом, идет навстречу.

— А вот так, по просеке, а возле горелой сосны свернешь... Нет, напрямик не пройдешь — река не стала еще...

Мальчик лепит в ладонях снег и швыряет в теленка.

Один комок попадает. Теленок, взбрыкивая, бежит к сараю. Глухо звенит звонок.

Снежная занавесь поредела. Мелькнула звезда в разорванных облаках. Снег начинает скрипеть под ногами. Минутная остановка, чтобы достать в рюкзаке забытое яблоко. Во всю ладонь, румяное яблоко. Было когда-то лето...

Сумерки. Если бы не просека, в два счета бы заблудился. В ботинках мокро, штаны мокрые до колен. Как великие блага вспоминаются чай, лампа и печка. Но я много раз валился от усталости и вымокал. Хорошо знаю: там, в тепле, этот прожитый день будет потом вспоминаться и сниться. Я видел, как приходит зима.

~~~~~  
*Зимой перед школой мы украсили живую елку для птиц. Навязали сала, косточек, сухарей. Всю зиму скачут птицы по ней, сами похожие на живые игрушки: голубые лазоревки, розовые длиннохвостые ополовнички, снегири заревые, зеленые дятлы, корольки с желтыми коронами и чечетки — с розовыми.*

*Прилетает и малый, с воробья, дятел. А внизу по снегу собирают крошки свиристели, сойки с голубыми перышками в крыле, вороны и галки. Все это мы видим из класса. И каждый день наряжаем елку снова.*

●  
*Кто как купается? Кто в пыли купается, кто в муравейнике. Кабаны, например, ходят в баню не для того, чтобы помыться, а чтобы испачкаться. Через подсыхшую грязь ни комарам, ни мошкам до них не добраться. А я еще лягушонка видела — он купался в сыроежке. После дождя в шляпке гриба вода осталась, лягушонок заметил это, заскочил в сыроежку и сидит там, как в та-зу. Чего только не вытворяют лесные жители!*

*Из детских тетрадок*  
~~~~~


Е. Твердов

СКАЗЫ ДЕДУШКИ МАНОСА

Старый охотник из Югозерского лесного клина Сергей Панфилович Умрихин снова побывал у меня на подворье. Часто шмыгая носом и присвистывая, он рассказал мне о

еще никем не описанной красоте большого Губаревского клина, что широкой полосой тянется по берегу Онежского озера.

— Ты, сват-брат, зазря туточки не засиживайся. Забрай продухт — айда на Саражу.

Старик немного помолчал, пожевал реденькие усы, без надобности потрогал бородку с проседью.

— Хвото (так он назвал фотоаппарат) возьми с собой. Много красоты заснимешь. Ежели взять хотя бы для примера старую куржекскую мельницу, то разли-малина. Вокруг ее горы-пеструшки, лесины, плешины, полянки-белянки, ковер травяной запашистый, так и медит, так и медит да ландышем папахивает. Вот как там, в Саражской лесной обители.

Соблазнившись рассказами бывалого охотника, я в тот же вечер отправился в большие Губаревские леса искать реку с красивым названием Саражу.

К полночи показались дома небольшой деревеньки. Избы прижались друг к другу ласточкиными гнездами — вот-вот сорвутся в полет со своих горюшек. Между ними серебряной лентой змеилась безымянная речка, мелкая и быстрая. Пахло полями, хлебом и сухими травами.

Обогнув деревушку, я перешел луговину, окунулся в лесную чащобу и стал подниматься на сопку. Когда я поднялся на плоскую ее вершину, вставала заря. Как на ладони виднелись слободские деревеньки, постройки

Куржесы и гладь Онежского озера. На сопке гулял ветер. Сюда доносилось шуршание листвы, где-то рядом, скрытая от взгляда, постукивала водяная мельница. Было слышно, как где-то крикают утки.

С запада быстро надвигалась черная грозовая туча с ярко освещенными краями. Воздух сразу похолодел, и я спустился в ложину и укрылся под кроной большой старой ели. Внезапно молния ослепила меня, ударил сильный гром — и хлынул ливень.

Дождь прошел быстро, но молнии все чертили в небе стреловидные линии. Каждую вспышку молнии сопровождал сильный удар грома.

Удобно усевшись возле толстого ствола, я задремал.

Очнулся я от тишины: гроза прошла, напуганные птицы еще молчали. Вдруг я услышал сильный, довольный красивый голос:

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
А по ней, по волнам,
Парень в лодке плывет...

Я прислушался, но так и не понял, где поют.

Я снова заснул. Разбудила меня песня, но уже не «Меж крутых бережков», а «На солнечной поляночке». Я быстро поднялся и пошел на голос по узкой тропинке. Очень скоро я увидел впереди мальчика лет двенадцати. Одет он был в полосатую рубашку. На голове черная фуражка, сдвинутая на затылок. Из-под козырька смотрел он на меня бойко и весело. Штанины латаных брюк засучены по колени. Босые ноги его были исцарапаны. За плечами висел маленький берестяной пестерик, а в руке он нес литровый бидон, очевидно, с молоком. Я окликнул его.

— Здравствуй, дяденька,— тихо ответил он и сразу же спросил: — Песню слушаете?

— Слушаю,— ответил. Его маленький носик блестел,

что пунцовая пуговка. Я спросил: — Идешь по лесу в такую рань и никого не боишься?

Мальчик расхохотался.

— Нам бояться заказано. В лесу живем, с лесом дружим.

— Ну-у? — удивился я бойкому ответу. — И лешего не боишься?

— Нет. Не боюсь. Его у нас давно лесники выдворили.

— Ну а далеко ли путь держишь?

— На песню поспеваю. Дедушке завтрак несусь.

— А тебя как зовут?

— Славка.

Мальчик поглядел на меня с удивлением:

— Разве не знаете?

— Нет, не знаю.

— О дедушке Маносе ничего не слыхивали?

— Нет, не слыхивал. Может, ты познакомишь меня с дедушкой Маносом?

Мальчик обрадованно шмыгнул носом.

— Обязательно. У нас никому не заказано. Народ наш дружный, нетутошних не обижают. Идемте. К завтраку поспеем.

И мы пошли по неширокой тропе. Стежка бежала между кудрявых березок покосными поляночками, все время спускаясь в низину. Вскоре я услышал плеск воды. Это и была река Саража. Когда мы подошли ближе, лес расступился и показалась яркая луговина. Река петляла в береговых отмелях. Она явно торопилась туда, где прерывались сенокосные поляночки и начинался большой лес. У самой реки росли высокие ели и сосны. Вода в омутах отцвела, и, несмотря на большую глубину, все дно просматривалось. У берега, в тихой заводи, росли кувшинки. Прямо за рекой поднималась по крутояру изгородь из тонких жердей.

Славка остановился. К губам приложил ладонь, крикнул, что прозвенел:

— Де-да!

От крутого косогора, где были расставлены ульи, шел человек в белом халате и напевал вполголоса. Он был невысокого роста, плечистый. Не нужно было большой наблюдательности, чтобы узнать бывшего солдата. Небольшая опрятная борода с проседью, кончики усов по-солдатски закручены кверху. Он подошел к нам, открыл воротца и взял у внука пестерик и бидон с молоком.

— Нетутошнего, дедушка, к тебе привел — познакомиться с тобой хочет. Бабушка Манефа тебе парного молока послала, тетушка Дарья Петровна лепешек.

— Спасибо, спасибо, внучек. Пойдем-ка в избу.

Мальчик пошел за дедушкой. Меня Манос, по всей вероятности, забыл пригласить, и я остался стоять за воротами.

Отойдя несколько шагов, старик повернулся и, увидев, что я стою на месте, крикнул:

— Пра-слово, чего уж стоять-то? Ступай за нами! У нас тут попросту, по-здешнему!

И я пошел. Дед и внук оживленно разговаривали. Наконец дед обернулся ко мне:

— Это у нас так ведется. Пра-слово, приходит паренек из колхоза, все новости с собой приносит. Живое радио. Вот сейчас мне Славка докладывает, что мед продали, деньги выручили. Мне от этого-того радостно и тому прочее.

В конце пасеки, на берегу Саражи, под раскидистыми березками стоял домик пасечника, небольшой, уютного вида, с затейливой резьбой на наличниках. Под березами на столбиках — стол и две скамейки. На столе — самовар.

Дед велел Славке греть самовар, а сам повел меня в дом. Внутри было тоже светло, свежо, чисто.

Чай пили молча, так уж заведено у здешних. После чая Слава вымыл посуду, убрал ее в шкафчик, что стоял возле избы, а дедушка Манос вновь надел свое немуд-

ренное обмундирование пасечника и, стоя передо мной с дымарем в руках, советовал:

— Пра-слово, меня ждет работа, а вы уж тут без меня. Ступайте до мельничной плотины. Там в омутах у протоки прорва рыбы. После зореванья милости прошу на гостеванье.

Проходя пасекой мимо деда Маноса, я увидел, как он аккуратным черпачком снимал с веток березки пчелиный рой, который надо было посадить в другой домик. Сквозь жужжание пчел и шелест листвы до меня доносился мягкий напев.

После зореванья я вернулся на пасеку. К домику сошлись рыболовы и косари. Кто посильнее да побойчее рубили дрова и таскали их к домику. Сам Манос, одетый в солдатскую гимнастерку и синие шаровары, стоял на берегу, опираясь на палку, что часовой.

Потом Манос подошел к березке, что жалась к столу, сорвал листик с веточки и, прощупывая его пальцами, проговорил:

— Не скатывается роса с листа, завтра будет вёдро.— Он сел, поправил дымарь, который стоял на кругу, отгоняя комаров, подкрутил усы, погладил бороду.— Начнем, братанушки, искать ключик от лесной кладовой, а найдем его, то почнем отпирать тую кладовую. Я вам сейчас расскажу, что сам видел, что запомнил, а вы слушайте и себе на ус мотайте, что полезно в жизни — с собой возьмите, ненадобное выбросьте и никогда не вспоминайте. За мои сказы меня не ругайте.

ВОЛОЖНАЯ СТЕЖКА

На другом берегу Айнозера стояла деревушка Пыт-ручей. В этой деревне, у самых пустырей заполя, жил страстный охотник Степан Блинов.

Детишек у него было полное застолье. Иван меньшой да Иван старшой, Николай Средний да Николай

крайний с Марюткой близнецы, потом был Слават да Игнат, а Нюрка, та еще в зыбке качалась да соску требовала.

Сам Степан Кузьмич был мужик обиходный, заботливый и находчивый. Свою семью добро кормил да и с народом был сноровен. Любую работу общественного порядка с удовольствием осиливал и никогда никому не жаловался, что у него того-то нет, этого-то не хватает. Одно худо было в характере Степана: много хвастал. Бывало, скажет такое, что у добрых людей уши вянут.

Как-то раз по ранней весне наши мужики собрались подле озера. Сели на бревнышках и завели разговор, как лучше обрядиться с пашней. Однако такой-то серьезный разговор вконец расстроил Степан Блинов. Он в это время будто из-под земли вырос. В новой сатиновой рубашке, подпоясанной шелковым плетешком, встал перед мужиками, усы подкручивает, глазами улыбается и радостно говорит:

— Сегодняшнюю ночку мне моя Авдотья подарила доченьку. По такому радостному случаю я хочу в крестницы на именины пригласить лисичку-модичку.

— Ну-у-у! — засомневался кто-то из мужиков.

— Вот те и ну-у... — передразнил Степан, — обязательно приведу. Такое есть у меня нынче желание, чтоб из лесного края к себе в избу лисицу привести.

Когда в деревне вопрос заходит о лисице, то мужики встают и по домам идут, чтоб наказать своим женам кур припрятать. Один наш мужик, Иван Демин, подходит к Степану и с улыбкой ему говорит:

— Чего, Степка, опять расхвастался?

— Вот и не хвастаюсь, — заявляет Степан, — лису приведу, как на духу тебе говорю.

— Не верю, Степан, твоей клятве, а удивляюсь твоим словам, — отвечает на все Иван.

— Удивляться, кум, рано, сначала надо лисицу посмотреть.

— А когда такое можно увидеть? — спрашивает

Иван, а сам своему родному брату Игнату подмигивает, мол, помоги, братик, Степку раззадорить.

Игнат понял брата, подскакивает к Степану, по голенищам новых яловых сапог ударил, кричит, чтоб все слышали:

— Отдам тебе, Степка, яловые сапоги, если ты на самом деле лису в избу приведешь!

Так пошутили братья Демины со Степаном Кузьмичом и разошлись все по своим домам.

С той поры и до первой снежной пороши Степан все в лес ходил, на тетеревов охотился. Добыл много и всех на нашест положил. Потом по три штуки в день стал выдавать жене, строго ей наказывая:

— Бульон да косточки мне, а мясо малым ребятишечкам, тебе же перья на подушки.

— А на что тебе, Степанушка, так много бульонато? — тихонечко жена спрашивает.

— Хочу яловые сапоги заработать, хватит в лаптях-то по лесу шлындать.

Поняла иль не поняла мужа Авдотья, жена Степана, а стала каждый день из тетеревов бульон варить. Степан брал тот бульон да косточки и уходил вечером на полянку. А зачем? Никто из домашних не знал, да его об этом и не спрашивали. Степан же делал свое дело. Из дитячьей соски свою воложную стежку-дорожку к избе торил: поливал ее бульоном, а подле нее тетеревиные косточки раскидывал.

В первую ночь лисица прошла всю воложную стежку. Весь снег облизала да косточки съела, но до сараюшки Степана не дошла, повернула обратно в овраги, там дневала. На вторую ночь лиса пришла, и на третью ночь, и на четвертую, не стеснялась, навевалась, стала близко к сараюшке подходить.

— Сегодня лиса-краса в гости ко мне попросится, — как-то за обедом сказал Степан жене, а Авдотья и ухом не повела, не мое, мол, дело, разливай, дурень, по снегу бульон да лови хоть самого лешего.

В тот субботний день Степан в сараюшке секретный замок смастерил да веревку от засова в избу протянул, а сарай весь облил бульоном да на пол косточек тетеревиных наложил. После такой работы в избу пришел и жене приказал:

— Сбегай, милая, за братьями Демиными. Пусть они мне яловые сапоги несут. Скажи, мол, сегодня лиса-краса на крестины-именины в избу пожалует.

Братаны Демины и вправду к Степану в избу пришли, сапоги принесли. Их на лежанку поставили, Степану наказали:

— Пока лису сами не увидим, сапогов, Степка, не трожь.

— Ладно,— согласился Степан.

Сели за стол, стали чай пить. Пьет Степан чай, а сам в окошко посматривает: не идет ли лиса? Но на улице пустынно, а в заполье тихо.

Так Степан с братьями Демиными просидели до вторых петухов. Пора бы уж и по домам расходиться, да Степан не отпускает, уговаривает:

— Чутьочку подождать велела. Лисицы нынче стали стеснительные.— Тут он в окошко посмотрел, весело захохотал: — Идет! Идет краса-лиса на крестины, на именины. Подайте мне яловые сапоги!

— Не торопись, Степка, это, может, не лиса идет, а кто другой.

— Она! Лиса идет,— заливается смехом Степан,— как есть она! Где сапоги яловые?

А лисица без всякой сторожки перевалила свой пышный мех через изгородь в садочек Степана, а потом в сараюшку заскочила, приняхалась и спокойно стала косточки есть. Тогда Степан дернул веревочку. Дверь и захлопнула в ловушку лису-красу. Лисице ничего не оставалось, как только выбираться из западни по свободной тропе. Она вбежала в сенник, потом на сарайчик, а дверь в избу была открыта. Лиса не будь упрямцей, в избу заскочила и сразу на загоба прыгнула, с

него на полати, с полатей на кухонный стол, горшок со щами опрокинула, чашки, блюда перебила, молоко пролила. Пошла потеха. Лиса по избе бегает, выход ищет. Степан смехом заливается, сапоги требует, а братаны Демины от такого веселья и из избы убежали. Вот так-то и лиса-краса, и яловые сапоги достались Степану. Ничего тут, сват-брат, не поделаешь — уговор!

ЧУДЕСА В БЕРЕЗОВОМ КЛУБКЕ

Зимой лет с десяток тому назад ездил я в Лединские гари за дровами. Наложил поленьев полные розвальни, а в передок кинул с десяток березовых клубков драной по осени коры. Середина у клубков была запорошена снегом, а я расчищать не стал, сильно руки мерзли. Думал, приеду домой, клубки на печь положу, там отойдут.

К дому приехал под вечер. Дровишки в сараюшку скидал и о березовом лыке беспокоился, ведь из него мне надо летние ступеньки для баб сплести да и посудешку кой-какую починить. Моя матушка в этот день баенку топила. Вот, думаю, счастье-то мне подвалило. Снесу клубки в баенку, положу их на полочек, в уголок, они там все распарятся, добро отделявать будет. Как подумал, так и сделал. Положил я те клубочки в баенку на полочек, а матушке об этом сказать позабыл. Пришел в избу, разделся и за ужин взялся.

У матушки в тот день овсяные блины изладились, и я с говяжьей похлебкой сытно поел, а после сытности-то ко сну меня потянуло. Матушка в то время ушла в баенку посмотреть, не истопилась ли, не пора ли ее закрывать да воду греть. Я приткнулся на лежанке и стал засыпать. Не прошло и десятка минут, как дверь в избу широко распахнулась, и моя матушка, грех-то какой, прямо на полу растянулась да во всю моченьку запричитала:

— Кузенька! Сынок мой родненький! Чудо совершилось! За-ради Христа спасайся!

— Куда спастись? Зачем спастись? Какое чудо? — спрашиваю я у матушки.

— Настоящее чудо. Ведь чулан-то у нас битком набит, сунуться-то некуда, куда будем прятаться?

Уж не рехнулась ли моя матушка, думаю я, а сам тихонечко к ней подхожу, лоб пощупал, нет ли у нее жару? Нет, не обозначилось. Потом ее за руку взял, ласково спросил:

— Какую ты ересь, матушка, несешь? Что такое случилось? Иль на тебя затмение нашло?

Матушка встала с пола, сделала крестное знамение в передний угол, а потом заплакала:

— В нашу баенку дьявол гадюк напустил полным-полно, ступить негде.

Тут я спохватился. Гадюк-то не дьявол напустил, а я их сам из лесу привез.

В одних исподниках к баенке подбежал. Открыл баенку и сам в восторг пришел, премилую картинку увидел: Все гадюки отогрелись, повылезали из берестяных клубков и заняли в баенке места, будто согласно купленным ими билетам. Одна гадюка, согнувшись в калач, сидела в тазу, ее подружка уселась рядом с ней, мотают головками да, может, промежду собою разговорчики ведут. Несколько гадюк разместились на верхней полке, с десяток на приступочке, и все важничают, радуются, что снова вернулись к жизни. Четыре гадюки выглядывают из клубков, видимо, не успели еще оттаять, отогреться, а на полку тоже, шельмы, целятся. Всем им тепло, баенка отогрела, распарила, не шипят, как бывало, по осеням в лесном раздолье, не ползают, а сидят смирно.

Когда я появился в баенке, гадюки-то не больно меня испугались, но и не озлились, не попрятались, а может, благодарны мне были за внимание к ним. Только одна, что в тазу сидела, на меня зашипела, но тут с полка другая выползла. Потом они по уголкам располз-

лись, и лишь одна «королева» сидит на середине полочка да мне красное жало показывает, дразнится. Но я не больно-то труслив, меня, так сказать, в прорубь головой не суй, все равно сухим из воды выйду. Не испугался гадюк. Взял в руки клещи, которыми наши бабы камни из печи вынимают, чтобы в ушатах воду греть. Подошел и сразу в клещи заглавную «королеву» взял, вынес ее на снег, положил, посмотрел. Сначала гадюка круто свернулась, а потом медленно стала засыпать и минут через десяток совсем заснула. Таким способом вынес я из баенки всех гадюк. Когда уяснил, что все гадюки заснули, я опять же клещами сложил их в большую корзину и в ней снес к реке, а там в прорубь кинул: плывите, матушки, в Большое Онего, оно примет, а налимь за милую душу скушают.

Совершив такую операцию, я в избу пришел. Матушка спокойствие обрела. Сидит у стола да чай попивает, на меня посмотрела, рассмеялась, спросила:

— Ну, как там, в баенке-то?

— Полный порядок,— весело ответил я,— всех гостей проводил.

ТРОСИК

В Подчерном лесном кряже я нашел маленького рысенка. Он сидел возле ивового куста и жалобно мяукал. Сначала я подумал, что это одичавшая кошка, сбежавшая от хозяина, а когда ближе подошел, понял, что это недавно рожденный рысенок. Он был еще мал и очень тощий, а глаза у него горели ярко, и чудилось в них мне, что он просил меня взять на руки, приласкать. Я так и сделал. Взял его, погладил по шерстке, рысенок глазки закрыл, ткнулся мне мордочкой в поддевку и стал сосать. Я положил его в пестерик, понес домой.

...Моя жена увидела зверюшку, охнула:

— Как тебе не жалко губить малыша такого, ведь у него матушка есть.

— Нет,— отвечаю жене.— Матушку какой-то охотник убил, а он остался сиротой. Губить я его не стану, это не в моем характере, а стану его кормить да уму-разуму учить.

После этих слов я налил молочка в блюдце, поставил перед рысенком. Он сначала понюхал, а потом накиннулся на молоко с жадностью. Пил круто, вилял обрубком хвоста. Наелся, ушел в отведенное ему место под печкой и заснул.

Долгое время мы кормили рысенка из дитячьей соски козьим молоком. Коровы у нас не было. Однако козье молоко оказалось питательное, и наш рысенок рос как в сказке, не по дням, а по часам. Тогда мы ему дали простенькое имечко. Тросиком назвали. Через неделю он к своей кличке привык, стал отзываться. Бывало, кликнешь его по имени, он сразу прибегает, взбирается мне на плечо и давай мордочкой тереться о щеку да песенки мурлыкать.

Месяца через два Тросик обжился с нами так, что его не прогонишь, все равно прибежит обратно. Подружились мы с ним крепко. Бывало, по делам уйдешь с утра в лес, а он заберется на приступочек печи и ждет до вечера. Как только слышит мои шаги, к дверям прыгнет, замяукает да короткими ножками дверь царапает, хочет открыть, да не может. Встретит меня радостно, прыгнет на плечо, посмотрит в лицо, промяукает, будто спросит: почему так долго в лесу бродил, почему меня с собою не взял?

И вот в начале заморозков Тросик пристал ко мне у Гороховой поляночки. К этому времени он стал исправный, на ногах высокий, к еде бедовый, ростом с доброго кобеля будет. Шкура у него вся пятнистая, морда с бачками, а те бачки черные, точно смолой вымазаны. Весь день проходил со мной, все к чему-то прислушивался, чего-то вынюхивал, а под вечер исчез. Я домой собрался, кричал его, звал, но обратную дорогу так и довелось без дружка торить.

Жена встретила меня с ворчанием, потом заплакала: — Как же так, жить-то без него невесело будет. Где же он, бедненький? Не смогли голубчика уберечь.

А как его убережешь? Волка как ни корми, а он все в лес просится. Пусть, думаю, в лесу поживет, премудростям там поучится.

Пробежала нашей деревней первая пороша. Поля белой салфеткой накрылись, и только кое-где чернели кочки, да рыжеватые колоски несмело из-под снега выглядывали. Не успеешь позавтракать, как вечерять надо. Однажды в сутемках субботним вечером выхожу из бани и слышу: возле березовой рощи собачий переполох. Собаки бегают вокруг рощицы да лают. Зачем, думаю я, так собачонки взбесились, но не стал осматривать, в избу пошел. Только успел сесть поближе к самовару, как широко дверь распахивается, и Валько, охотника Тимонина сын, вбегает в избу и кричит во все горло:

— Дедушка, собаки твоего Тросика в березы загнали!

Тут сразу жена заголосила:

— Беги скорехонько, выручай живехонько. Домой-таки прибежал. Стосковался.

Я на скору руку оделся. Из избы выбежал. Подбегаю к роще — собачонки собрались со всей округи и дребезжат, аж в ушах звон стоит, из сил выбиваются. Отогнал я собак от берез, а сам тихонечко и ласково говорю:

— Тросик... Тро-синь-ка, я же твой старый приятель, иди сюда, милый.

Но друг милый не пошел, а прыгнул с березы прямо ко мне на плечи. Меня с ног свалил. Я поднялся, а Тросик сидит у меня за спиной да языком мою щеку лижет. Принес его в избу к себе, он сразу на живот лег и к моей жене пополз, значит, извинения просит.

С той поры Тросик больше никуда не убегал, и жил он на моем подворье около трех лет. Возмужал, стал проказничать. После этого я с ним распрощался. Свез в зоопарк, а через годик ездил его навестить.

Однажды брат пришел из училища с корзинкой.

— Иди сюда! Одну вещь покажу! — позвал он меня.

Ну и вещь! В корзине сидел крупный, пушистый птенец. Белый, как вата. Только большие глаза да клюв сразу бросались в глаза.

— Совенок, что ли? — спросил я.

— Ястреб!

Расставил я капканы на мышей, стал брат охотиться в поле на сусликов. Вся моя добыча шла на корм Зоркому, так я называл птицу. Ястреб быстро рос, оперился, становился все доверчивее, вот только на кличку свою не отзывался. Но, видно, все-таки ее знал.

В первом же самостоятельном полете с ним случилась такая история. На него напали ласточки! Они, сбившись в кучу, высоко подлетали в небо и оттуда вихрем налетали на моего птенца. Он растерялся, жалобно закричал и тут услышал мой голос:

— Зоркий, сюда!

Ястреб, преследуемый ласточками, бросился ко мне и сел на протянутую руку. Потом решил перебраться в более безопасное место — под куртку, где часто согревался, когда был маленьким. Минут пять посидел и стал выглядывать: не улетели ли ласточки? Снова и снова выпускал я Зоркого на простор. Стал он смелее, научился ловить сусликов. И однажды совсем пропал.

Прилетел недели через две. Мама схватила его и посадила в большую клетку. Хотела, чтобы мы все его увидели. До нашего прихода билась птица в клетке. Мы выпустили ее, дали мяса. Но Зоркий улетел и больше не возвращался. Обидела его клетка. Ведь ястреб — свободолюбивая птица.

Из детских тетрадок

В. Бочарников ПОБЕГ

Проспал-проморгал зайчишка. Выкосил его во ржи комбайнер Васятка Березин. Выкосил, затормозил, спрыгнул с мостика и накинул пиджак.

Нес в деревню, зайкино сердце стукалось в жесткую ладонь, просилось: «Пусти... Пусти... Пусти...» Не отпустил комбайнер. Другие мысли у него. «Братишке Сереге подарю. Вот обрадуется...»

Посадил зайчишку в крайнюю пустую клетку, в других кролики жили. После ужина принес морковку с огорода, ржаную корку, баночку с водой.

— Ешь-пей, а я пойду спать, раненько завтра подниматься. Не сердись, так уж получилось.

Ни к чему не притронулся зайчишка. Загрустил страшно. Корка хлеба пахла родным полем... Ах как хотелось ему в поле, пробежаться зеленым межником, полизать росу на траве!

Клетки были на улице, у стенки сарая. Собака комбайнера почуяла зайца, с полчаса, наверное, кидалась на его клетку, лаяла, злилась. Зайчишка забился в угол, вздрагивал: вот-вот доберется зубастая... Но клетка стояла высоко, миновала беда. Поскуливая, пес забрался под крыльцо.

Зайчишка носом уткнулся в деревянный пол клетки, никогда еще он не чувствовал себя так скверно, как сейчас. А кролики веселились, прыгали, хрустели травой...

Зайчишка от досады куснул доску, откололась крохотная занозина. Но это очень обрадовало пленника. «Зубы острые. Прогрызу пол. Прогрызу и побегу».

Стемнело на дворе. В саду шелестели палой листвою мыши. Пес похрапывал под крыльцом. Зайка принялся грызть дерево. Зубы-резцы яростно скоблили доску.

Между туч выглянула луна, увидела зайку в клетке, тепло и обнадеживающе подмигнула. Зайка понял ее: давай, дружок, работай и будешь на свободе. Не отступай! Зайка точил дерево. Вот доньшко хрустнуло, и появилась крохотная дырочка. Зайка прижал уши и заглянул в нее одним глазом — земля.

Теперь, когда он поработал и очень устал, почему бы и не подкрепиться морковкой, корочкой хлебца, не попить водицы? Все съел, попил и снова стал грызть дерево. Уже можно просунуть лапу...

За стенкой, в сарае, шумно дышала корова, вдруг запел петух — как он испугал зайку. Так близко он еще не слышал петушиного голоса. Только когда снова принялся за работу, успокоился...

Утром к зайкиной клетке наведалься комбайнер. И присвистнул от удивления:

— Чисто сработано-о! Молоде-ец, зайка! Настя, — звал он жену, — иди, Настя, погляди, чудо какое вышло... Ха-ха-ха... Молодец, зайка. Гуляй себе в поле.

ЛОСЕНОК РОДИЛСЯ

Лосенок родился за полдень; было пасмурно и свежо: цвела черемуха. Лосиха-мать лежала на лесной укромной полянке, усталая, намаявшаяся. Среди молодой зеленой травы она была похожа на огромный серый валун, и только высоко вскинутая голова с ушами, похожими на рукавицы, поворачиваясь влево-вправо, выдавала радость и тревогу. Выпуклый глаз налился густой темнотой, через большие мохнатые ресницы изливалась теплота и нежность; лосенок, ее первенец, лежал у ле-

вой задней ноги, касаясь своим влажным боком ее теплого тела, по которому еще прокатывалась нервная дрожь.

«Э-э-э-э», — то ли стонала, то ли звала, то ли подбодривала лосиха теленка. а он отвечал ей слабым поскуливанием: «И-и-и-и», шевелился, пробовал поднять голову и осмотреться.

Перед малышом был лес — его будущий дом. Молча стояли сосны с красивыми красными стволами, у елей слегка шевелились пахнувшие смолой ветви, черемуха свешивала белые кисти, излучая ласковый свет.

Прилетела сорока, села на березовую ветку и онемела от удивления: знакомая лосиха с красивыми длинными ногами и гордой шеей (казалось, она всегда как бы плыла по воздуху) теперь смиренно лежала, а возле нее ворочался нескладный коричневый комок. У комка были уши, глаза, голова и тонкие, как жердочки, ноги. «Как он похож на нее!» — хотелось прострекотать сороке, но тут лосиха повернула к живому комку голову, потянулась и стала облизывать своего первенца; сорока сочла неуместным вступать сейчас в разговор с лосихой, качнулась на ветке и отправилась оповещать лес о том, что она видела своими сорочьими глазами.

Облизав у новорожденного головку и шею, лосиха мать толкнула малыша верхней вислой теплой губой: дескать, вставай, двигайся. Не разлеживайся.

Удивительное дело: лосенок принял сигнал и приподнял головку, выпростал передние ножки и оперся ими о землю. Ножки разъехались.

«Э-э-э-э», — подала голос лосиха.

Малыш успокоился. Снова подтянул ножки-жердочки и оперся на них. И — удержался. Но тут, вероятно, он вспомнил, что у него есть еще и задние ноги. Подтянулся весь, встал, но ноги — и передние и задние — опять разъезжались. Он так и распластался на траве. Затих. Затих только на одно мгновение. И — упорный все-таки, лосиной породы! — снова заворочался, разоб-

рал, как полагается, свои ноги, подтянул их, ткнулся в бок матери мордой. Вдохнул, пошевелил губами.

Лосиха подышала на него, обласкала взглядом, и лосенок, откуда и силенки привалили, снова стал подниматься... На третий или четвертый раз, после невероятных усилий, встал на землю всеми четырьмя ногами. Все тельце от возбуждения пронизала судорога. Пришлось прилечь и отдохнуть. Шоколадная шерстка уже обсохла. Но есть лосенку еще не хотелось — мало поработал.

Теперь он поднялся уверенней и, раскачиваясь, переступил ногами. Сам, без материнской помощи, постиг удивительное открытие: он может двигаться!

Падал, поднимался, передвигался. Снова падал. Снова поднимался. Снова передвигал ногами. До чего ж они у него длинные!

Стал хитрить. Устанут передние ноги — опускается на коленки. Отдыхает. Устанут задние — ложится. Но желание двигаться у него, видимо, было сейчас самым сильным. Может, ему захотелось обойти мать и разглядеть ее? Может, ему было холодно и хотелось согреться?.. Вот он опять на ногах. Тихо поскуливая, пошатываясь, идет, идет. Как трудно дается движение, болят ноги, шея, спина. Хочется лечь и тихо лежать. Он пересиливает это желание, переступает светленькими копытцами. Дошел. К самой материнской голове. Потеря, заглянул в глаз. А мать щекочет языком, подбадривает.

Солнце прорвалось сквозь тучи. Замер на месте, уши закинул назад: это еще что такое? Чем грозит? А-а, теплее стало, веселее. Ну, свети, свети. И солнце светило лесу, лосихе и — в первый раз — лосенку... Сколько еще шагать! Какая у него огромная мама!

Тельце бьет дрожь. От возбуждения? От непривычки ходить по земле? От страха — кругом такой загадочный лес? От голода? Так страшно захотелось есть. Лосенок опустился на колени... И нашел, и поймал горячими гу-

бами сосок, и потянул сладкое, теплое, успокаивающее материнское молоко...

Мать неожиданно поднялась. Поднялась, обнюхала малыша, лизнула в губы и зашагала в лес. Он понял ее — заковылял следом.

Вся начальная школа была пройдена за полчаса.

Шевельнулись еловые ветки, пропустили лосиху и лосенка и сомкнулись. Укрыли надежно...

В Ковальцовском лесу одним лосем стало больше.

ЖЕРЕБЕНОК

К вечеру на приречный луг выпускали рабочих копей. С ними выходил и гнедой жеребенок с белым пятном на лбу.

Жеребенок, как и все малыши, принимался играть: то мордочкой ткнется в бок матери, то защекочет губами шею грудастого мерина по кличке Барон, и тот, вздохнув, фыркнет, то норовит пролезть под брюхом серого жеребца — дерзость невероятная! И удивительно, нарабатывшиеся за день колхозные кони снисходительно и терпеливо сносили все шалости сосунка.

А он был неутомим. То пробежится по лужку, то ляжет и давай качаться. Охота ему с одного бока перевернуться через спинку на другой бок. Вот и сейчас, примяв траву, тужится, ловчится, двигает ногами, постегивает себя хвостиком. Рррраз — не удалось. Еще рррр-раз — и опять неудача. Обиженно приподнял из травы шею, сердясь, мотнул головой.

Я понял его: жеребенок хотел убедиться — глядят ли на него кони, и если глядят, то как расценивают его конфуз. Но только кобылица-мать поглядывала на игрунка-сына не то с укоризной, не то с одобрением.

Теперь он еще пуще разошелся: раскачивается, двигает передними и задними смешными тонкими ногами с копытцами, натертыми травой до блеска, выгибает

шею, крутит хвостом. И вдруг удалось перевалиться. Заржал от радости. Заржала и мать-кобылица.

Теперь сосунок, как я и ожидал, надумал перекатиться в обратную сторону. Раз шесть, наверно, пытался, пока не добился нужного толчка. Лежит он на спине — ни туда ни сюда. Над ним небо. Над ним — глаз уловил в небе — коршун с большущими раскинутыми крыльями. Вот-вот ринется когтить...

Как он струхнул! В отчаянии диким рывком перевернулся-таки как хотел, вскочил на ноги, заржал, поджал уши, крепко взбрыкнул — вот тебе коршун! — и припусти по луговине галопом.

«Топы-топ, топы-топ, топы-топы-ы...»

Всех коней переполошил, они подняли головы и с минуту недоумевающе глядели на шалуна, соображая, что с ним? Убедившись, что все в порядке, кони, наверно, вспомнили, что и у них было такое же легкое с шалостями детство. Только давным-давно.

И. Васильев ДУБКИ

За деревней на бывших пустошах растет березовый, с редкой примесью сосны, лес. Я пошел туда поискать грибов. Но погода стояла сухая, и обычных в это время колосовиков не

видно было. Попался груздок опенков да несколько маслят — и весь сбор.

Я заметил совсем маленькие дубки, на два, на четыре листа, которые росли одиночками по всему березнику. Сколько по лесам хаживал, такого не видел. Добро

бы, старые дубы были поблизости, а то, куда ни глянь, береза да редкая сосна. Может, давным-давно рос тут дубовый лес?

Спросил у бабки Аграфены, а она говорит:

— Не было там дубов, поле было, а потом пустошь, а лесом уж в войну поросло.

Что за загадка: желуди ведь по воздуху не летают?

— Скорей всего белка посеяла, не то ежики,— сказала бабка.— В деревне Новой, две версты отсюда, дуб, кажись, есть.

Пошел в Новую — точно: стоит дуб. И представилась мне такая картина. Выдался год — желудей на дубу что ягод на рябине. Прознали про то белки и повадились из старого леса, что за березником растет, к дубу бегать, желуди на зиму таскать. Набьют за щеки, прыг-скок, прыг-скок, а путь далек, то одна уронит желудь, то другая, искать некогда, торопятся запас до дупла донести. А потеряшки до весны пролежали, корешок пустили и пошли расти под сенью берез.

— Хорошо придумал,— усмехнулся на мой рассказ лесник.— Дубки-то сойка посадила. Эта особа запасливая, имеет привычку желуди в землю прятать. Спрячет, а потом не найдет. Такой уж она лесовод.

— Все равно,— сказал я и, выкопав в березнике дубок, посадил в тени у крыльца. Боялся, не примется, кто ж летом пересаживает? Но поливал дважды на дню, и — принялся. Пускай и на Усть-Дёрже вырастет дуб-великан, когда-нибудь и от него сойки лес разведут.

БЕРЕЗОВЫЙ ДОЖДЬ

Было пять утра. Слегка моросило. Солнце еще не взошло, рассвет занимался мягко и спокойно. Я стоял на горе за деревней и наблюдал, как над Волгой зарождался туман и по низинам плыл к лесу. Затопил пойму, поземкой потек через гору, заливая овсяное поле вни-

зу, и уперся в лесную опушку. Лес будто приподняли и отодвинули назад, от него осталась плавающая в молочном мареве тонкая зубчатая лента, затем пропала и она.

Я спустился с горы, перешел поле и, войдя в лесную сень, подивился, что тут, среди берез, тумана нет и все хорошо видно. Почему лес не пускает в себя туман?

Пока собирал грибы, поднялось солнце, ветерок качнул вершину одной березы, другой, пробежал легкой волной по всему перелеску, и я услышал дождь. Это был странный дождь, он шел не из тучи, а с берез. Каждое дерево сеяло свой маленький дождик!

Так вот в чем дело! Березы, смыкаясь кронами, образуют полог. Туман лег на эту живую зеленую крышу, по две-три капли на каждом листочке, а ветер подул, березы отряхнулись — и получился дождь без тучи.

Сколько на свете прожил, такого не замечал. А заметил и название дал: березовый дождь.

Шел в Сергеевское, а на вершине березы сели шесть тетеревов: какая красивая береза стала вместе с этими птицами!

●

Как-то вечером, когда мама с папой возвращались домой, к ним с криком подбежал гусь и метнулся прямо под ноги. Отогнали его и пошли дальше. Но гусь забегал вперед, ложился на дорогу и не давал прохода. Папа заметил что-то неладное в поведении гуся. Остановились. А гусь, поминутно оглядываясь, побежал к заводскому забору. Погоготал возле него и нырнул в небольшое отверстие в заборе. Когда папа зашел на заводской двор, то увидел там четырех гусынь и того

самого гуся, который звал на помощь. Оказалось, это были наши гуси.

Они забрались на чужой двор и забыли про дырку, в которую вошли. Гусь-то вспомнил, но никак не мог дозваться гусынь. Бестолковые метались по двору.

Папа пересадил птиц через забор, и все пошли домой. Всю дорогу гусак хлопал крыльями и издавал победные крики. Гусыни вышагивали следом и любовались своим вожакom. Веселая была процессия!

Из детских тетрадок

Ф. Абрамов
ИЗ РАССКАЗОВ ОЛЕН
ДАНИЛОВНЫ
НЕСМЫШЛЕНЬШИ

В это утро мы с Вовкой славно поработали. Выкосили траву под окошками, засыпали семена и крупу в многочисленные тарелочки и черепушки для птиц, сменили воду в баночках и, сверх того, еще пропололи грядку клубники.

Олена Даниловна, как истая крестьянка, была довольнехонька.

— Ну уж, ну уж какие у меня работники! — говорила она. — Чем только мне с этими работниками и расплачиваться. Разве что пирог со свежей капустой закатать...

— Не надо, бабушка, пирога, — сказал Вовка. — Ты лучше чего-нибудь расскажи.

* Публикуется в сокращении.

— Да чего же я вам расскажу?

— А про бельчат, бабушка.

— На-ка, выдумал — про бельчат. А почему не ты? Ты ведь тоже знаешь. — Олена Даниловна хитровато подмигнула мне своим черным глазом: — Давай не стесняйся. В школу пойдешь, что будешь делать-то, когда учительница спросит? Бабушки рядом не будет. Ну как? Жили-были...

Вовка застенчиво прижался ко мне. Его маленькое сердечко воробьем запрыгало под моей рукой.

— Ох ты зайчишка, зайчишка... Ну, жили-были две белки, у них родились деточки... Так?

— Не так, бабушка. Неинтересно так.

— Давай как интересно.

— А ты сама знаешь как.

— Вот не любит сказок, — со значением заметила Олена Даниловна. — Все надо, чтобы по жизни было. А по жизни рассказывать, полдня надо положить. Все в строку лезет: и птичка, и сучок, и каждый чих. Люди-то увидят, что скажут... Бабка Олена с утра, скажут, языком мелет.

— А ты поближе к кустикам сядь, тогда и не увидят, — посоветовал Вовка.

— Да уж разве что к кустикам... Ну тогда так, Владимир, вместе будем. — Тут Олена Даниловна опять многозначительно подмигнула мне: дескать, ты уж извини меня, старуху, пожалуйста, а мне нельзя иначе, мне надо внука подучивать.

Вовка, однако, подучиваться при мне не захотел, и Олене Даниловне пришлось скоро от этой затеи отказаться.

— Ох, Владимир, Владимир, — для порядка пожурила она внука, — ведь знаешь, с чего все началось. Когда мы первый-то раз белок увидели?

— Весной.

— Вот видишь, все помнишь. Весной, весной мы первое знакомство свели с белками. Отец у нас в команди-

ровке, мати в больнице, а кто участок вскапывать? Земля-то не ждет. Ну, я на все запреты докторские махнула — поедем, Вова. И вот им, белкам-то, видно, интересно стало, чего это старый да малый все земле кланяются, — пойдем-ка, посмотрим. Ну, из лесу выскочили да вон на ту елушку. — Олена Даниловна указала рукой на пушистое, густо усыпанное розовой шишкой дерево рядом с дровяным сараем. — Вылезли, смотрят на нас, и, видно, уж понравились мы им с Владимиром — они и обгнездились на той елушке.

— Бабушка! — воскликнул Вовка. — А кто первый их увидел?

— Бельчат-то? Ты, ты, Вова. Ох, что было! — Олена Даниловна всплеснула руками. — Утром вбегает ко мне на кухню — я как раз крапиву чистила, крапивник надумала варить: «Бабушка, бабушка, там котятки на елушке!» Где, какие котятки? Почто на елушке? А то, что это бельчата, у нас с Владимиром и в мыслях ни у которого нету. И вот ведь как тайно белки жили — мы даже и не знали, что у них там гнездо. Две недели, а то и три уж на даче жительствоуем, а их и в глаза не видели. Ну, я бегу за Вовкой, да ох же! — бельчата. Три сразу, четвертый-то больной был, уж после на глаза попал...

Нет, — вдруг тяжело вздохнула Олена Даниловна и нахмурилась, — не приведи господь, чтобы они еще раз к нам заявились. Я за прошлое лето извелась. И мои спокойя не знали.

— А что так? — Меня удивил этот крутой переход от детской радости и воодушевления к суровой озабоченности.

— А то, что горе с ними, маета одна. Я с ребятами со своими столько не переживала, сколько с этими бельчатами. Вот те бог.

— У них мать была нехорошая, — сказал Вовка. — Сбежала.

— Да, сбежала, — не очень уверенно подтвердила

Олена Даниловна, затем послала внука зачем-то в дом и, когда тот хлопнул дверью, сказала: — Это мы ему говорим, что сбежала, чтобы не расстраивать — очень уж расстроистый, а на самом-то деле съел кто-то ихнюю мать — собака или кошка. А отец у бельчат нынешней породы вертихвост, — пошутила Олена Даниловна, — не видали при детях.

Вовка обернулся быстрее ветра, в доме все было в порядке, и Олена Даниловна, похвалив его, повела рассказ дальше:

— Хлебнули, хлебнули мы горюшка в то лето. Первое дело — люди. Весь поселок к нам переходил, каждый день экскурсии — все грядки у нас топтали. Да грядки ладно — у отца у нашего и не топтать — одна трава, да ведь им охрана, присмотр надо. Ну-ка, мало в поселке собак да кошек, а они глупые, несмышленыши, сами в пасть лезут. И никто не подучит — сироты, нету родителей.

Ну днем мы с Владимиром начеку. То он, то я — всегда глазами там. А ночью-то как? Ночью-то кто их удозорит?

— А ночью, — нетерпеливо выпалил Вовка, — мы Василия Ивановича заставляли. Да, бабушка?

— Да, да, Василия Ивановича. Как хошь, говорю, Васенька, а придется тебе ночной досмотр на себя взять.

(К этому времени я уже знал, кто такой Василий Иванович, или Васенька. Кот. Большой сибирский кот, который, по словам Олены Даниловны, был самой умной животинкой на свете и которого по старости — отнялись ноги — нынешней весной пришлось усыпить в больнице.)

— Выручал, выручал Василий Иванович. Я ночью проснусь, выйду, а он уж у ели — сидит да на ель смотрит. А то опять вдоль забора похаживает, чтобы кошка чужая на усадьбу не забежала.

Ох, да сколько всего с этими бельчатами было — не пересказать. Хоть про ту же еду вспомнить. Попережи-

вали мы с Владимиром. Матери нету — с голоду помрут. Мы уж и грибков-то сушеных на елушку навешали, и баночку-то с молоком под ель ставили, а потом, когда увидели — молодые побеги грызут, отлегло от сердца. Ладно, грызите, ребята. Ель у вас большая, надолго хватит. А одной ели мало — лес рядом.

— Бабушка, а как они ползать учились, помнишь?

— Как не помню. Не по веткам — по сердцу твоему ползают. Ножишки слабые, расползаются, коготки жиденькие, не багрят — смотришь, один покатился, другой, вот-вот на землю шмякнутся...

— А про грозу, бабушка, забыла? — еще про один случай напомнил Вовка. — Ты еще папу уговаривала лестницу поставить.

Олена Даниловна, к этому времени начавшая было заметно остывать, снова воспламенилась.

— Ну, это мертвый номер в цирке, — по-современному выразилась она. — Детсад на качелях. Вон с елью-то рядом видишь клен? Так вот, ель свою оползали — на клен пойдем. А что из этого получится, разве такие дурахи думают? Ну, на клен просто — здоровый сук в ель упирается. А как с клена на ель попасть? Веток у клена много, поди угадай, которая к твоему дому, которая от него, а прыгать еще не можем — не научились. И уж они тычутся! Туда-сюда, по той ветке, по другой, по третьей — заблудились. И вот раз на этом-то самом клену их и застала буря. Страшная. С грозой, с молоньей. Мы с Владимиром на другой день в лес пошли — вот такие ели вповалку лежат. Ну, три-то, которые посильнее да побойчее, быстро домой попали, а четвертый-то, горемычный, и остался. Ой! Уж так его полоскало да мотало, мы думали, живого места не останется. Дождь, по-бывалошному сказать, в вожжу, розы у нас растерзало начисто, а на грядках такие дыры навертело — кро-там не навертеть...

— Бабушка, а ему после этого дождя лучше стало, да?

— Бельчонку-то? Лучше. Дождь первый помощник у жизни. У нас, бывало, в деревне всегда ребенка на дождь выставляют. Бежи, скажут, на улицу, подрасти немножко. А эти после дождя просто басурманами стали. Ой, что тут делалось! Ведь они мало того что с дерева на дерево прыг-скок, на землю спустились. Утром в окошко глянешь — что за огоньки из травы выскакивают? А то они возле своей ели играют. А то опять сядешь на скамейку — на, прибежали. Согласны по тебе бегать...

Олена Даниловна посмотрела на небо — там было сине. В воздухе сильно пахло подсохшей травой. Птицы в саду примолкли.

— А ведь к дождю дело-то идет,— сказала она озабоченно и начала вставать.

Мы с Вовкой быстро сносили траву в сарай. Сама Олена Даниловна отправилась в дом, чтобы на случай грозы укрыть на кухне светлую посуду. Однако грозы на этот раз не было. Дождь тоже пронесло стороной, так что через каких-нибудь полчаса мы снова оседлали скамейку, правда, без Вовки. Вовка с плетеной корзинкой пошел рвать заячью капусту для черепахи. Я хотел было тоже пойти с ним — веселее вдвоем ребенку, но Олена Даниловна меня остановила:

— Ничего. Пускай идет один. И так самостоятельности не хватает. Я, бывало, в его годы хлебы уже себе зарабатывала.

Олена Даниловна была чем-то явно недовольна. Я попытался вернуть ее к нашему недавнему разговору о бельчатах — мне все-таки интересно было знать, что с ними стало, заявлялись ли они весной на усадьбу или нет. Но старуха и на это откликнулась без прежней живости.

— Нет, не заявлялись,— сказала она сухо. Потом вдруг черные глаза ее гневно сверкнули, и она добавила: — Мудрено им было заявляться-то, когда их еще осенью загубил Васька Шиш. Есть тут у нас в поселке

один горький пьяница — все от него стонут. Уж каждый день, каждый день пьяный. Женка бедная во все газеты писала: заберите у нас пьяницу, погибаем. Не берут. Сам мне признался. Весной встречается на дороге, рот до ушей. «Спасибо, Даниловна, за выручку. Я, говорит, на твою пушнину два дня газовал...»

Олена Даниловна старательно поправила белый платок на голове, поглядела в сторону леса, куда ушел внук:

— На моей совести эти несмышлениши! Я виновата.

— Да почему же, Олена Даниловна?

— А потому что не то воспитанье дала. Ведь они звери, им в лесу жить, а я их к человеку приучала. Вот и приучила. Тот Шиш их без ружья осенью взял. Сам похвалялся...

Нет, не всякое, видно, добро впрок, — философски заключила Олена Даниловна и опять устремила взгляд на зады. — Добро-то оказывается, тоже надо делать умеючи.

ПРО ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

Из всего зверья, перебивавшего у Олены Даниловны за ее долгую жизнь, больше всего она любила, как я уже сказал, Василия Ивановича.

Про него она могла рассказывать часами — живо, с подробностями, и послушать ее, так на свете, честное слово, и среди людей-то немного таких умниц, как этот кот.

— А как же, — говорила Олена Даниловна, — бельчат по ночам кто у нас стерег? Разве кошачье это дело? Я начну кому рассказывать — врешь, бабка. А за грибами — слыхано, чтобы кот ходил? А Василий Иванович ходил. Да, да, да! Мы с Владимиром в лес — и он за нами. В сторонку отбежит: мяу-мяу. Иду, иду, Васенька. И так и знай: белый. Других грибов — козлят ли, моховиков — не признавал.

— А пьяниц взять. Отец у нас,— Олена Даниловна так называла своего зятя,— с мокрым рылом родился. Иной раз домой придет — зашумит, а уж Василий Иванович ему лапой: не смей! А ежели еще пьянчуг-друзей приведет — беда! Готов глаза выпарапать...

— Бабушка, а Расскажи, как Василий Иванович клубничку воровал,— подсказал Вовка.

Олена Даниловна затряслась от смеха.

— Было, было такое дело. Прощтрафился у меня Василий Иванович...

Так начался один из многих рассказов про мудрого kota.

— С Амиком они этот номер выкинули. Собачка тутошняя, песик,— вон тех соседей.

Мы тогда приехали на дачу с Васенькой вдвоем — Владимира еще на свете не было. Ну, мне дела не занимать: кирку в руки и хоть весь день маши. А Василий Иванович, вижу, как не в себе, вроде как в растерянность впал. Ходит за мной да все мяу-мяу: где мы? Куда приехали? Городской, не приспособлен к природе.

Ну, я ему мозги вправляю: что же ты, говорю, Василий Иванович, все за мной да за мной? Куда это годится? У каждого в жизни свои интересы должны быть.— Тут Олена Даниловна бросила на внука один из своих воспитательских взглядов.— Самостоятельность, говорю, должна быть,— еще определеннее выразилась она.— А что же это получится, если все будем ходить друг за дружкой? Ты бы, говорю, хоть друзей-товарищей завел себе. Оглянись, говорю, хорошенько, есть тут кошачий народ.

Нет, со своим братом компанию не свел, а с Амиком снюхался. Тут, на углу, у них свиданья-то происходили.— Олена Даниловна указала на травянистую полевину за калиткой, густо расшитую белоголовыми ромашками.— Правда, Амик и к нам на дачу заходил, а Василий Иванович — нет. Гордость не позволяла: в гости

не хожу. Хочешь — ты приходи ко мне, а не хошь — как хошь. Беда, важный был. Покамест Василием Ивановичем да Васенькой не назовешь, и не откликнется. Ей-богу.

Ну, Амик, тот попроще был, голову высоко не нес. Все, смотришь, прибежит. Наш его встретит у калитки, обнюхает, а то и по травке покатает — тот песик вежливый, лапки кверху, и ничего: катать себе на здоровье. А потом и до проказ дело дошло, из-под контроля вышли.— Олена Даниловна кивнула на каменный особняк за крепким высоким забором слева от своей дачи: — Вот у них, у тех куркулей, стали плантации проверять да клубничку выбирать.

— Кот и собака — клубничку?

— Ну. Форменными ворами стали. Потому что не теперь сказано: чужая ягода слаще.— Олена Даниловна сказала это и сразу же спохватилась, видимо, вспомнив про свои воспитательские обязанности.— Да, да,— сурово поджала она губы,— бесконтрольность почувствовали. Решили, что все им можно. Я раз гляжу, где Василий Иванович, другой гляжу. Так все на глазах, все с Амиком со своим, а тут некоторого нет. Потом смотрю — чего трава у забора шевелится, а то они выкатывают. С налета. Амик бесхитростный, ничего в себе не держит: гав-гав, там, за забором, были. А мой-то даже не глядит на меня. Старый гусь, хитрющий — только головой водит да усами подергивает.

Ох, думаю, плутяга, погоди у меня, дознаюсь, что там делаешь, выведу тебя на чистую воду. А сама ничего уже не сказала: ни ласки, ни встряски. Как так и надо.

Ладно. На другой день я начеку. Затаилась за кустом, поджидаю ихнюю встречу. А они встретились, обнюхали друг друга да недолго думая — к забору. Впереди Василий Иванович, сзади Амик. Привычное дело! Не первый раз занимаются — в траве у них уж тропка своя протоптана.

Вот к забору-то они подошли, и я за ними. Батюшки! Василий-то Иванович у меня на грядке клубничку кушает, а Амик где? А Амик в дозоре — на дорожке сидит да на дом посматривает.

— Ну уж и посматривает?

— Вот те бог! — со всей серьезностью побожилась Олена Даниловна. — Чистая правда!

— Бабушка, бабушка, дальше! — закричал возбужденно Вовка.

Вовка был уверен, что все дальнейшее сразит меня окончательно. И оно действительно сразило. Ну а если и не сразило, то, во всяком случае, показалось совершенно неправдоподобным. Ибо дальше было вот что: Василий Иванович, скушав две-три ягодки, — так именно выразилась Олена Даниловна, — уступил место Амико, а сам встал в дозор.

— Вот какой у нас ученый кот! — живо прокомментировал Вовка. — Как в «Руслане и Людмиле». Правда?

— Да, да, такой вот проказник, — рассмеялась Олена Даниловна. — Ведь это надо же додуматься — Амика в дозор, а сам ягодкой сладкой лакомиться! Ну уж я пожурила, посовестила тогда Василия Ивановича. Получил он у меня по заслугам. Это что же, говорю, батюшка мой, получается? Я к тебе со всем моим доверием, а ты себя на хулиганство заводишь да еще и Амика с толку сбиваешь. Каково, говорю, мне из-за тебя краснеть придется? Мне, говорю, за всю жизнь люди худого слова не сказали. Где ни работала, что ни делала, всегда хвалили да на почетную доску вешали. Даже в блокаду, говорю, твоя хозяйка рабочей чести не уронила, ни одного дня в простое не была. Так вот на этом и кончилась у них дружба с Амиком...

— Почему?

— А из-за гордости. Не понравилось, что я его при Амике побранила да посовестила. Вот он и заломил хвост. Амик сколько раз подходил к калитке, гав-гав, а наш — нет, не вышел. А тут вскорости и Амика увез-

ли — из Киева хозяева, там сын соседа проживает. Тем часом и кончилась у них дружба...

Своего любимца, умершего, как я уже говорил, от старости, Олена Даниловна похоронила на усадьбе дачи, возле ели, на которой еще год назад Василий Иванович охранял осиротевших бельчат.

— Я уж не пожалела ничего, — рассказывала она про то, как хоронила кота. Разумеется, рассказывала в то время, когда рядом с нами не было Вовки. — Гроб сделала по нему — ящик из-под конфет в магазине купила, внутри клееночкой выстлала, сверху простынкой белой накрыла... Спи, Васенька, место тут самое красивое. Весной черемуха белая пушится, осенью клен горит, а зимой опять ель зеленая — у Гостиного двора такой не увидишь. Я хоть бы и сама не прочь там лечь...

Как только на улице потеплело, стали мы чистить печную трубу. И сразу же из дымохода выпал большой комок сажки. Хотели его выбросить, а он... взлетел. Уселся на лавку, чирикнул. Воробей! В это время возле лавки проходила кошка, она даже не взглянула на птицу-замарашку. Видно, не узнала. А воробью только того и надо было. Встряхнулся и вылетел в открытое окно.

●

У нас есть пес Пиф. Он забияка и простофиля. Сорвался как-то с привязи и убежал на улицу. Раздолье ему там! То в один двор заглянет, то в другой. А в одном из них строгая овчарка Инга. Схватила она беглеца за обрывок поводка и приволокла его к нам домой. Смешная была картина! Огромная серая овчарка тащит за поводок испуганного, упирающегося Пифа.

Из детских тетрадок

В. Астафьев ЖИЗНЬ ТРЕЗОРА

Пестрый кобель с круглыми лапами и сонной мордой врас-тяжку лежал поперек крыльца, обязательно поперек, чтобы кто ни шел — за него запнулся, и он следом прорвался бы в избу.

В жилище Трезор сразу забирался под стол, вольгот-но там растягивался; если на него ставили ноги сидя-щие, наступали на широко разбросанные лапы, он под-скакивал, бухался башкой в столешницу и дико взлаи-вал: «Э-э, товарищи, не забывайте! Я здесь!»

Ел Трезор из старой эмалированной кастрюли. Посу-да — одна на всех животных, обитающих в доме: трех кошек и его, Трезора. Засунув морду в кастрюлю, пес выбирал что помягче, повкусней. Кошки терпеливо си-дели вокруг и облизывались, не смея потревожить тра-пезу господина. Если какая из кошек совала морду в кастрюлю, Трезор изрыгал рокот — такой гневный, что кошки бросались врассыпную.

— Ну, нечистый дух! Тигра и тигра! — кричала хо-зяйка.

Трезор вопросительно глядел на нее, пытаясь понять: тигра — это хорошо или плохо?

Просыпался он и нехотя вылезал из-под стола после полудня, когда хозяйка начинала собираться в мага-зин, — работала она на телятнике и еще торговала в ма-газине. Стоял на крыльце магазина Трезор, бухал на всю округу лаем, словно в колокол бил: «Спешите! Спешите! Открыто! Открыто! Открыто!» — и меж ног покупа-телей пробирался в магазин. Если же не было таковых, лбом отворял дверь и останавливался перед прилавком в ожидании.

— Куда тебя денешь? — говорила хозяйка. — Заработал — получи! — И бросала Трезору кусочек сахара, колотый пряник либо мягкую конфету.

Скушав угощение, Трезор или засыпал возле дверцы топившейся печки, или снова выбредал на улицу, потягивался, широко, со сладким воем открывая пасть, и отправлялся заедаться на брата Мухтара.

Мухтар был мастью и статью вылитый Трезор, но характером совершенно от него отличался. Если Трезор — отпетый тунеядец, хитрован и увалень, то брат его, наоборот, был трудолюбив, особенно на охоте, строг, сердит и потому сидел на цепи. И горька же ему, вольному, стремительному, подтянутому телом, быстроногому, была такая жизнь. А тут еще братец явится и ну рычать, ну разбрасывать снег лапами, иной раз до земли докопается, весь столб обрызжет, полено в щепки изгрызет, показывая, как и что бы он сделал с Мухтаром, если бы захотел.

Мухтар на все это издевательство отвечал свирепым хрипом, рвясь с цепи, душился до полусмерти, глаза его кровенели, изо рта сочилась пена, и, случалось, рвал ошейник или цепь — и тогда бело-пестрый клубок из двух кобелей катился по заулку, разметывал сугробы, ронял поленицы, сшибал ведра, ящики — так пластали псы друг дружку, что разнять их было невозможно.

Раскатятся, разойдутся на стороны братья, облизнутся, отдышатся и снова: «Р-р-р-р, rrr-ра, rrr...»

Схватки чаще всего случались зимой, от скуки, должно быть. Надравшись до изнеможения, до полной потери сил, кобели надолго успокаивались и, если встречались, воротили друг от друга морды, издали предупредительно рыча: «Ну погоди, гад! Погоди!»

Летом Трезор совсем ни с кем не дрался. Он был совершенно поглощен заботами о сладком пропитании, которое научился вымогать у приезжих из города ребятишек, сердобольных тетенок. В то время когда брат его Мухтар плавал по реке следом за лодкой хозяина, шас-

тал по берегу, кого-то отыскивая или раскапывая, караулил, и строго караулил, нехитрое имущество рыбаков, Трезор, начиная с крайней избы, обходил деревушку. Он садился против ворот или перед открытым окном и ждал, когда ему дадут сахарку или какое другое лакомство. Если долго не давали, Трезор напоминал о себе лаем и в конце концов получал чего хотел. Неторопливо хрустя сахаром, Трезор облизывался и совал здоровенную свою лапу благодетелю либо ложился возле ворот и какое-то время «сторожил» добродетельных людей, двор их и хозяйство.

Норма его работы зависела от угощения: мало дали сахару — он и лежал под воротами недолго, а то и сразу убегал к другой избе; и так по два раза на день происходил обход и совершались поборы, при этом Трезор совершенно не замечал изб и дворов, где его не баловали подачками и когда-то прогнали, и пусть после раскаялись, пытались заманить — он деликатно уклонялся от приглашений.

Ближе к осени Трезор скучнел: городской народ разъезжался из деревушки, и каждую семью он проводил до автобусной остановки. Опустив голову, повесив хвост, плелся пес до дороги, со вздохом ложился в тени: «Что поделаешь? Отпуск есть отпуск. Но помните, люди, у вас здесь остается верный и надежный друг».

Стоило, однако, автобусу удалиться за мосток, переброшенный через речку, исчезнуть за островком ельника, как Трезор завинчивал кренделем хвост, ставил уши топориком и с бодрым лаем возвращался в деревушку: «Протурил я, протурил этих дачников! Наповадились, понимаешь. Одно от них беспокойство...»

Осенью, перед Октябрьскими праздниками, Трезор — полная всей деревушке любезности! Приближался забой скота: пир собакам, кошкам и птицам. Глянешь: возле какого-нибудь двора на тополях и черемухах осыпью вороны, сороки, галки; на колышках оград кошки окаме-

нели, будто кринки на острие надетые. На земле Трезор лежит, уронив на лапы морду, все сосредоточенно и молчаливо ждут — стало быть, в этом доме, в этом дворе забили на мясо овцу, телку или бычка.

Обдерут хозяева скотину, уберут обветриваться мясо на поветь, уйдут жарить картошку со свежатиной — вся живность придет в движение: столбятся над двором вороны, отбирая друг у дружки поживу; суетятся и трещат сороки с окровавленным кусочком кожицы или крепкой жилой в клювах; шастают со свирепо горящими глазами кошки, шипя и фыркая друг на дружку. Трезор тоже с угощением в обнимку на поляне лежит — кость-то уж ему обязательно отломится, его никто не забудет. Иной раз и поспит возле кости, отдохнув, снова брюшками передних лап ее прихватит да неторопливо, с чувством, с толком грызет, развлекается.

Как-то раз уписывал он кость, скрежеща зубами, а с тополей на него смотрели жадные вороны, время от времени мешковато переступая и переговариваясь: «Это что же такое?! Жрет и жрет! Ни стыда ни совести! Оставил бы хоть маленько...»

Вороны срывались с деревьев, планировали над Трезором, пугая его криком, пытаясь задеть когтями, — кобель и ухом не шевелил, грыз кость, белую, хрупкую, точно сахарок. И одна старая смелая ворона села прямо перед мордой Трезора, ждала, когда он забудется или задремлет. Мелкими шажками, будто по своим делам, ходила ворона возле жирующего пса, ворошила землю клювом, долбила что-то, совсем уж подкралась, изловчилась хватануть у собаки косточку — да не тут-то было! Трезор начеку, сделал такой прыжок — чуть было ворону без хвоста не оставил!

Села старая ворона на ветку тополя, смотрела на Трезора, думала, думала и додумалась до большой стратегии — каркнула, приказав семейке следовать за ней; и начали вороны вокруг пса ходить-колобродить, подлетать и даже кричать на него. Кобелю взять бы кость да

убраться подобру-поздорову под навес, так нет, он настолько обленился или таким считал себя умным и сильным, что никого и ничего не хотел признавать, и заплатился за это.

Старая ворона ходила-ходила возле песьего хвоста да ка-ак схватит его клювом, да ка-ак дернет! Пес не выдержал, вскочил и с лаем бросился на ворону. Шерсть дыбом, глаза яростно сверкают.

Ворона вроде бы испугалась, отлетела, замахала крыльями, еще шага на три отлетела, качается от страха, клюв открыла бессильно. Трезору того и надо — он дальше за вороной погнался, вот-вот ее сцапает за хвост.

В это время семейка воронья и ограбила пса, схватив кость, и, то роняя ее, то снова подхватывая, вороны несли поживу Трезора за деревню, в огороды и закаркали там, закружились, деля добычу.

Трезор слушал, слушал и вернулся к тому месту, где грыз кость, нюхал мерзлую траву на поляне, когтями царапал землю. Шерсть на нем опала, уши опустились на стороны, хвост распустился — ничего не мог понять пес: была кость — и нету! Куда девалась? А на жерди сидела мама-ворона и, дергая хвостом, орала: «Дур-ррак! Дур-ррак!»

Трезор побежал по деревне, распугивая ворон и сорок, надеясь, что где-нибудь да отломится ему кость, а где и мяса кусочек.

Прошлой зимой, глухой, метельной, длинной, Трезор и Мухтар бились особенно озверело. Мухтар почти выдрал Трезору глаз, порвал ухо, губы. Трезор прокусил у брата какой-то нерв на голове — и Мухтар быстро начал глохнуть. Сразу погас охотничий пес, распустился телом, стал ходить медленно, уши у него обвяли, хвост сделался мятый, неопрятный, с редким волосом. Старого, больного кобеля заменили новожителем — большелобым гончим щенком Дунаем, который скоро вымахал с колодезный сруб ростом и бухал лаем так, что старухи по домам с перепугу крестились.

А Мухтар исчез сам со двора: дострелил его, больного; никому не нужного, хозяин, ушел ли он сам умирать в лес — неизвестно.

Непонятное начало твориться и с Трезором. Он тоже разом постарел, закручинился, перестал принимать лакомства, гавкать, провожать хозяйку в магазин. Потом взял и совсем ушел из села верст за пять от своего дома, стал жить на скотоферме, спать на соломе, неизвестно чем питаться.

Хозяйка не раз бывала в соседнем селе, звала Трезора с собой. Он хвостом вилял извинительно, даже провожал ее за околицу, но на всполье присаживался, отставал.

— Трезор! Трезор! Пойдем, миленький! Пойдем домой!

Кобель в ответ сипло, старчески, безнадежно и горько взлаивал, словно бы говорил: «Не могу! Уйти не могу. Простите!»

Может, за тем селом, за той фермой Мухтар зарыт? Может, повернулось что в разуме Трезора? Поди узнай!

А без собаки тоскливо стало, деревушка вроде бы живую душу утратила, притихла, сделалась совсем сиrotой.

ДРЕВНЕЕ, ВЕЧНОЕ

Загулял наш конюх. Поехал в райцентр вставлять зубы и по случаю завершения такого важнейшего дела загулял. Рейсовый автобус ушел, и он остался ночевать у свояка.

Кони (их было семеро — два мерина, две кобылы и трое жеребят) долго бродили по лугу и, когда я шел от реки с удочками, вскинули головы и долго смотрели мне вслед, думая, что, может, я вернусь и загоню их, но, не дождавшись никого, сами явились в деревню, ходили от дома к дому, и я решил, что они уснут на лугах

или прижавшись к стене конюшни, нагретой солнцем со дня.

Поздней ночью я проснулся, пошел на кухню попить квасу. Что-то остановило меня, заставило глянуть в окно.

Густой-прегустой туман окутал деревню, далее которой вовсе ничего не было видно, и в этой туманной пелене темнели недвижные, как бы из камня вытесанные силуэты лошадей. Мерины и кобылы стояли, обнявшись шеями, а в середине, меж их теплых боков, опустив головы, хвосты и желтенькие, еще коротенькие гривы, стояли и спали тонконогие жеребята.

Я тихо приоткрыл окно, в створку хлынула прохлада, за поскотиной, совсем близко, бегал и крякал коростель; в ложку и за рекой Кубеной пели соловьи, и какой-то незнакомый звук, какое-то хрюканье утробное и мерное доносилось еще. Не сразу, но я догадался, что это хрипит у самого старого, надсаженного мерина в сонно распустившемся нутре.

Время от времени храп прекращался, мерин приоткрывал чуть смеженные глаза, переступал с ноги на ногу, настороженно вслушавшись — не разбудил ли кого, не потревожил ли? — еще плотнее вдавливал свой бугристо вздутый живот в табунок и, сгрудив жеребят, успокаивался, по-человечески протяжно вздыхал и снова погружался в сон.

Другие лошади, сколь я ни смотрел на них, ни разу не потревожились, не пробудились и только плотнее и плотнее жались друг к дружке, обнимались шеями, грели жеребят, зная, что раз в табуне есть старшой, он и возьмет на себя главную заботу — сторожить их, спать вполусон, следить за порядком. Коли потребуется, он и разбудит всех, поведет куда надо. А ведь давно не мужик и не муж этим кобылам старый, заезженный мерин, давно его облегчили люди и как будто избавили от надобностей природы, обрекли на уединенную, бирючью жизнь. Но вот поди ж ты, нет жеребца в табуне — и ста-

рый мерин, блюдя какой-то нам неведомый закон или зов природы, взял на себя семейные и отцовские заботы.

Все гуще и плотнее делался туман. Лошади проступали из него — которая головой, которая крупом. Домов совсем не видно стало, только купы деревьев в палисаднике, за травянистой улицей, еще темнели какое-то время, но и они скоро огрузли в серую, густую глубь ночи, в гущу туманов, веющих наутренней, прохладной и промозгой сонной сырью.

И чем ближе было утро, чем беспросветней становилось в природе от туманов, тем звонче нащелкивали соловьи. К Кубене удрал коростель, пытался перескрипеть заречного соперника, и все так же недвижно и величественно стояли спящие кони под моим окном. Пришли они сюда оттого, что я долго сидел за столом, горел у меня свет, и лошади надеялись, что оттуда, из светлой избы, непременно вспомнят о них, выйдут, запрут в уютной и покойной конюшне, да так и не дождались никого, так их тут, возле нашего палисадника, сном и смоило.

И думал я, глядя на этот маленький, по недосмотру заготовителей, точнее, любовью конюха сохраненный и все еще работающий табунок деревенских лошадей, что сколько бы машин ни перевидал, сколько бы чудес ни изведаль, вот это древняя картина: лошадь среди спящего села, недвижимые леса вокруг, мокро поникшие на лугах цветы бледной купавы, потаенной череды, мохнатого и ядовитого гравилатника, кусты, травы, доцветающие рябины, отбелевшие черемухи, отяжеленные мокром, — все это древнее, вечное для меня и во мне — нетленно.

И первый раз по-настоящему жалко сделалось тех, кто уже не просто не увидит, но даже знать не будет о том, что такое спящий деревенский мир, спящие среди села смирные, терпеливые, самые добрые к человеку жи-

вотные, простившие ему все, даже живодерни, и не утратившие доверия к этому земному покою.

А кругом туман, густой белый туман, и единственный громкий звук в нем — криканье коростеля, но к утру устал и он, набегался, умолк. Вышарил, наверное, в траве подружку, затаился с нею в мокрых, бело цветущих морковниках. И только соловьи шелкали все азартней и звонче, не признавая позднего часа, наполняя ночную тишину вечной песней любви и жизни.

И ПРАХОМ СВОИМ

В густом, тонкоствольном осиннике я увидел серый, в два обхвата пень. Пень этот сторожили выводки опять с рябоватыми шершавыми шляпками. На срезе пня мягкою шапкой лежал линялый мох, украшенный тремя или четырьмя кисточками брусники. И здесь же ютились хиленькие всходы елочек. У них было всего по две-три лапки и мелкая, но очень колючая хвоя. А на кончиках лапок все-таки поблескивали росинки смолы и виднелись пупырышки завязей будущих лапок. Однако завязи были так малы и сами елочки так слабосильны, что им уж и не справиться было с трудной борьбой за жизнь и продолжать рост.

Тот, кто не растет, умирает — таков закон жизни. Этим елочкам предстояло умереть, едва-едва народившись. Здесь можно было прорасти, но нельзя выжить.

Я сел возле пня покурить и заметил, что одна из елочек заметно отличается от остальных. Она стояла бодро и осанисто посреди пня. В заметно потемневшей хвое, в тоненьком смолистом стволике, в бойко взъерошенной верхинке чувствовались какая-то уверенность и даже вроде бы вызов.

Я запустил пальцы под волглую шапку мха, приподнял ее и улыбнулся: «Вон оно в чем дело!»

Эта елочка ловко устроилась на пеньке. Она веером

развернула липкие ниточки корешков, а главный корешок белым шильцем впился в середину пня. Мелкие корешки сосали влагу из мха, и потому он был такой липнялый, а корешок центральной ввинчивался в пень, добывая пропитание.

Елочка долго и трудно будет сверлить пень корешком, пока доберется до земли. Еще несколько лет она будет в деревянной рубашке пня, расти из самого сердца того, кто, возможно, был ее родителем и кто даже после смерти своей хранил и вскармливал дитя.

И когда от пня останется одна лишь труха и сотрутся следы его на земле, там, в глубине, еще долго будут преть корни родительницы-ели, отдавая молодому деревцу последние соки, сберегая для него капельки влаги, упавшие с травинки и листьев земляники, согревая его в стужу остатным теплым дыханием прошедшей жизни.

Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, а они не покидают, да и никогда, наверное, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, а ведь были среди них ребята, которые не успели еще и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поесть,— я думаю о елочке, которая растет в лесу на пне.

Пришел я как-то на луг, а там уже утка с утятами гуляет. И вдруг откуда ни возьмись в небе появился коршун. Утка насторожилась, заволновалась и крикнула что-то утятам. Те сразу же бросились к моим ногам. Коршун покружил надо мной и улетел. Наверное, понял, что со мной лучше не связываться: все равно утят я ему не отдам. Подождал я, когда коршун совсем скрылся за лесом, и пошел своей дорогой. Утка громко крикнула мне вдогонку. «Спасибо», наверно, сказала.

В деревне у моей бабушки живет красавец петух Петька. Он очень надменный и терпеть не может соседских петухов. Поэтому, когда во двор пробрался петушок Кроша, Петька, растопырив крылья, приготовился броситься на него. Но тут случилось вот что: с улицы вбежал пес Рекс. Куры его побаивались и разлетелись в разные стороны. А за ними, позабыв о своей гордости и надменности, припустил и Петька. Остался один Кроша, совсем небольшой петушок. Он вскочил на Рекса и клюнул его возле уха. Пес пустился наутек. Во дворе вновь появились куры и стали с интересом поглядывать на Крошу. Петьки среди них почему-то не было.

Из детских тетрадок

В. Белов
РАССКАЗЫ О ВСЯКОЙ
ЖИВНОСТИ*

Федя живет в большом деревенском доме вдвоем с женой. Зовут жену Еленой, а он почему-то все время величает Егоровной. Хотя Егоровне все-

го сорок лет и она даже не помышляет о пенсии — работает дояркой. Федя же возит почту. Детей у них нет.

Каждое утро он выносит на крыльцо седло и почтовую сумку, затем идет за лошадью и седлает. Потом долго пьет чай. Только после всего этого едет в центр, как он называет деревню, в которой почтовое отделение.

Федя очень любит животных. Кого только нет в до-

* Публикуется в сокращении.

ме! Две кошки живут в комнатах, и обе весьма чисто-плотны. В большом хлеву обычно помещается корова Поляна и теленок. Две гусыни и гусь ночуют в загородке между хлевами, пять кур и один петух живут зимой в хлеву, а летом на верхнем сарае. Держат Федя с Еленой еще поросенка, правда, не каждый год, и всегда называют его одинаково: Кузей. Но самый умный среди всей этой многочисленной живности — это, конечно же, пес Валдай.

Так вот, Федя ежедневно ездит через лес за семь километров, чтобы привезти в эти края письма, газеты и переводы. Для этого колхоз выделил ему коня по кличке Верный. Федя сам ухаживает за ним. Не ставить же из-за одного Верного специального конюха?

В деревне когда-то была конюшня на сто двадцать лошадей. Теперь половина конюшни развалилась. Вторую еще не разрушенную половину занимал один Верный. Скучно жить одному во всей конюшне, особенно зимой, когда такой собачий холод да еще почти без еды! Сена Верному, как и другим лошадям, которые стоят на центральной усадьбе, из-за плохого сенокоса нынче выделили мало. В зимнем рационе всего пять кило в сутки. Овса же, так обожяемого всеми лошадьми, нет и в помине. Но что значит пять кило сена для такого большого коня?

Обо всем этом я узнал, заехав сюда случайно. С Федей мы познакомились, как он говорит, «на базе рыбной ловли». База эта была главной, но, разумеется, не единственной. Я ночевал у Феде и зажил на несколько дней. А потом довольно часто приезжал в эти края.

ОДНАЖДЫ ВЕСНОЙ

В понедельник у Верного был выходной. В этот день почтовое отделение не работало. Сена в кормушке нет. Верный погрыз доску в стойле и подошел к окошку.

Он даже пошатывался от голода. Окошко в конюшне длинное и узенькое. Вчера Федя выставил раму, говоря:

— Сена нет, так пусть хоть на свежем воздухе...

Верный повернул голову и просунул ее на улицу.

А на улице — весна, снегу как не бывало. Но ведь и травы тоже нет! Верный шумно вздохнул и поглядел вдоль деревни. Ребята бежали в школу и вдруг видят: из окна конюшни торчит большая лошадиная голова. «Верный! Верный!» — закричали. Конь наострил уши. Ребята подошли ближе и по очереди стали дотягиваться, чтобы погладить. Верный тихо заржал и начал шлепать большой мягкой губой.

— Наверно, есть хочет! — сказал один из мальчиков, доставая из портфеля кусок воложного * пирога. Он предложил пирог коню. Верный неторопливо, но жадно сжевал этот кусок. Потом съел второй кусок, третий, четвертый. Ребята скормили ему все свои школьные завтраки, припасенные дома.

— Ленька, а ты чего? Давай, нечего жадничать.

Совсем маленький мальчик насупился и чуть не заплакал.

— У меня только яйцо, — сказал он и тихо добавил: — И две конфеты...

— Ну и что?

Ленька открыл полевую, видимо еще отцовскую, сумку. Яйцо, сваренное вкрутую, быстро очистили. Верный съел и яйцо. Правда, раскрошил половину. Конфет было, конечно, жалко. Но все равно распечатали. Верный съел и конфеты. Больше ни у кого не было ничего съестного. Ребята побежали. Школа была далеко, в другой деревне. Они боялись, что опоздают. Верный долго смотрел им вслед.

Так он научился есть конфеты и яйца. Особенно по-

* В о л о ж н ы й — маслянистый.

везло Верному через неделю, Первого мая, когда ребята получили в школе подарки.

А тут скоро и травка пошла, свежая и такая зеленая. Не чета соломе! И Верный понемногу стал опять поправляться.

КУРЬЕР

Федя возил почту третий год. Зимой в санях, летом в седле. Слева к седлу он приторачивал почтовую сумку с письмами и газетами, справа обычно торчала какая-нибудь посылка. Что говорить, не очень-то надежный был почтальон! Иногда он отдавал письмо соседу, сосед передавал другому соседу. И письмо долго ходило по рукам, попадая, куда нужно, месяца через два. Не зря дедко Остахов, который жил на отшибе в конце деревни, называл Федю «курьером».

Зато газеты и переводы Федя развозил очень тщательно. Верный сам знал, когда к какому дому нужно сворачивать. Федя, не слезая с седла, совал газету в скобу ворот и ехал дальше. Он частенько боялся слезать, потому что залезть обратно в седло иногда просто не мог. В седле же он сидел в такие дни очень прочно. Федя рассказывал: «Один раз ехал да кепку с головы обронил. Ох, думаю, не буду слезать, завтра все равно обратно поеду. На другой день гляжу, кепочка-то лежит. Никуда не девалась».

Все же однажды Верный притопал домой без почтальона. Сумка, притороченная к седлу, держалась крепко, и Верный на всем пути во всех деревнях ни разу не ошибся. Он по очереди подходил ко всем домам, где выписывали газеты. Люди, которые были дома, выходили и брали из сумки нужную им газету. Верный зашел даже к дедку Остахову, который выписывал «Сельскую жизнь». Конь встал у крылечка и простоял ровно столько, сколько стоял всегда. Однако дедко Остахов не посмел без спросу взять из сумки газету. Верный по-

стоял у крыльца и пошел дальше, а дедко глядел и качал головой, глядел и качал:

— До чего наука дошла!

Федя пришел домой только через два дня. С почталонов его сразу сняли и поставили в кладовщики. На Верном же стали возить с фермы навоз, но все равно еще долго называли курьером.

ВЕРНЫЙ И МАЛЬКА

Малька — это такая злющая собачонка, что хуже уже некуда. Сама маленькая, ножки что спички и очень кривые, а злости больше, чем у тигра. Она жила у одинокой пенсионерки Лидии. Бывало, к Лидии никто не ходит гулять, даже по праздникам. Собачка всегда облает гостя, а то еще и за ногу тяпнет. Прямо до крови. Лидия уже говорит с посетителем, уже, кажется, ясно, что злиться нельзя, а Малька все рычит и рычит из-под лавки. Откуда столько злости бралось?

Однажды я наблюдал за Верным. Он усердно щипал траву и никому не мешал. Потом лег и начал кататься по земле, дрыгая своими большими ногами. Копыта так и мелькали в воздухе. Видимо, он линял и спина сильно чесалась — с таким удовольствием катался мерин по травке. И вдруг ни с того ни с сего — Малька. С яростным, переходящим на визг лаем она бросилась на Верного. Верный вскочил на все свои четыре копыта. Он широко расставил передние ноги, наклонил голову и недоуменно замер. Что, мол, такое? Откуда столько шуму? А Малька нагнела все больше и больше. Она подскакивала к морде коня и готова была вцепиться.

Верный терпел, терпел да как фыркнет! Малька даже отлетела в сторону. Верный бросился за ней, она от него.

С того дня ему не стало от Мальки житья. Раньше Верный ходил пить воду когда захочется. Теперь стало

совсем не то. Дорога на речку шла мимо дома Лидии. Малька каждый раз бросалась и лаяла на него, но всегда держалась на безопасном расстоянии. Верный наверняка ее не боялся, но кому же приятно слушать залиvistый лай и полусумасшедший визг? И мерин бежал под горку к воде от греха подальше. Малька принимала это за доказательство своей силы, она злобно преследовала его до середины спуска. Затем возвращалась к своему исходному рубежу и стихала. Верный, как мне казалось, без всякого аппетита пил воду и возвращался наверх, в деревню. А Малька опять яростно налетала на мерина.

Неизвестно, чем кончилось бы все это безобразие, если б дорога не просохла и через деревню не стали ходить машины. Малька неожиданно отступилась от Верного и начала с еще большей яростью преследовать автомобили. Особенно не любила она велосипеды и «газики».

МАЛЬКА ПРОВИНИЛАСЬ

Как-то зимой, по снегу, я пошел к Лидии за молоком и услышал, как в доме ругалась хозяйка. «Что такое? — подумалось мне. — Кого это Лидия так честит?»

— Кривоногая! Шельма! — слышался за дверью голос Лидии. — Чего уши-то выставила? Ох, блудня! Ну, погоди! Не стыдно тебе в глаза-то глядеть, батявке? Не стыдно?

Я вошел в комнату. Лидия поздоровалась со мной и продолжала ругаться:

— Ремень-то бы взять да и нахлестать! Либо совсем на волю выставить, бессовестную!

Оказывается, Лидия ругала Мальку. За то, что та принесла двух щенят. Малька с недоумением глядела в глаза хозяйке, виновато мотала хвостом и не понимала, за что ее так ругают. Я поглядел под лавку: там в старой шапке-ушанке беспомощно барахтались два

крохотных кутенка. Малька едва не вцепилась мне в нос.

— Сиди! — осадил ее Лидия. — Сиди, никто не возьмет твоих шаромыжников! Кому-то нужны...

Лидия ругала Мальку два дня, а на третий сказала:

— Ладно, пускай живут.

Потом я слышал, что одного щененка забрал тракторист, который часто проезжал через деревню. Второго Лидия отнесла за реку в соседнюю деревню, а взамен принесла рыжего молодого кота. Не знаю уж, как отнеслась ко всему этому Малька, наверно, не очень-то ей было приятно. Лидия, во всяком случае, была довольна.

Деревня, где я жил, размещалась на горке, и на другой стороне засыпанной снегом речки, тоже на горке, стоит другая, соседняя деревня. Летом через речку ходили по лаве. Лава — это два стесанных бревна, перекинутых с одного берега на другой. Тропка на ту сторону оставалась прежняя, люди и зимой ходили по лаве, хотя можно было и по льду, напрямик. Я каждый день катался тут на лыжах. Однажды смотрю, по тропке из соседней заречной деревни бежит Малька. Одиношенька. Бежит домой деловито, ни на что не оглядывается. Кривые ножки так и мелькают на белом снегу. На следующий день опять. Я удивился: куда это она бежит? Да еще каждый день и всегда в одно и то же время. Спросил у Лидии:

— Куда это Малька каждый день бежит?

— Да кормить! — весело пояснила Лидия. — Изю дня в день так и бежит, ничем не остановить. Уж я ее и в избе запираю, все впустую. Только отвернешься — готово дело. Была да нет, побежала кормить свое дитяtko.

Вот так, думаю, Малька! Какая верная оказалась мамаша. Каждый день за два километра в чужую деревню, несмотря ни на какие опасности, бежит кормить своего сына. Не каждая так может.

Так Малька и бегала ежедневно в ту деревню. Она ни разу не забыла свою обязанность. Между тем со всех сторон наступала весна. Снег таял, и речка сначала потемнела, потом разлилась. Малька все бегала по лаве на ту сторону. Теперь если и захочешь не по лаве, то не переберешься на тот берег.

Как-то утром я пошел за водой, смотрю, за ночь река разлилась, вода подступила к баням. Широкое водное плесо заполнило всю низину. Федя уже ездил на лодке, приглядывая места, где можно поставить верши. Весело свистели прилетевшие ночью долговязые кулики. Постой, а где же лава? Я взглянул на то место, где обрывалась тропка, и обомлел. Бревен-то не было. Ночью их подняло водой и унесло. Все. Связь с тем берегом оборвалась, подумалось мне, проехать можно только на Фединой лодке. А как же Малька?

Малька была легка на помине. Я видел, как она подбежала к воде, сунулась туда-сюда. Везде одна вода и лав не было. Малька ступила в воду и вдруг поплыла. Такая маленькая беспомощная собачка не испугалась широкой быстрой реки и холодной воды! Я с волнением глядел, что будет дальше. А что дальше? Малька, видимо, из всех сил плыла наперерез струям, но ее несло все быстрее. Сил у нее было немного, а течение сильное, и вот ее несло по реке. Когда Мальку проносило мимо меня, я бросил ей какую-то дощечку. Но все напрасно. Малька стремилась на тот берег. Я видел, как она, выбиваясь из сил, с головой окунулась в воду. И закричал Феде, чтобы он выловил Мальку. Федя и сам видел, к чему идет дело. Он поставил лодку поперек течения и подправил ее веслом, чтобы поймать собачонку.

— Ой, дура, куда сунулась,— приговаривал он.— Ну, матушка, давай, давай сюда!

Он бросил весло в лодку и рукой выхватил Мальку

из ледяной воды. Наверное, еще немного бы, и она захлебнулась, потому что была еле жива.

— Матушка! — говаривал ее Федя. — Да разве дело? Его, дурака, еще и кормить! Ведь большой уж, обормот, а ты все бегаешь.

Федя причалил к берегу и выпустил дрожащую от холода и ставшую совсем крохотной Мальку.

— Беги, беги домой! — сказал он и обернулся ко мне: — Что значит животное.

И мы оба подивились Малькиной материнской верности.

ТУНЕЯДЕЦ

Я занялся тетеревиной охотой и долго не видел Мальку. Каково же было мое удивление, когда однажды я зашел к Лидии и увидел очень странную и неожиданную картину! Крохотная тщедушная Малька лежала на полу на тряпичной подстилке и кормила большого рыжего кота. Она даже зарычала на меня, дескать, ходят тут всякие. А кот даже не пошевелился. Сосал и жмурился от удовольствия. Она была меньше кота примерно раза в полтора. И вот кормила своим молоком этого рыжего верзилу и увальня. Я зашел с другой стороны — точно! Не было никакой ошибки. Рыжий даже причмокивал. Малька покормила его и вспрыгнула на свои тоненькие кривые ножки. А он даже не повернулся на другой бок и уснул.

«Ну, лежебока! — мысленно возмущался я. — Тунейдец несчастный!» Я даже возненавидел этого кота, хотел ногой разбудить лентяя, но тут в избу вошла Лидия.

— Он что, давно так? — спросил я.

— Да сразу. Худой был, сухой, а теперь вон лощеный какой. Уж я его и ругала и колотила. Привык, видно.

Ничего себе, привык! У Мальки еле-еле душа в теле, а он привык. Так-то и дурак может...

Я ничего больше не сказал и ушел, злой на кота. И совсем не зря, потому что этот кот, как позже выяснилось, и впрямь получился совсем непутевый. Никакое воспитание на него уже не действовало, как говорится, что смолоду не вколочено, под старость не наверстать. Но я вернусь к нему после, а пока расскажу про других собак, живущих в деревне.

ВАЛДАЙ

Федин Валдай — громадный пес, не чета Лидиной Мальке. Темно-серый, с патлатою сединой на ляжках. Лает Валдай совсем редко, лишь в самых крайних случаях. Как это ни удивительно, Федя при всей его любви к животным весьма редко кормит собаку. Валдай почти всегда голоден. Обстоятельство это ничуть не мешает величайшей собачьей преданности своему хозяину, а также их обоюдной любви. Отношения такие сложились между ними давно, прочно, и не мне было их менять. Но уж так получилось, что однажды я стал виновником ссоры, возникшей между Валдаем и Федей.

Обычно голодный Валдай часами лежал на пригорке около дороги напротив Фединога дома. Он гордо и независимо поглядывал на проходившие по дороге машины и тракторы, зевал, потом клал голову на вытянутые передние лапы и спал.

Я часто наблюдал за ним из окна. Вот он встал, сладко потянулся, поглядел в одну сторону улицы, в другую. Нигде никого, только поют петухи. Валдай подошел к дому напротив. У крыльца висел умывальник. Валдай подошел и, нюхая, ткнул носом в шишечку умывальника. Полилось. Валдаю обрызгало нос, он фыркнул и сконфуженно отошел. Мне стало смешно. В благодарность за это я выкинул в окошко полпряника. Валдай съел и поглядел на меня, дожидаясь чего-нибудь еще. Я бросил ему корку черного хлеба, он обнюхал ее и отошел

недовольный: дескать, чего ты меня угощаешь такой ерундой?

Так я приучил его сидеть под окном и ждать угощения. Федя, съездив за почтой, частенько заходил к моим хозяевам побеседовать, оставляя пса за дверями. Валдай скулил и просился к нам.

Однажды я пропустил пса в комнату и дал ему кружок колбасы. Валдай сглотнул колбасу одним махом и вильнул хвостом, прося еще.

— А ну марш из помещения! — закричал Федя. — Крохобор.

И вдруг пес сверкнул белками глаз и зарычал, да с такой злостью, что даже Федя опешил.

— Ишь, не пондравилось. Пшел! Кому говорят!

Пес, может быть впервые, не послушался, и жестокий пинок отбросил Валдаю к дверям. Неизвестно, что было бы дальше, если б я не остановил Федю...

Валдай с неделю сердился на него, даже не хотел ночевать в доме. Но потом они опять помирились.

Иногда Федя ходил в лес, на озеро. Он выносил из сеней весло и корзину для рыбы, и тут Валдай вскакивал со своего пригорка, начинал радостно визжать и прыгать вокруг Феде.

— Валдай? В лес! В лес!

Пес прыгал еще выше, стараясь лизнуть Федю в щеку. Так был рад. Он устремлялся в поле, возвращался, визжал и прыгал, бежал опять. Так любил ходить в лес, что весь менялся, вся сонная лень одним махом слетала с него. В такие дни он сразу становился веселым, стремительным и шумным.

ВАЛДАЙ И ВАЛЕТКО

Третий собачий персонаж в деревне был маленький веселый Валетко. Песик этот, непонятно какой породы и масти, состоял на содержании у дедка Остахова. На-

до сразу сказать, что Федя с дедком жил в «контрах», как он сам выражался. Они хоть здоровались, но за глаза постоянно клеймили друг дружку. Началось это давно из-за какого-то пустяка, позднее вражда разрослась, укрепилась. И длится уже несколько лет. Вероятно, им и самим все это давно надоело, каждому втайне хотелось помириться. Но все что-то мешало.

Когда у дедка Остахова объявился Валетко, Федя сказал:

— Волкодав! Такого не прокормить. Загрызет всю деревню.

И в тот же день начал натравливать Валдай на остаховского песика. Но, ко всеобщему удивлению, Валдай не стал в тот день трепать маленького Валетка. А после, не в пример своим хозяевам, два этих пса даже подружились, и Федя не стал мешать этому.

Бывало, Валдай лежит на лужке, а Валетко до того на него долает, что, кажется, и у человека терпение бы лопнуло. Хулиганистый Валетко так разойдется, так осмелеет, что даже дернет Валдай за ухо. Если получалось небожно, то Валдай стряхнет шалуна, и все. Если же Валетко хватал больно, то Валдай оскалит большие желтые клыки:

— Р-р-р-р!

Схватит Валетка за загривок и тряхнет раза два-три посильнее. Валетко сразу приходил в чувство и переставал безобразничать. Но спустя какое-то время опять начинал хулиганить, и опять Валдай терпеливо сносил нахальство.

Однажды по деревне бежал громадный незнакомый пес — больше Валдай. Валетко по своей глупости залаял и начал наскакивать на него. Валдай молча лежал на своем пригорке. Чужой пес грозно рявкнул, схватил Валетку и начал его рвать. Поднялся храп и страшный визг. Наверное, пес растерзал бы Валетку в одну минуту, если бы не подмога. Валдай стремительно вскинулся

с пригорка и бросился на чужака. Освобожденный из пасти Валетко, изрядно искусанный, откатился в сторону, а пес и Валдай сцепились между собой. Драка была дикая и страшная. Чужой пес был сильнее Валдая. Но недаром говорится, что дома помогают и стены. Валдай взял верх и долго преследовал чужака. После этого чужой пес уже никогда не показывался на улице, он стороной обходил нашу деревню. Дедко Остахов после этого случая запыхивал к Феде смотреть телевизор. Один раз принес пол-литровую банку меда от своих ульев. Федя не отпустил дедка домой, пока не всучил ему пол-решета свежей сороги.

ВАЛДАЙ И КУЗЯ

Я уже говорил, что почти ежегодно Федя покупал на колхозной свиноферме поросенка и всякий раз называл его одинаково: Кузя. Животное долго содержалось в хлеву, но ведь надо ж когда-то и на улицу, пусть ты и Кузя! И вот этот момент был всегда весьма интересным.

В этот раз очередной Кузя был уже довольно большой. Федя на руках вынес его на улицу. Чистый, вымытый Кузя взглянул на белый свет и от восторга припустил вдоль деревни. Федя воротил его обратно. Кузя порыл пятачком дерн и припустил в другую сторону. У Феде хватило терпения еще раз приправить Кузю к дому. Валдай лежал на пригорке и спокойно наблюдал за всем этим.

Под горкой, недалеко от Федино дома, был скотный двор. Жидкий коровий навоз всю зиму и весну возили прямо на лужок недалеко от двора. К весне получалась большая и жидкая навозная лепеха. Сверху от ветра и солнышка она покрывалась коркой. И вот тут и получился у Феде конфликт с Кузей. Стоило Феде увернуться за угол, как Кузя со всех ног опять бросился на простор. Поросенок галопом достиг навозных пре-

делов... и на ходу, нежно, одним боком привалился к навозной гуще. Затем побежал дальше.

Надо было видеть, что тут поднялось!

Федя, нецензурно выражаясь, бросился за поросенком. Кузя отбежал еще дальше.

— Ну, погоди! — кричал Федя. — Дай только до Октябрьской дожить, спалю гада живьем!

Видя, что все равно не догнать, Федя решил воздействовать на животное лаской:

— Кузя, Кузя, Кузя! Беги, батюшко, сюда, Кузя, Кузя!

Поросенок остановился и с таким же восторгом повернул обратно домой. Один бок у него был чистый, белоснежный, другой, черный от навоза, лоснился, как вороново крыло. Такой цветовой контраст вверг Федю в злое отчаяние, он уже принес палку, чтобы отхлестать Кузю, но поросенок, словно догадываясь, припустил вдоль деревни.

С трудом удалось Феде поймать животное. Он схватил Кузю за ногу и волоком потащил на речку. Мыть. Кузя верещал. Федя вымыл его, на руках принес домой и закрыл в хлеву.

Так неудачно закончилась первая Кузина прогулка.

Федя продержал его в помещении несколько дней, куда не пускал. Наконец выпустил вновь, и опять Кузя устроил все точь-в-точь так, как и раньше! Опять чистенький, белоснежный, бросился он к навозной гуще и залез в нее теперь уже весь, по уши.

Не буду описывать, что творил после этого Федя. Несколько раз он вытаскивал Кузю из навозной гущи, лупил его палкой и отмывал в речке. Но через полчаса вымытый поросенок снова был похож на арапа.

Федя был в полном отчаянии. Ему надоело мыть поросенка. Через несколько дней он махнул на Кузю рукой:

— Только бы до Октябрьской дожить!

В тот же день Федя выпустил Кузю на улицу и тут же исчез, чтобы не расстраивать больше нервы. Валдай лежал, как всегда, на пригорке. Я видел из своего окна, как поросенок припустил было вдоль деревни, но вдруг Валдай с лаем бросился за Кузей. Кузя повернул к дому, Валдай опять улегся на свой пригорок. Но Кузе, видимо, не терпелось вновь испробовать навозную ванну, он порыл пятачком дерн и припустил в другую сторону, напрямик к скотному двору. Что такое? Я не поверил своим глазам. Ай да Валдай! Пес быстро обогнал поросенка, с лаем встал на пути. И Кузе волей-неволей пришлось повернуть.

С тех пор Федя мог спокойно выпускать Кузю на улицу. Валдай хорошо освоил то, что от него требуется, он тщательно следил за поведением Кузи.

Федя принял все это как должное и ничем не поощрил умного пса. Впрочем, Валдай, вероятно, и не ждал благодарности. Для всех все это оказалось в порядке вещей.

ВАЛДАЙ В КЛУБЕ И ДОМА

Клуб размещался не в нашей деревне, но дедко Остатов ходил туда регулярно. Смотрел почти все кинофильмы, не пропускал никакие мероприятия. Остатовский Валетко ни на шаг не отставал от хозяина. Дедко в магазин — и Валетко в магазин, дедко в клуб — и Валетко туда. Но так поступал не один Валетко.

Бывало, перед началом сеанса в зрительном зале набиралось полно собачонок. Из разных мест. Их не пускают, но они все равно проскочат. Только выгонит заведующая непрошенных зрителей, они снова набираются под шумок. Укладываются у хозяйских ног, и никак их не выгонишь. Кто-то из шутников пустил однажды такой слух: с завтрашнего-де числа хозяевам собачонок придется покупать по два билета: один взрослый, на себя, другой детский, на собачонку. Некоторые женщи-

ны поверили этому вздорному слуху и стали оставлять собачонку дома. Но ненадолго. Вскоре все снова стало по-прежнему.

Каких только смешных случаев не было с собаками во время демонстраций фильмов! То завоюет иная, то завоюет не к месту. То раздерутся. Однажды жена Феди, Егоровна, пришла смотреть кино «Зигзаг удачи». Это была комедия, как говорилось в афише. Вместе с Егоровной в зал явился и Валдай. Я тоже сдуру приперся смотреть этот зигзаг. Уже с первых кадров навалилась тоска. Но уходить одному было неудобно, и я наблюдал в темноте за Валдаем. Он посмотрел минуты две на экран и улегся около сцены. Полежал на боку. Опять встал, подошел ко мне, положил на колени большую голову. В зале была тишина, на экране тоже образовалась какая-то пауза. И вдруг Валдай так глубоко, так шумно и тяжело вздохнул, что многие оглянулись. Потом Валдай подошел к двери, встал на задние лапы, а передними оперся на дверь. Дверь открылась. Валдай не спеша вышел из зала в коридор, затем на улицу. Радуюсь случаю, я вышел за ним следом и свистом предложил ему идти домой. Но Валдай не пошел. Он улегся на деревянном клубном крыльце и стал ждать Егоровну, которая вместе с дедом Остаховым и Валетком досматривала «Зигзаг удачи»...

Если Валдай как бы игнорировал кино, то телепередачи он просто презирал. Может быть, потому, что, купив телевизор, Федя стал меньше уделять ему внимания, и пес ревновал хозяина к этой страшной машине. По вечерам, за самоваром, Федя с Егоровной включали телевизор. Кошка Муська лежала на белоснежном покрывале кровати и глядела на экран. Она любила смотреть передачи. Но Валдай, как только включали телевизор, сразу прижимал уши, вставал и, поглядев на Федю, шел к двери. Это значило, что он желает уйти. Особенно раздражала Валдая эстрадная музыка.

Федя же почему-то сразу невзлюбил всех дирижеров:

— Этот дурак с тоненьким-то батожком... чего машет здря, долгие полы?

Но песни и пляски Федя любил, еще любил, когда кто-нибудь приезжал или уезжал. Программу «Время» он смотрел от корки до корки. Кошка Муська тоже. В противоположность псу она внимательно следила за тем, что происходило на экране, и иногда до того возбуждалась, что даже садилась на покрывале. В чем дело? Я всегда удивлялся такому разному поведению животных, такому удивительно непохожему их восприятию телевизора.

ПОЗОРНЫЙ СЛУЧАЙ

Кого мог бояться Валдай, ежели он иногда даже на Федю рычал? Мое уважение к этому псу росло с каждым приездом в эту деревню. Валдай ни перед кем не лебезил и не заискивал, как Валетко. Ни на кого не кидался зря, не драл горло, как Лидиина Малька. Он просто уважал себя и других и никого не боялся.

Но все же однажды он испортил свою репутацию. Причем не только в моих глазах, но и в глазах всех деревенских ребяташек. Он проявил самую обыкновенную трусость, я был свидетелем этого позорного случая.

Я сидел у Остаховых и смотрел в открытое окошко, дожидаясь дедка. Серая опрятная кошечка, пристроившись на том же окне, неторопливо умылась и тоже начала наблюдать. Как раз по деревне бежал Валдай. Ничего не подозревая, я подозревал его поближе, он подбежал. Умильная кошечка зашипела, будто проколотая шина, выгнулась. Валдай добродушно глядел на нас. Кошка прыгнула из окна на крышу крылечка. Потом на изгородь. Валдай дважды несильно тявкнул, мол, в чем дело? Кошка шипела. Ее хвост распушился и стал толстым, шерсть поднялась на загривке. И вдруг недолго думая она бросилась сверху на Валдая. Он отскочил,

она ринулась на него, норовя вцепиться в глаза. Они с рычанием и визгом сцепились в клубок. «Ну кошке сейчас капут! — подумалось мне. — Разорвет...» Человек пять мальчишек восторженно наблюдали за дракой с улицы. Наконец кошка сиганула опять на изгородь, затем на крышу крыльца и зашипела оттуда. Разозленный Валдай лаял на нее снизу. Откуда столько ненависти у этой кошки к Валдаю? Поединок только начался. Валдай лаял, она шипела и выгибалась. Потом как сиганет на него, как зарычит! Я опомниться не успел: Валдай бросился от нее наутек... Она преследовала его, эта маленькая кошконка. И такого верзилу! Она прыгала за ним молниеносно, стремительно, а Валдай улепетывал от нее, к восторгу ребят. Такого еще никто не видел...

К счастью, дружеские отношения между Федей и дедком Остаховым уже настолько окрепли, что этот случай не нарушил добрососедства. Федя впоследствии выругал свою собаку и похвалил кошку дедка Остахова. Дедко, наоборот, отчитал свою кошку и похвалил Фединого пса. Тем и кончилось. Представляете, что было бы, если бы случилось наоборот: то есть если бы дедко заступился за свою кошку, а Федя за своего пса? Наверное, соседи бы поссорились тогда на вечные веки. И все бы из-за меня: ведь это я присвистнул Валдаю, когда сидел в избе у Остаховых.

КОТ РЫЖКО

С котами и кошками в деревне всяких случаев тоже было немало. Очень интересны эти животные и даже какие-то странные. (Вообще я считаю, что самые умные, прирученные человеком животные — это собаки и лошади, а самые глупые — овечки и курицы.)

Расскажу теперь про кота, когорый так нахально, не имея на это никаких прав, сосал Малькино молоко. Лидия покаялась десять раз, что принесла его жить к себе домой. Почему? Во-первых, дома он жил совсем ред-

ко, все время где-то шатался. Во-вторых, если и жил, то безобразничал. Кто, например, научил его таскать цыплят? Вместо того чтобы ловить мышей, он ловил цыплят. И все это до глубины души возмущало всю деревню. Женщины ругали его шпаной и прохвостом, ребятишки кидали камнями, а Федя много раз просил у меня ружье, чтобы кота застрелить. Я не давал под разными предлогами. Не очень-то я верил тому, что говорят про кота, пока сам не убедился в правоте этих рассказов.

Как-то я наблюдал за одной синичкой. Смотрю, кот притаился в траве и ждет удобный момент. Ничего не скажешь, красив! Он был яркий, как огонь, очень рыжий, даже оранжевый, с белым брюшком. Синичка слетела на крыльцо и запрыгала, поминутно дрыгая хвостиком. Рыжий крался к ней. Вытянув шею, он бесшумно передвигался по траве. Иногда, чтобы переступить, долго держал в воздухе лапу — так был осторожен. Синичка, ничего не подозревая, поскакивала на ступеньке, а мне так и хотелось ее спугнуть. Но неужели, думаю, она такая дурочка? Когда между нею и котом оставалось метра два и когда Рыжий напрягся для прыжка, я бросил в синичку кепкой. Она улетела, я подошел к коту. Он не прыгнул, не удрал. Он зажмурился и с прижатыми ушами замер в траве. Очень может быть, что он притворился мертвым или просто в отчаянии ждал очередную порку. Он не открыл глаз, когда я взял его за шиворот. Не пошевелился, так и висел в воздухе с прижатыми ушами. Я положил его на землю, плюнул и отошел. Только тогда он сиганул за угол.

Синицу или воробья изловить не так-то и просто. Может быть, поэтому он и стал воровать у наседок беспомощных глупых цыплят, навлекая на себя всеобщее возмущение.

После случая с синицей я долго кота не видел. Однажды я ходил в лес, километра за три от деревни. Присел на пенек отдохнуть и вдруг в густых кустах можжевельника, росшего на полянах, мелькнуло

что-то оранжевое, яркое. «Лиса! — сразу сообразил я. — Мышек, что ли, ловит? Или птичек?» Я затаился, смотрю — опять кто-то ярко-оранжевый подскочил в воздухе и исчез. Нет, это надо же! Вместо лисы оказался Лидин кот. Но что он делал в лесу, так далеко от деревни? И где же он тут ночует?

— Кис, кис,— позвал я.— Иди сюда, Рыжко!

Кот долго не показывался из кустов. Потом все же вышел, поглядел на меня, подошел и начал... мурлыкать. Мурлыкать и тереться о мое голенище. Я дал ему головку от окуня, запеченного в пироге. Он неторопливо съел. Когда я позвал его домой, он охотно побежал следом за мной.

— Хватит шататься,— на ходу рассуждал я.— Домой пойдем, ночевать надо дома. Чего тебе в лесу ночевать?

Оглянувшись, я увидел, что кота не было. Обманул. А может, просто удрал, не желая возвращаться в деревню, где так много нагрешил и набезобразничал.

ПРО НАСЕДКУ

Федя был прогрессист, хоть и не любил дирижеров. Он быстро воспринимал и внедрял у себя в хозяйстве все новое и передовое, как пишут в районных газетах, которые одно время возил вместе с письмами и посылками. Что, например? Например, он недавно провел в баню электричество. Посадил у дома хорошие культурные саженцы. Ну и так далее. Он хоть и ругал инкубаторских цыплят фэзэошниками, но покупал их ежегодно. Домашних наседок не признавал.

В то лето одна из куриц, словно нарочно, не захотела нестись в положенном месте. Она то и дело заводила гнездо то под полом сарая, то где-нибудь в глухой крапиве, собираясь выпарить своих собственных цыплят. Делала это как бы назло инкубатору. Федя каждый раз

ее выслеживал и отбирал яйца. Однажды настойчивая наседка недолго думая уселась парить в общем гнезде, в котором неслись прочие куры. На трех или четырех яйцах. Федя не знал, что и делать. Курам надо было нестись ежедневно, а гнездо занято. Федя решил выкупать курицу в речке, чтобы охладить пыл и «сбавить температуру». Он так и сделал. Я видел, как он макал курицу в реке, стараясь, однако, чтобы она не захлебнулась. После он посадил ее под кадку, чтобы окончательно отбить у нее охоту своевольничать. Но не будешь же все время держать курицу под кадкой! Пришлось-таки ее выпустить. Она, как рассудил Федя, «сразу же образумилась и отказалась от своих планов». Федя был доволен, его жена Егоровна тоже.

Надо же было так случиться! Федя даже глаза выпучил от удивления, когда в один прекрасный день из-под сарая с чивиликаньем объявилась орава желтых цыплят. Пока Федя воспитывал наседку, другая курица не теряла времени зря.

Не в пример инкубаторским, цыплята оказались шустрей, бойкие. Они не разбежались в разные стороны, ничем не болели. Федя сначала сердился, потом перестал и был доволен. Он говорил.

— Вишь, и растут быстрее, и бегают намного проворней. Местные. А с той шпаной толку не дашь, одна морока.

И все-таки на следующий год он опять принес инкубаторских.

СТРЕЛЬБА

Из района в колхоз цыплят привозили большими партиями ежегодно. Федя купил их пятнадцать штук. Разместил около русской печки в загородке, накормил вареными раскрошенными яйцами и творогом. В первый же день цыплят прохватил почему-то жестокий понос. Трое погибли.

— Солнышка, солнышка им не хватает! — объяснил Федя. — Мне и в конторе сказали, когда выписывал.

На следующий день было тепло, солнечно. Федя сложил двенадцать своих питомцев в корзину и вынес на улицу. Но после этого сдохло еще два. Осталось десять штук.

— У, гнилые! — ругался Федя. — Детдомовские, что с них возьмешь? Да еще неизвестно, может, одни петухи.

Когда цыплята подросли, их осталось восемь штук. Они гуляли на улице, чивиликали, но то и дело разбегались в разные стороны. Феде приходилось искать их и собирать в одно место. Однажды исчез один, на другой день еще один. Федя прибежал ко мне за ружьем:

— Это он, прохиндей! Кот таскает! Ну, я ему лапы выдергаю. Дробь? Картечь нужна, дробь его не возьмет.

— Картечи нет.

— Пуля, оно бы лучше.

Скрепя сердце я дал Феде ружье и патрон, заряженный самой мелкой дробью. Он бы все равно нашел другое ружье. Федю я знал.

Рыжего я не видал ни разу после нашей встречи в лесу. Но говорили, что он снова в деревне. У меня болела душа, неужели Федя пристрелит кота? Втайне я надеялся, что Федя промажет либо ружье даст осечку (штырьки патронов были совсем сношенные, осечки получались частенько). Я так и уснул в ту ночь с чувством жестокой вины перед Рыжком.

Ранним утром меня разбудил выстрел. Нет, не произошло осечки. Я вскочил, быстро оделся и выбежал к Фединому дому. Федя стоял в одних трусах и в майке, с ружьем в одной руке, с камнем в другой. И ругался так, что я еще ни разу не слыхивал.

— Ну что? — подскочил я. — Кот?

— Зараза! — Федя метнул камнем в огород. Рыжко мелькнул в траве, прыгнул и большими скачками удалился за бани.

Я облегченно вздохнул: жив! Федя, чуть успокоившись, рассказал, как было дело.

Он (то есть Федя) проснулся на восходе, чтобы узнать, сколько времени. Случайно взглянул с повети в огород, увидел Рыжка и побежал в комнату за ружьем. Прицелился прямо из окна и пальнул с очень близкого расстояния. «Попал же! — убеждал меня Федя. — Как не попасть! Да ему, гаду, что дробь? Ему эта дробь хоть бы хны, вот кабы первый номер! Ну, все равно будет помнить, зараза, не покажется больше».

Но в тот же день исчез еще один цыпленок, и осталось их всего пять. А через два дня только три. Тогда Федя взял выходной и целый день караулил вора.

Оказалось, что цыплят таскала ворона.

ПРО ВОРОН

Мы с Федей долго охотились за бесстыжей воровкой: она была хитра и коварна. Наконец Федя все же укокал ее из моего ружья. Но было уже поздно. У Феде остался всего один цыпленок. Правда, к этому времени он изрядно подрос. И стало понятно любому, даже дураку, что это петух.

Так неудачно завершилась попытка Феде увеличить куриное поголовье.

Федя взял убитую им ворону и привязал ее за лапу к длинному тонкому шесту. Шест воткнул в грядку.

На огороде росла картошка, от цыплят осталось лишь горькое воспоминание. Для чего было пугать ворон? Наверное, Федя сделал это, чтобы как-нибудь отомстить противному вороньему племени.

В самом деле, до чего же они хитры и неуязвимы! Я не раз дивился пронизательному нахальству ворон. Они как бы шутя не однажды надували меня.

Несомненно, эти умные птицы делили, так сказать, сферу своего влияния. В каждой деревне жила опреде-

ленная группа. По способу пропитания их вполне можно отнести к домашней живности, как, например, голубей или кур. Но ведь куры не расклеивают у голубей яиц, а голуби не воруют у кур цыплят. Вороны же, пользуясь, всеми преимуществами существования вблизи человеческого жилья, иногда просто вредят.

Свежий пример — воровство цыплят.

Было хорошо заметно, что вороны жили по деревням определенными группами.

Если в нашу деревню прилетали вороны из другого населенного пункта, местные поднимали гвалт. Чужаки с шумом выпроваживались. Это, впрочем, отнюдь не мешало в ненастные дни всем воронам объединяться в одну общую стаю. Вообще же эти странные птицы недолюбливали друг друга и частенько клевались между собой. Нередко одна у другой прямо из-под носа тащила добычу.

Вороны прекрасно разбираются, что к чему. У Феде на чердаке я нашел точный деревянный макет винтовки. (Федя в годы войны руководил местным всеобщим.) Когда я выходил с настоящим ружьем, вороны после двукратного предупреждающего крика одной из них улетали далеко в поле. Для опыта я взял как-то Федин макет и вышел на улицу. Ни одна из них даже не подумала улететь! Я дважды повторил этот опыт и окончательно убедился: самая хитрая и умная птица в деревне — это ворона. Еще я заметил, что маленьких, не способных бросать камни детей вороны никогда не боялись.

ЗАЙЦЫ

В этой деревне жило два мальчика — маленький и большой. Не буду называть их по именам и фамилиям. Им это совсем ни к чему, да и рассказы эти не о людях, а о животных.

Мальчики были как мальчики, они ежедневно занимались своими делами. То врозь, то вместе бегали на речку, катали по дороге какие-то громадные чугунные шестеренки. Ходили собирать щавель. Мало ли дел? Со мной они почему-то стеснялись разговаривать.

— Ты кобылу-то разнуздал? — услышал я, проходя однажды мимо дома, где жил маленький.

— Не-е, — ответил большой. — Лягается.

Я видел, как маленький «разнуздал кобылу» и поставил ее в стойло. Оба начали рвать траву, чтобы накормить кобылу, которую изображал поломанный заводной танк. Из палочек, частоколом воткнутых в лужок, была сделана загородка. Накормили, поставили и убежали.

В тот день Федя принес откуда-то пару кроликов. Потерпев неудачу с цыплятами, он решил развести кроликов. Раньше он занимался этим делом и вот опять пригласил одну пару откуда-то. Сделал из досок загородку, посадил их туда и позвал ребятишек:

— Идите зайцев глядеть!

На улице оказался один маленький мальчик. Он подошел, заглянул:

— Зайцы?

— Ага, — подтвердил Федя. — Вот только что за уши изловил. Вон там за гумном.

— А чего они едят?

— Капустку. Ну, пока капуста не выросла, и травку едят.

— А почему один белый, а другой не белый?

— Так этот вот днем родился, а тот ночью.

Федя нарвал сочной травы, бросил в загородку. «Зайцы» действительно начали жевать травинки. Это привело в восторг голопятого зрителя: сомнений не было, в загородке были живые настоящие зайцы.

— Одного дам, — твердо сказал Федя. — Только скажи отцу, что надо барана взамен. Как только пригонит барана, сразу и берите.

В тот же вечер от дома, где жил маленький, раздался ужасный рев: мальчик просил у отца барана.

Никто не мог убедить его в том, что это не зайцы. Чтобы успокоить его, ему посулили барана на завтра. И он уснул, а утром, едва проснувшись, опять прибежал глядеть на зайцев. Уже вместе с большим.

Так он и засыпал каждый день с ревом, и отец каждый раз обещал ему барана, чтобы обменять утром на зайца. А утром все начиналось сначала...

Наконец, когда появился приплод, Федя сжалился не только над маленьким мальчиком, но и над большим. Однажды он вытащил за уши двух крольчат, подал ребятам:

— Натё! Ежели убегут, я не отвечаю.

К осени кроликов в деревне развелось столько, что их даже не считали. Они питались травой и действительно были очень похожи на зайцев.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

Гусей своих Федя не любил и ругал ужасно. Было за что! Каждое утро они так противно и громко кричали, что хоть зажимай уши. Причем ведь ни с того ни с сего.

— Ну, вы и скотинка,— задумчиво разглядывал их Федя.— Ну, вот ты, скажи, чего горло дерешь?

В ответ раздавался новый противный скрипучий крик. Федя безнадежно махал рукой и уходил. Гуси правились на речку, переваливаясь с боку на бок. Купались, плескались и снова гуськом ступали домой. Их было четверо: гусак и три гусыни. Гусак шипел на меня, когда я приходил к Феде. Он по-змеиному вытягивал шею и шипел, норовя ущипнуть. И щипал, разумеется. Особенно незнакомых прохожих. Феде было за что не любить гусей.

Даже Валдай, не желая с ними связываться, обычно

уходил от них прочь, а корова при их виде так сердилась, что бросалась на них с рогами. Дело дошло до того, что однажды она кинулась на гусыню, прижала ее рогами к земле и измяла до полусмерти.

После того как расплодились кролики, Федя решил, как он выражался, гусей «ликвидировать». Тракторист из одной дальней деревни возил Феде лес для ремонта дома. И почему-то обзавелся на гусей. Не знаю уж, на каких условиях, но Федя продал ему крикливых птиц. Проезжая однажды деревней, тракторист остановил машину. Федя посадил всех гусей в большой плетеный пестерь, в котором носят сено скоту. Пестерь завязали сверху холщовой подстилкой и привязали к прицепу, сзади трактора. Машина тронулась с грохотом. Федя, стоя на дороге, произнес:

— Ну, счастливого плаванья! Избавился от бесов.

Через два дня тракторист завез попутно Федин пестерь с подстилкой.

— Ну, как там птички-то?— спросил Федя тракториста.

— Нормально, живут,— сказал тракторист и уехал дальше.

Федя отнес пестерь в сени, взял там ведра, водноос и пошел за водой. Позже он рассказывал мне, что его даже в пот бросило: по реке, напрямик к Фединой бане, важно плыли четыре гуся. Вот тебе и счастливого плаванья!

Федя пришел домой без воды... Как он ни заворачивал гусей, как ни стегал их лозиною, они не хотели плыть обратно.

— За три километра против течения!— дивился он.— Нет, а молодцы, помнят родной дом! И хозяина помнят.

К вечеру, когда тракторист проезжал обратно, Федя из окошка помахал ему.

— Остановись-ко!

— Чего! — Трактор остановился.

— А гусей не надо ли дополнительно? У меня еще есть! Нет, ты зайди, зайди...

Федя вдоволь поохотал над покупателем, которого едва уговорили забрать гусей. Их погрузили опять в тот самый пестерь и приторочили к гидравлическому прицепу.

За лето они приплывали к Феде еще два раза. Федю любили не только все животные, но и птицы. Несмотря ни на что.

ЗАПЛАТКИН

Был у Феде кот по кличке Заплаткин. Федя рассказывал мне историю его происхождения. Года два назад кошка окотилась под печкой, тайно от Феде. Федя взял клюку и начал по одному выгребать потомство, намереваясь всех утопить. «Только выволоку,— рассказывал он,— матка его за шкурку и обратно. Так и не мог сосчитать». Когда малыши подросли, они начали сами выбегать из-под печи, чтобы поиграть на полу. Но и тогда Федя не мог углядеть, сколько их, то ли пять, то ли четыре. Таких веселых не захотелось Феде губить. Он, по мере спроса, по одному отдавал их нуждающимся. Всех отправил по разным бригадам, остался один, весь пестрый, словно в заплатках. Федя прозвал его Заплаткиным и оставил себе.

Заплаткин вырос, от матери совсем отступился и очень подружился с Валдаем. Бывало, Федя правится с озера, его еще в поле встречает Заплаткин. Мяучит и просит рыбку. Федя садился на кочку и давал Заплаткину маленькую сорожку. Кот не спеша съедал сорожку, и оба шли домой. Валдай шумно догонял их у самого дома.

Порой Заплаткин до крови дрался с другими котами (например, с Лидиным Рыжком, о котором я уже говорил). Правое ухо у Заплаткина было разорвано в такой драке, да так и зажило. Оно похоже было на ко-

шелек. Около глаза имелся изрядный шрам. После очередной потасовки Федя стыдил кота:

— Опять поддался? Ох ты! Ворона! Столько нет, дак и не берись, не втягивайся.

Смущенный Заплаткин жмурился и по очереди прижимал свои драные уши. Он словно бы отмахивался: мол, и так тяжело, а тут еще читают нотацию.

Как-то я ходил на реку, смотрю, в густой огородной траве осторожно крадется Заплаткин. Он даже не обратил на меня внимания, нашел какую-то травку и лениво начал ее жевать. «Заболеел,— сразу подумал я.— Лекарство ищет». И я не ошибся, кот действительно захворал. На другой день я зашел к Феде по какому-то делу и вижу: Федя держит кота в коленях и сует ему что-то в рот, приговаривая: «Ну, батюшко, давай, давай бери». — «Чем ты его потчуеть?» — спросил я. «Да вот, слабительное,— отвечал Федя.— Не берет, выплевывает. Может, аспирином попробовать?» Федя развернул другое лекарство. Он разломил пополам таблетку аспирина и сунул Заплаткину в пасть. Кот вырвался и убежал в коридор. Его начало там рвать.

Вскоре бедный Заплаткин ушел куда-то из дому и больше не появился. Его нашли мертвым далеко от деревни, в поле. Один Валдай жалел своего друга и не однажды начинал выть, видимо вспоминая кота. Но и Валдай скоро успокоился. Что делать? Заплаткина было уже не вернуть.

ПОГОНЯ

Было рано, солнечное спокойное утро вдруг огласилось шумом и свистом птичьей стаи. Я выскочил на крыльцо — никого. Но свист и шум снова приблизились. И тут я увидел большого ястреба, который стремглав, низко над землей, метнулся между домами. Ласточки, стрижи и синицы дружной стаей преследовали

серого хищника. В чем дело? Что он натворил? Видать, не зря всполошились птицы. Особенно неистовствовали стрижи и касатки, они носились вокруг ястреба, готовые растерзать его. Он, не зная куда деваться, вильнул в другой проулок, они все за ним. Даже несколько галок затесалось в стаю, они кричали и преследовали обидчика. Два воробья тоже хорохорились сзади. Они, летая за стайей, отчаянно чирикали и пушили хвосты. «А вы-то чего?— подумалось мне.— Вишь, тоже туда же, в драку».

Мне даже стало жаль ястреба, так много на одного... Он, бедняга, метнулся под навес, птицы — за ним. Он в поле — погоня так и насаждает. И все это со свистом, криком и шумом. Ястреб взмыл наконец высоко в небо, но погоня не отставала, тогда он стремительно полетел в поле, к лесу. Все исчезло вдаль. Стало тихо. Вдруг Федин петух выбежал на середину улицы и с угрожающим кокотом вытянул шею. Осмелел задним числом, ему явно не терпелось что-то предпринять, чем-то проявить себя в этой птичьей заварухе. Так и стоял посреди улицы, кокотал, стараясь быть как можно грознее. Валдай глядел на него с таким видом, как будто хотел спросить: где раньше-то был? Нет, брат, куда уж тебе на ястреба!

ПЕТУХ

Частенько я наблюдал за этим воинственным петухом, потому что он настоящий красавец. Красная борода его то и дело тряслась около моего жилья. Он будил меня глубокой ночью. Я улыбался ему во сне, а утром он поднимал меня уже взаправду.

Замешкается где-нибудь на задворках, очнется — глядь, а кур-то и нет. Остался один. Оглянется по всем сторонам — никого. Встрепенется, раздвинет крылья и что есть духу пустится в конец улицы. Там тоже ни одной. Обратно прибежит — пусто. Остановится, споет и

долго прислушивается. Никаких результатов. До того допоеется, что даже осипнет.

А куры спокойно возятся в пыли за углом, в двух петушинных шагах...

Либо поведет кур в чей-нибудь картофель и долго кокочет, если выгонят. Мол, что это за безобразие? Почему такая несправедливость? И столько в его кокоте искреннего возмущения, что даже смешно. Впрочем, петушиное возмущение очень недолговечно. Тут же забывает обиду, гордо вскидывает голову, выгибает роскошную шею и самозабвенно поет на весь белый свет.

КУРЫ БЕГУТ ДОМОЙ

Поскольку речь зашла о петухе, то надо поговорить и о курах. Впрочем, рассказывать о них совсем нечего. Может быть, я и ошибаюсь, но во всей домашней живности глупее курицы никого нет. Я уже говорил, что в глупости не уступают им только бараны и овцы. Остальная животность не в счет.

Итак, с курами, не считая наседок, почти не бывает интересных событий. Поэтому я расскажу давнишний случай. Дело было чуть ли не в первый мой приезд сюда. Тогда в деревне еще имелась колхозная птицеферма.

Самым занятным было то, что куриное поголовье на ферме никак не поддавалось учету. Попробуйте-ка сосчитать кур, когда они всей кучей клюют что-нибудь! Задача эта непосильна даже современной счетной машине. А что говорить о какой-нибудь старенькой неграмотной птичнице?

Помню, что продуктивность на ферме была низкая. Учету поддавались одни петухи, которые, кстати, примечательны еще тем, что никогда не позволяют скандалить курам между собой. Сами дерутся почем зря, но стоит каким-нибудь двум несушкам повздорить, петух тут как

тут. Встанет промеж дерущихся кур, и баста. Иную, самую неуюемную, и тюкнет. Я всегда поражался подобному домострою. Еще удивляет в иных петухах излишняя заботливость о своих подопечных. Найдёт петух какого-нибудь жалкого червячишку и давай бормотать, давай крутиться вокруг него. Сам хоть какой голодный, а ни за что не съест. Всех созовет. Куры сбегутся, а и клевать-то, собственно, нечего.

Но вернемся к птицеферме. Она была огорожена частоколом. Днём куры ходили в этой загородке. На ночь птичница загоняла их в горницы колхозного дома, запирала на всякий замок. Дом был большой, остался от раскулаченных. Сначала в нём размещался детсад, после контора колхоза. Когда колхоз укрупнили, дом долгое время пустовал. Наконец сделали птицеферму.

Кто только не перебивал на должности птичницы! Почти все женщины деревни, которые теперь уже умерли. Последними птичницами были знакомая нам Лидия и бабушка Марья — одна за другой. Марья уже и тогда была старушкой, Лидия же считалась в то время ещё молодой. Однажды Лидию поставили птичницей. Как выяснилось позже, она вздумала обменять трёх своих старых кур на колхозных молодых. Что и сделала. Тайком отнесла своих заживевших старуток на птицеферму, а взамен принесла домой молодых. Вскоре её поставили бригадиршей, а птичницей стала бабушка Марья. У бабушки тоже имелись свои личные куры, которые почти ослепли. Она тоже решила заменить их на ферме. Бабушка выбрала себе взамен тоже трёх, но самых матерых и жирных. Она наивно предполагала, что чем больше курица, тем она лучше. Она тайком притащила птиц домой. Надо же было тому случиться: новые куры бабушки Марьи без колебаний направились к дому Лидии. Ни та ни другая не ожидали такого конфуза. Три злополучные старутки, не подозревая, в какой стыд ввергли нового бригадира, благопо-

лучно вернулись домой. Лидия сделала вид, что куры ей не принадлежат. Но они ни за что не хотели ночевать у бабушки Марьи! Бабушка искренне недоумевала.

Не знаю, чем кончилось это событие, но о нем до сих пор вспоминают в деревне.

Птицеферму вскоре после этого случая колхоз ликвидировал.

СВОЕ БЕРЕМ

Дедко Остахов совсем расстроился. Такой опытный пчеловод, а тут оплошал! Ему даже стыдно было мне рассказать про этот случай.

Однажды к ним приехали из города гости — дочка и двое внучат. Дедку захотелось угостить ребятшек свежим медом. Он решил покачать немного, хотя срок для этого еще не пришел. К полудню он развел дымарь, вымыл чистой водой медогонку. Надел сетку и вынул из каждого улья по рамке.

Меду, как и следовало ожидать, оказалось мало. Но дедко Остахов — упрямый старик. Что задумает, обязательно сделает. Он занес рамки в сарайчик, срезал специальным ножом воск, покрывающий соты, и приготовился качать. Только хотел вставить рамку в медогонку, вдруг как гроыхнет за деревней! Дедко Остахов аж присел от неожиданности. У него было сено в валках, а тут загремело. Пойдет дождь — пропадут все труды.

И дедко Остахов схватил грабли, кинулся в поле загребать сено. Однако гром только попугал сенокосников. Дождя в этот день не было. Дедко благополучно сметал стог, а под вечер вернулся домой, намереваясь выкачать мед.

Он зашел в сарайчик, потрогал одну рамку и всплеснул руками. Соты были легкими, как пух. Меду не было ни в одной ячее. В чем дело? Рамки, что ли, подме-

нили? В соседней деревне один пенсионер, старый учитель, тоже держал пчел. Дедко уже хотел было бежать к учителю, да подумал: нет, не тот это человек, чтобы чужой мед воровать. И правильно подумал.

Я возвращался домой с купания. У дедкова дома меня больно ужалила остаховская пчела. Дедко Остахов посоветовал мне потерять больное место сырой землей и сказал:

— А гляди-ко, я-то как опростоволосился! Так и надо старому дураку. Вздумал качать не вовремя.

— А что?— спросил я.

— Всё украли. До капельки!

— Кто?

— Да мои же пчелы! Свое, сказали, берем. На-ко вот, облизнись.

И дедко Остахов пнул сапогом в пустую медогонку.

Пока он метал стог, видимо, одна какая-то пчелка-разведчица залетела в открытый сарайчик. Соты распечатаны, чего лететь далеко? Тем более взятки в это лето был не ахти какой. И вот одна за другой пчелы начали воровать у дедка свой же мед. Они украли все дочиستا и оставили старика с носом.

— С ними не шути!— рассказывал мне дедко.— Вот август придет, они трутней начнут выселять. Всех бездельников из дому вон. Трутни-то обратно лезут, а пчелки их не пускают. Шабаш! Хватит, говорят, этих тунеядцев кормить. Вот бы и у людей так!

Мы долго еще говорили с дедком о пчелах.

ХОРЬ

В бытность свою Федя имел дело с хорем. Впрочем, с чем он не имел дела? Разве что с домовым, да и то потому, что не верил ни в какие тайные силы. Хоря, как и галку, трудно отнести к домашней живности. Но

сам-то хорь думал, видать, иначе. Он жил в Федином доме как полноправный член хозяйства, ничуть не считаясь с установленными порядками. За год он придушил трех Фединых кур... А позже и совсем обнаглел.

Федя рассказывал мне, как он воевал с этим хорем.

В клетушке для гусей из-под стены неожиданно появилась нора. Среди ночи гуси подняли, как говорится, ужасный хай, но на первый раз все обошлось. Федя вылил в нору ведро воды, намереваясь утопить нахально-го кровопийцу. Не тут-то было! Хорь и не собирался сдаваться. Тогда Федя расставил под стеной, с улицы, капканчики. Из этого ничего не вышло, в капкан угодил сначала петух, а потом и Заплаткин-«покойничек», как выражался Федя. Хорошо, что капканы были кротовые, не очень сильные. Пришлось их убрать. У Феде был кое-какой опыт борьбы с крысами, он решил применить его в поединке с хорем. Набил бутылочного стекла, вместе с постным маслом намял осколки в хлебные шарики. Шарики подкинул в хорьковые норы. Ничего путного из этого тоже не получилось. Вероятно, хорь не родился вегетарианцем. Что было делать? Зверек оказался хитрее Феде. Это-то больше всего и злило хозяина. Погибших кур Федя ничуть не жалел. Но вот когда хорь сделал покушение на гусыню, Федя рассердился всерьез.

Хорь ночью напал на гусыню. По-видимому, он поволок ее в нору. Но поскольку всю гусыню тащить было не под силу, то он отгрыз у нее левую лапу. И уволок. Искалеченную гусыню пришлось скоропостижно «леквидировать».

Федя был вне себя. Он взял выходной. (В серьезных случаях жизни он всегда брал выходные.) Первым делом он хорошо изучил все фортификационные сооружения хоря. Несколько нор из-под стены вели далеко в огород. Не жалея зацветающих огурцов, Федя начал копать. Копал, копал и докопался-таки до хорькова гнезда!

Хоря в гнезде, разумеется, не было. Но после того как Федя разгреб и уничтожил хорьково жилье, зверек больше не появлялся. Видимо, он покинул пределы Фединой «оседлости», как называют здесь дом и приусадебный участок.

ВЫРУЧИЛ

Всю жизнь бабушка Марья держала корову. Но оттого что косить разрешалось только за проценты, ей, как и многим другим старухам, пришлось сдать животину в колхоз. Кто от этого выиграл — неизвестно. Скорее всего никто. Ведь все равно бабушка Марья сдавала молоко государству и теленок тоже шел государству, а трава, особенно в лесу, пропадает зря.

Так или иначе частный сектор бабушки Марьи был полностью ликвидирован. Но человеку, всю свою жизнь связанному со скотиной, очень трудно привыкать жить одному. И поэтому бабушка завела овцу и козу. На другое лето бабушка выпускала в поле уже целую ораву, в числе которой был не только баран, но и козел.

Сена на эту ораву потребовалось не меньше, чем на корову. Поэтому бабушка овец оставила, а коз продала. Вот только на козла никак не находилось покупателя. Резать было жалко. Так и шло дело, как в песенке: «Жил-был у бабушки серенький козлик». Какой, к черту, козлик! Это был уже настоящий козел, вонючий и такой приставала, что один ужас. Оттянет губу и лезет ко всем по очереди. Его лупили за нехорошее поведение проезжие трактористы. (Хотя, если разобраться по совести, от них-то пахло не лучше. Горючим и всякой гарью.) И вот нынче, жалея козла, бабушка Марья перестала выпускать его на свежий воздух. Она запирала его в старой зимней избе и кормила пыльным прошлогодним сеном. Козел чихал и не ел. Тогда бабушка наводила ему в ведре вкусного пойла. Вот это другое дело, как бы говорил козел и, причмокивая, махал хво-

стом. Бабушка разговаривала с ним, как с человеком: «Экой ты плут, откуда навязался на мою голову?»

В сенокос она бродила понемногу косить. Козел, оставаясь один, блеял взаперти на разные голоса. Федя, встретив однажды старуху, спросил:

— Ты чего, телевизор, что ли, купила?

— Полно,— замахала бабка.— Какой от меня телевизор.

— А я думал, купила. Весь день поет. Ведь никому и на трубе так не выиграть, как он, бедняга, выводит.

— Да чего делать-то? Исколотили всего.

— Выпускай!— коротко посоветовал Федя.— Я выручу.

Бабушка Марья недоверчиво покачала головой:

— Да как выручишь-то?

— А это уж мое дело как.

И бабка выпустила козла. Говорят, что все гениальные мысли очень просты. Не зря говорят. Федя поступил просто. Он начал учить козла бодаться. Надел мотоциклетную каску, встал на четвереньки и под смех ребятишек боднул козла. По вечерам они с козлом устраивали на лужке тренировки. Козел оказался способным учеником. На третий день он понял, что от него требуется.

Федя решил больше не рисковать своей головой и начал ставить на торец широкую доску, прикрываясь ею, как щитом, дразнил:

— Ну, душной, давай!..

Козел несильно стучал в доску рогами. Вскоре он научился бить с разбегу, и Федя едва удерживал доску. Однажды козел вышиб защиту и разбежался еще, чтобы ударить прямо по Феде. Феде пришлось бежать, он еле успел захлопнуть ворота.

С этого дня ни один тракторист даже пальцем не смел тронуть козла. Но бабушка Марья попала в другую беду. Козел начал бодать всех подряд. Ей пришлось снова заточить козла в старую избу.

Покупателя на него все еще не находилось. Бабушка как бы смирилась с этим и терпела. У козла даже не было клички. По одному этому можно судить, как он жил. Обычно у всех домашних животных, кроме овец, баранов и петухов, есть имена. Козла же бабушка Марья не звала никак, даже просто — козел. Федя, правда, называл его, но весьма оскорбительно — Душной. То есть вонючий, с дурным запахом. Душной так Душной. Бабушка незаметно для себя тоже стала его так называть. Он по-прежнему целыми днями сидел взаперти. Если раньше бабка не пускала его на улицу из боязни, что его обидят, теперь наоборот. Боялась, что кого-нибудь обидит он сам.

Но легко ли летом сидеть взаперти! Ничего нет хуже, хоть бы для козла. Однажды, когда бабка на весь день ушла в поле, ему каким-то способом удалось выйти на волю, но только внутри дома. То ли бабушка худо приперла дверь, то ли совсем припереть забыла. Одним словом, Душной проник, видимо, вначале в коридор, затем на верхние сени. Дом, однако, был закрыт снаружи: последние годы в деревнях появились замки. (Еще два года тому назад ворота здешних домов люди не запирали, втыкали в скобы лишь палочки или батожки.)

Дом у бабушки Марьи высоченный, драночная крыша крутая, широкая. Козел, видимо, долго бродил внутри, теряя надежду выбраться на улицу. И все-таки он глотнул в тот день свежего воздуха...

Федя, придя на обед, первый увидел эту картину: Душной ходил по крыше. Головокружительная высота, видимо, смущала его, он то и дело жалобно блеял. Можно было себе представить, что от него осталось бы, если бы он свихнулся с князька!

Федя забил тревогу. Пришел дедко Остахов, покачал головой:

— Экой касманавт!

Лидия с женой Федей — Егоровной — ахали и охали. Но все рассуждали пока не о спасении козла, а о том, как он залез на крышу. Будто это было так важно!

Наконец шутник Федя предложил:

— Может, за ружьем сбегать?..

Шутки шутками, но делать что-то надо. Лестница необходимой длины имелась только у дедка Остахова. Мы с Федей сходили за ней. Приставили к дому, но лестницы хватило лишь до карниза.

Тем временем с поля вернулась бабушка Марья. Она вначале испугалась, а спустя несколько минут заругала козла:

— А леший с ним. Хоть бы свалился да шею сломал!

Но это была минутная слабость бабушки Марьи. Она тотчас заохала от расстройства.

Но что предпринять?

Надо было лезть вверх, ловить козла и спускать его вниз по веревке. Никому не хотелось, мне тоже.

— А как залез, так и пусть слезает! — сказал дедко Остахов.

Это было, конечно, резонно. Но даже сама бабка не знала, через какую дыру козел залез на крышу. Дыр, видимо, было много. Бабушка завела меня на сарай, показала все как есть. Козел, вероятно, забрался вначале на чердак по лестнице, затем по двум доскам, лежащим на балках, пришел на потолок чулана, затем опять же по доске пробрался в другой конец дома, где светлело небольшое отверстие. И все это на трехметровой высоте над настилом сарая. Как он не брякнулся еще тут — непонятно. Я подивился его упрямству и вышел на улицу.

Федя уже сбегал домой за веревкой. Он влез по лестнице на крышу сарая, затем на крышу самого дома.

— Батюшко, батюшко...— приговаривал Федя.— У, дурак, Душной!

Козел увернулся.

Все мы, как говорится, с замиранием сердца следили за ними снизу.

Федя был смел и находчив. Он сделал из веревки петлю наподобие ковбойского лассо, которые показывают в кино. И с перворазки накинул козлу на рога...

Козел потерял равновесие и покатился с крутой крыши. Федя тоже едва удержался, но успел укрепиться, держась за круглую чугунную трубу. Козел не докатился до края крыши, веревка напряглась и задержала его.

— Ну, теперь буду спускать! — закричал Федя и начал осторожно травить веревку. Козел завизжал...

Я ручаюсь, что за последнюю пятилетку в деревне не было подобного зрелища. Федя травил веревку, женщины внизу замерли, козел жалобно заблеял, заюлил ногами, когда бултыхнулся с крыши и повис на рогах.

— Принимай! — орал Федя сверху, но было боязно подходить.

Федя травил веревку большими порциями, спуская груз к земле. Душной благополучно коснулся задними копытами твердого грунта. Федя слез с крыши. Все успокоились. Мы хотели нести лестницу обратно к дому дедка Остахова, но решили передохнуть. Бабка еле сняла веревочную петлю с козлиных рогов.

— Ох, Душной, бес,— ругалась она,— беги, дьявол, беги теперь.

И она повернулась к нам, сматывая веревку. Потом наклонилась, чтобы поднять Федину упавшую кепку. Все произошло опять же, как говорится, в считанные секунды. Козел, отступив чуть назад, наклонил рогатую голову и сильно боднул бабку в зад. Бабка Марья полетела в крапиву...

— Ну, Душной!— заключил Федя всю эту сцену.— Теперь-то тебе не миновать мясозаготовки!

И мы с дедком Остаховым понесли лестницу к его дому.

ШЕФ-ПОВАР

Федя говаривал как-то: «Теперь и коровы-то все с высшим образованием». Как и всегда, он, конечно, преувеличивал. Но в этих словах доля правды все же была. Коровы по сравнению с прежними действительно очень избаловались. Они уже не хотят пастись в лесных угодьях, как это было в здешних местах испокон веку. Под пастбище отведены самолучшие поля, для коров ежегодно строятся помещения, похожие на дворцы. Механизация — полная. Не хватает разве что кондиционированного воздуха. Свет горит круглые сутки. Говорят, что коровы уже не могут жевать жвачку в темноте, а солому почти не едят. Это — колхозные. Если же говорить о личных, то о соломе и речи не может быть. Во-первых, где ее взять, солому? Во-вторых, животное сильно подкармливают печеным сельповским хлебом. Почему так получается? Потому что весной, к примеру, кило печеного хлеба дешевле, чем кило хорошего сена, хотя многие гектары лесных покосов ежегодно уходят под снег.

Федя говорит, что теперь коня и мужика ни во что не ставят, все внимание бабе да корове. Называет такие порядки «колесией» и добавляет: «Наверно, скоро представление света».

Когда жены нет дома, он сам доит свою корову Поляну. Но прежде чем взять подойник, он кидает фуражку в угол и надевает старый платок Егоровны. Поляна никак не дается доить, если придешь в фуражке. Небритый и черный от загара, да еще без двух передних зубов, Федя похож в этом платке на бабу-ягу.

— Вот бы тебя так сфотографировать,— говорю я.

— И не говори!— отзывается Федя, усаживаясь под корову.— Матушка, матушка... Куды, зараза такая, стерьва! Юбку, что ли, еще надеть?

Поляна оглядывается на зычную Федину ругань. Она укоризненно смотрит, словно бы говоря: «Как некультурно, постыдился бы приезжих людей».

— Матушка, матушка,— снова подкрадывается Федя.

Так повторяется раза два или три. Наконец корова подоена. Пес Валдай глядит на Федю с сочувствием. Кузя вопит в хлеву, требуя есть. Кошка Муська терпеливо ждет молочка. Мычит теленок, блеющие овцы бегают где-то рядом.

У Феде неожиданно сдают нервы.

— Никого не буду кормить!— заявляет он.— Ждите большуху. Вишь, нашли шеф-повара...

ГЛУПЫЙ ТЕТЕРЕВ

Бывают с птицами и животными совсем странные происшествия. Однажды в мае среди бела дня на Федину березу ни с того ни с сего прилетел здоровенный тетерев. Сел и сидит. (Сам я не был тогда в деревне, мне рассказали об этом.) Сидит и глядит на деревенскую жизнь с высоты.

Первой увидела его Лидия. Она сказала бабушке Марье, а бабушка разболтала Фединой жене Егоровне. Так и дошло до самого Феде.

Федя взглянул на березу — и впрямь! Сидит на вершине самый настоящий тетерев. Федя недолго думая побежал в соседнюю деревню за ружьем. Километр туда, километр обратно. Да ведь надо еще и ружье выпросить, договориться! И тетерев все это время сидел на березе, словно бы поджидая Федю с ружьем.

Ну, конечно, и досиделся. Федя сшиб его с первого выстрела, ощипал и целую неделю хлебал и нахваливал

суп. Зачем надо было лететь этому косачу в деревню? Непонятно. Да еще как дураку так долго сидеть на березе. Если б хозяина, у которого Федя выпросил ружье, не было дома, если б он ушел, например, в магазин или на какую работу, тетерев и сегодня бы был жив.

ГАЛКИ И ОВЦЫ

Овцы ходили в поле без пастуха, они шипали траву. Я видел, как прилетели две бойкие галки. Одна усе-лась на спину овце и давай тюкать носом прямо в шерсть. Овца даже как будто была рада непрошеной госте.

«Пух дергает на гнездо,— подумал я.— Ну и ну!»

Но ведь все нормальные птицы вьют гнезда весной. Что это за галка, которая вздумала устраиваться с жильем под осень? Вторая галка села на барана, но тому это не понравилось или было не до галок. Тогда она села на другую овцу.

Позже местный ветеринар сказал мне, что галки вылавливают в овечьей шерсти личинок. Вот, оказывается, почему овечкам нравились визиты этих в общем-то неприятных, сварливых птиц!

ПРО БАРАНОВ

Я говорил уже, что Федя человек прогрессивный и очень любит всякую технику. Он выписал по почте машинку для стрижки овец и быстро научился ею орудовать. Когда он остриг овец бабушки Марьи, ему не стало отбоя от просителей.

— Да вы что?— отказывается Федя.— Разве у меня парикмахерская?

Но все-таки стриг. Вытаскивал из-под шкафа длинный резиновый шнур, включал вилку в телевизионную розетку и через окно подавал машинку на улицу.

В тот же вечер Лидия притащила под окно своего все еще не стриженного барана. Баран упирался и не хотел идти, он хрипел и по-дурацки блеял. Лидия тащила его за рога, то ехала на нем чуть не верхом. Зигзагами.

Федя критически оглядел барана:

— Мало его остричь. Его бы обрить надо, вишь, до чего упрям.

— Да ведь замерзнет,— возразила Лидия.

Федя обкорнал барана за пять минут. Стриженный баран всем показался тощим и маленьким.

Я держал его за рога, пока Лидия складывала шерсть в старую наволочку.

— Да отпусти ты его, отпусти,— сказала Лидия,— овец-то еще не застала.

Я отпустил барана. Он отбежал на дорогу. И встал, хрипло блея. Он как будто недоумевал, привыкая к новому, «раздетому» состоянию.

— Хватит, пофорсил!— сказал Федя.

В это время я увидел дедка Остахова, который тащил за рога другого барана.

— Лидия! — окликнул дедко.— Опять твой баран с моими овцами! На, забирай.

Лидия всплеснула руками. Дедко действительно тащил ее барана, она остригла по ошибке остаховского...

Федя хохотал на траве. Дедко Остахов сокрушенно разглядывал своего стриженного, все еще не отпуская чужого лохматого.

— Дак на, шёрстку-то,— Лидия несмело подавала дедку наволочку с шерстью.

— Да на што мне шерсть? Я овчину хотел выделывать... Ну, может, к зиме и вырастет... Шут с ним.

И дедко из рук в руки передал Лидии ее нестриженного барана. Сам взял наволочку. Лидия сокрушенно потащила домой своего барана. Федя предлагал остричь и этого, но она наотрез отказалась.

Однажды ранним утром я пробудился от странного низкого звука. Вроде бы ревел двигатель пролетающего реактивного самолета. Но звук то и дело прерывался. Нет, на самолет не похоже. Машины тоже так не рычат, даже когда буксуют.

Этот рев приближался. Я выбежал за угол и порядком струхнул: громадный бык шел напрямик. В нем была добрая тонна весу. Он даже не взглянул на меня, с низким печальным и угрожающим ревом прошел мимо. Изредка он останавливался, клонил большую рогатую голову и скреб землю копытом. Из-под копыта далеко назад летели дерновые клочья. Он уходил все дальше и дальше, по дороге к центральной усадьбе.

В тот день я не узнал о нем ничего. Но на следующее утро все повторилось точь-в-точь. По деревне снова прошел бык. Что такое? Второй? На третье утро — опять то же самое. Непонятно. Сколько же всех быков на ферме? Егоровна рассказала мне, в чем было дело.

Быка по кличке Рома перегнали недавно с центральной усадьбы на ферму Егоровны. Когда его выпускали утром со двора, он не захотел ходить в новом стаде. Несмотря на все старания пастуха, он пошел домой, обратно на свою центральную ферму. Оглашая деревню печальным угрожающим ревом, Рома прошел километров пять и остановился у дорожной развилки. То ли оттого, что не знал, какую дорогу выбрать, то ли из-за оводов бык не решился идти дальше и замешкался. Конные пастухи догнали его и возвратили куда положено.

Однако на следующее утро он снова пошел туда, где привык. Но, по-видимому, он забыл дорогу домой, потому что каждый раз останавливался у развилки. Так повторялось много раз. Наконец пастухам надоело ездить, и они махнули на Рому рукой. Неприкаянный, одинокий, бык бродил около деревень, тоскуя по дому.

Иногда он останавливался и подолгу стоял на одном месте. Что таилось в этой большой голове? В печальных круглых, отливающих синевой темных глазах сквозило что-то нездешнее и тоскливое. Но иногда глаза Ромы наливались кровью, и он с ревом начинал отбрасывать землю копытом. Теперь на него никто не обращал внимания. Рому даже не пытались загонять во двор. Он ночевал где придется — то в поле, то в старом гумне. Видя, что никому не нужен, бык перестал даже реветь. Целыми часами он стоял в поле или бесцельно бродил у стогов.

В один прекрасный день в деревню с руганью прибежала Лидия. Оказывается, бык перекувырнул сметанный ею стог сена. После этого Рома перекувырнул еще несколько стогов. Я сам видел однажды, как Рома бродил около стога, потом вдруг подцепил стог под самое основание. Стожар был крепкий, стог качнулся, но не упал. Я был далеко и закричал. Хотел бежать с палкой, чтобы отогнать Рому от стога. Но трусил, да было уже и поздно. Рома уперся ногами в землю, зарылся рогами в сено, и на моих глазах стог повалился набок. Что значили какие-то четыре-пять центнеров для такой туши?

После этого его уже не выпускали из стойла. Все перевернутые стога пришлось переметывать. Так отомстил людям этот бык за то, что перевели на чужбину.

ПОСЛЕДНЯЯ СИНИЧКА

Сидел я за столом в горнице и не заметил, как потемнело в воздухе. Взглянул в окно и вижу: на проводе, совсем рядом, сидит синичка. Сидит и вытягивает головку то влево, то вправо. При этом ее тоненький клювик открывался и закрывался. Что это она делает? Я подошел к окну и забыл про синицу: сверху медленно летели снежинки. Вот почему потемнело на улице.

Лето кончилось. Пришло время уезжать из этой деревни.

Синичка все поворачивала голову то туда, то сюда. Я пригляделся и увидел, что она ловит ртом снежинки. Ах, лентяйка! Ей не хотелось лететь на реку. Она утоляла жажду снежинками. Никогда такого не видел. А может, она принимала снежинки за мошкарку и ловила? Не зря ведь говорят про первый снежок: «Полетели белые мухи».

Эта синичка была последней из всей деревенской живности, с которой я познакомился в это лето. Ночью Федя проводил меня за околицу на автобус. Мне не хотелось покидать эти места.

Конечно, я далеко не все рассказал о здешних животных, зверях и птицах. О них можно было бы еще много рассказывать, но я боюсь, что уже наскучил читателю.

В. Бочарников

ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ

Ее жгли и ковали морозы, хлестали февральские вьюги, полосовали осенние затяжные дожди. А лето — скороход. Только полюбили, и нет его. И опять земля принимает осень. Принимает по-матерински: и щедро и ласково — и когда только всего наработать успела! — ворохами зерна, горами картошки, бело-сизыми глыбами капусты, алыми гроздьями рябин, ядреной антоновкой.

День бабьего лета. Я лежу на земле. Рядом корзина грибов. С берез осыпаются листья. Если не будешь ворочаться, желтые листья слетят тебе на спину, сядут на ладони. Земля теплая-теплая.

Она для нас всегда такая, даже в морозы и в метели. Только мы не замечаем этого за делами, за заботами. Иначе как бы сразу, прямо из-под снега, вышла такой живой и дружной озимая рожь? Иначе как бы росли деревья, жили птицы, звери и мы сами?! Теплая земля, теплая! В любое время года, всегда.

На запоздалый синий василек сел шмель, стебель цветка сразу качнулся и провис к земле. Под березой — когда пришел, не было — пробился гриб-боровик, на шляпке прилипли две оборванные зеленые-зеленые травинки, прилетела и затенькала, роняя ледяные сосульки, синица — холодок в ее песне. Синицу слушали березы, травы, облака и я.

Теплая земля, теплая. Когда она — родная тебе!

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Колесов*. Журки	4
Л. Семаго. Случай из птичьей жизни	7
А. Шпиякин*. Дети наблюдают, Баран, мальчик и щенок. Семь ласточек. Буря из туч и голубей. Пчела на снегу	29
Д. Житенев*. Весна на Печоре	32
В. Барков*. В лес за радостью. Барсуки вернулись. Лесничий	38
А. Игнатьев*. Филька. Второй дом. Тепло Сибири	46
А. Севастьянов*. Беглец и Домка. Я ее не знаю — она меня не знает	50
Г. Рыженков*. Хвойная метель	63
В. Песков. Как приходит зима	64
Е. Твердов*. Сказы дедушки Маноса	68
В. Бочарников. Побег. Лосенок родился. Жеребенок . . .	82
И. Васильев. Дубки. Березовый дождь	87
Ф. Абрамов. Из рассказов Олены Даниловны	90
В. Астафьев. Жизнь Трезора. Древнее, вечное. И прахом своим	101
В. Белов. Рассказы о всякой живности	111
В. Бочарников. Теплая земля	158

Теплая земля: Рассказы, миниатюры, зарисовки /Сост. Т. Мальцева.— М.: Мол. гвардия, 1986.— 159 с.

20 к. 100 000 экз.

Сборник рассказов, художественных очерков, лирических миниатюр о земле, о природе, о сельском труде, о душевной щедрости и доброте. Издание рассчитано на массового читателя.

Т 4803010100—176 198—86
078(02)—86

ББК 84Р7

ИБ № 4950

ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ

Редактор Е. Калмыкова
Художественный редактор К. Фадин
Технический редактор Г. Варыханова
Корректоры Е. Дмитриева, И. Тарасова

Сдано в набор 25.11.85. Подписано в печать 29.05.86. А 07724.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 7,35. Учетно-изд. л. 7,1. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Изд. № 2137. Заказ 5—416.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь», 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42.

20 коп.

КОМПАС

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ